Е58—
386

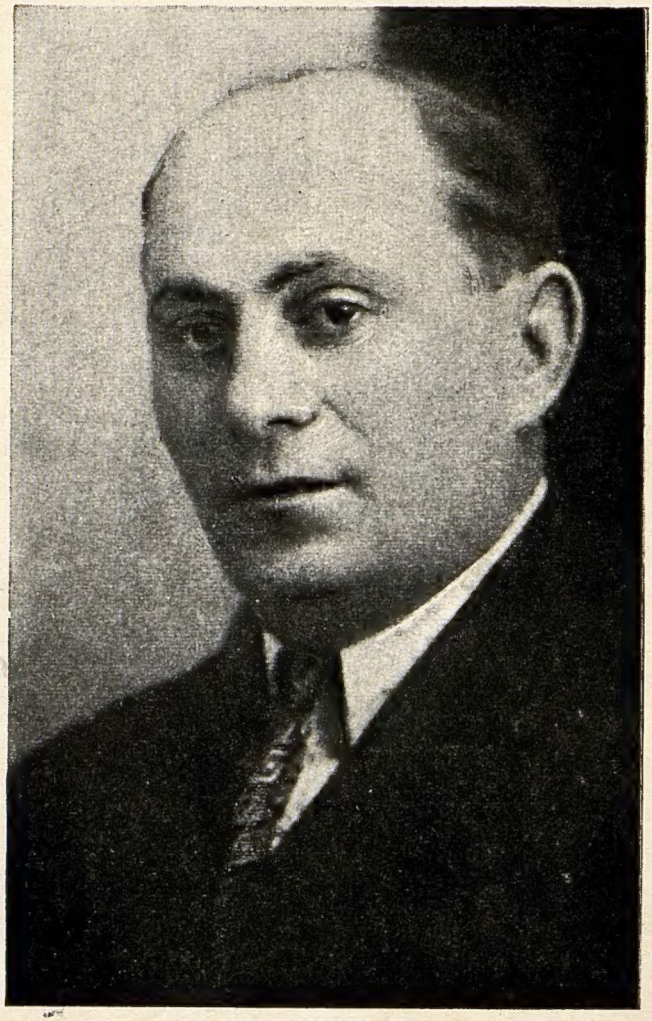
ЛЕОНИД КАЦОВ

Сквозь плен

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

Колич. предыд. выдач.....

1-й экз



E58
386
1

Леонид Кацов

СКВОЗЬ ПЛЕН

Предисловие
К. РАДЕКА

2-е изд.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНЫЙ ПРОФЕССУРЫ
№ 141498.

Московское
товарищество писателей
1934

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА СР
141428 19 Г.

Редактор Г. Шульц. *Техн. ред. М. Чуванов*
Художник В. Хлебовский

Типография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18. 3 т. № 922. Сдано в набор 26/X 1933 г. Подписано к печ. 15/XII 1933 г. *Статформат Т-6 125×176 12¾. печ л.. Мособлит № 29192. Тираж 5200 экз. 1934 г.* *МТП № 406/141*

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Книга тов. Кацова «Сквозь плен» выходит в короткое время вторым изданием. Это значит, что она нашла своего читателя. Не мудрено, ибо она отражает одну из народных струй, влившихся в мощный поток большевизма.

Основной кадр большевистских айронзейдов[1], «завоевавших» великую царскую империю, грудью отстоявших освобожденные ими от ига капиталистов и помещиков фабрики и земли, успешно строящих теперь социализм,— это промышленные рабочие. Эти кадры формировались на металлургических заводах Петрограда, на текстильных фабриках Москвы, в шахтах Донецкого бассейна. Их выковал фабричный молот, шлифовали подполье, ссылка и каторга. 30 лет варились они в доменных печах истории, и поэтому они служат революции по сегодняшний день.

Вокруг этих кадров складывались армии революции, впитывая в себя самые различные народные слои. Примыкали к этим кадрам русские крестьяне, гонимые жаждой земли. Присоединялись сыновья латвийских и эстонских крестьян, полные ненависти к немецким баронам, которые пороли их плетями и смотрели на них с презрением не просто бар, а чужих завоевателей. Примыкали к большевистской армии отряды из народных масс Востока, до которых дошла весть о возникновении воинства, борющегося за освобождение всего угнетенного человечества. И сквозь сто пленов, пленов религиозных средневековых предрассудков, пленов гетто, пробивались к великой армии большевизма еврейские трудящиеся, изголодавшиеся, забитые, заплеванные историей.

[1] Дословно: железные бока. Айронзейдами назывались основные кадры армии Кромвеля, состоявшие из революционно настроенных ремесленников и батраков.

Книга тов. Кацова рассказывает именно об этом отряде, примкнувшем к большевистской армии. Она рассказывает историю еврейского ремесленника из маленького подольского городишка, отправленного на фронт для защиты царского отечества. Русский пролетарий не имел отечества, как и пролетарий всех стран. Он мог потерять только кандалы капиталистической эксплоатации. Но Менделе из подольского городишка не мог даже потерять кандалов, ибо он страдал не просто от капиталистической эксплоатации и царского гнета, но и от того, что его даже на фабрику не пускали и ему приходилось пробиваться хлебом и луком где-то в глубоких норах общественного здания. Он страдал от того, что над ним свистела царская нагайка не только как над бесправным гражданином общества и членом угнетенного класса, но и как над членом самой презираемой и попираемой нации.

Русский пролетарий, идущий на фронт, знал свою силу. Он имел за своей спиной 1905 год. Он имел за собой школу международного социализма. Менделе носил в сердце ненависть к царизму, имел душу бунтаря, но не имел чувства силы пролетариата. И потому, когда после первой же попытки поделиться своей болью с другими солдатами он получил по зубам от офицера, — он стал искать, как бы ему выбраться из западни, на которую лился дождь огня и железа. Он дезертировал, говоря без прикрас, к австрийцам. Это был совсем не героический поступок, но Менделе не имел ни малейшей охоты быть героем для царя. А что фронт может стать кузницей большевистского сознания для одетых в серые шинели рабочих и крестьян, он даже думать не мог, ибо не знал даже о самом существовании большевиков.

Мы видим далее Менделе в австрийском плену, где царский гнет сменился гнетом австрийского империализма и солдатчины, — в плену, где классовые различия в обращении к пленному офицеру столь ярки, что Менделе даже казалось, что офицера кусает другая вошь, чем его.

В плену Менделе знакомится с пленными крестьянами России, близко видит нищету украинских крестьян, эксплоатируемых польскими помещиками, знакомится с положением чешских рабочих, венгерских батраков. Он наблюдает целую гамму новых социальных отношений, новых форм эксплоатации. В нем растет протест. Но ему даже в голову не приходит мысль о возвращении в Россию. Когда он бежит из плена, — а бежит он многократно, — он делает это просто, чтобы подышать свежим воздухом. В Россию он бежит только тогда, когда узнает о Февральской революции. Схваченный в пути, он проходит пос-

ледний этап плена на работах по постройке дорог в тирольских горах, где от австрийского офицера социал-демократа узнает, чего хотят большевики. Австрийский социал-демократ не одобряет методов большевизма, но Менделе очень одобряет, ибо он прошел пекло жизни еврейского ремесленного пролетария на Подолии и пекло плена у империалистов.

Поэтому, когда, вырванный после Брестского мира советской властью из австрийского плена, он вступил на землю Советскую, на землю рабочих и крестьян, он со слезами поклялся в партийном клубе в Смоленске трудиться именно на этой земле и защищать ее от врагов.

Многие проливали слезы, вернувшись из плена, и присягали на верность земле Советской, но после не сдержали клятвы и капитулировали перед трудностями борьбы за новую жизнь. Зато борьба эта выковала из бедного еврейского ремесленника Менделе, ненавидящего царизм и войну, большевистского борца за социализм.

Пусть тов. Кацов расскажет так же просто и бесхитростно и дальнейшую историю Менделе. Мы будем ждать ее с большим интересом.

Карл Радек.

Всем солдатам, прошедшим сквозь австрийский плен, и особенно тем, кому пришлось побывать в Зимне и Тироле, посвящает эту книгу

Автор

НА ФРОНТ

Эшелон подходил к Ровно. Мимо раскрытых дверей вагона неслись последние верстовые столбы, мостики, будки. Где-то впереди семафор, подняв кверху железную руку, приветствовал новую толпу хмурых взлохмаченных людей, идущих на смерть.

Через несколько минут должен был окончиться долгий путь Менделе, начавшийся три месяца тому назад у стола призывной комиссии и в казармах Щиговского полка, — путь на фронт, в окопы, в тот мрачный залитый кровью ад, из которого уже нет возврата. Ведь Менделе солдат! Его одели в рабскую одежду христолюбивого царского воинства, всучили в руки винтовку и приказали защищать православную веру, русского царя и свое отечество.

Его отечество... Какой злой иронией звучали для Менделе эти слова! Пух еврейских перин еще носился по городам и весям е г о о т е ч е с т в а. В ушах еще звучали крики изнасилованных женщин, предсмертные стоны зарезанных братьев, рев и гиканье погромщиков... Еще не забыл он свое жалкое детство, свою семью, каторжный труд из-за грошей, нищету сгорбленных еврейских домишек... Разве можно это когда-нибудь забыть? Нет, прав был старый сапож-

ник реб Лейзер, когда говорил Менделе, глядя на него поверх своих криво посаженных на нос очков:

— За что собственно евреи должны воевать? Не за то ли, что, вставая утром с постели, ты молишься, чтобы урядник был в хорошем настроении, чтобы надзирателю было весело, чтобы исправник хохотал, городовой чтоб танцовал от радости, чтобы еврей взятки давал, а царский трон скорее погибал?.. Нет, Менделе, пусть сын Моисея Шильдкраута воюет, отец его богат, как Ротшильд, и ему есть что защищать. А тебе некогда воевать, ты должен работать, Менделе... Смотри — тебе уже двадцать лет, а ты носишь старые заплатанные штаны и купленные на толчке ботинки и каждую пятницу смываешь десятый пот со своего тела...

Прав был старый мудрый реб Лейзер.

Поезд остановился.

— Выходи, стройся! — услышал Менделе знакомый голос фельдфебеля.

Снова вещевой мешок на плечах. В строю некогда думать — нужно исполнять команду.

Уставшие, изнуренные дорогой и теснотой вагона, люди молча двинулись по пустым улицам. Быстро темнело. Скудно освещенные дома тонули в полумраке. В царившей вокруг тишине было что-то страшное, зловещее.

Наконец, город остался позади. Потянулось пустынное ночное поле, потом шелестящие под ветром перелески. Далеко впереди виднелось в темноте огненное зарево, и оттуда доносился глухой гул канонады.

Шли попрежнему молча, с трудом передвигая ноги. Вещевой мешок нещадно оттягивал плечи, винтовка казалась пятипудовой... Когда через час был объявлен привал, все повалились на землю, не в силах снять

с себя даже амуницию. Только немногие, еще не утратившие бодрости, разжигали костры, чтобы вскипятить в котелках чай; но им не удалась их затея — не прошло и двадцати минут, как снова раздалось безжалостное: «Стройся!» — и люди, после такого отдыха, казалось, еще больше уставшие, покорно побрели дальше...

Так, изредка делая привалы, двигались роты всю ночь. Далекий сначала грохот перестрелки с каждым часом приближался. К рассвету уже можно было различить отдельные разрывы и выстрелы. До передовых линий оставалось не более трех-четырех верст.

— Неужели нас так прямо и погонят в окопы? — с тревогой спросил у Менделе шагавший рядом с ним Березовский.

Это был совсем еще молодой еврей, почти мальчик, такой худой и щуплый, что, казалось, его винтовка весит больше, чем он сам. Он совершенно обессилел, еле держался на ногах. По его обострившемуся позеленевшему лицу было видно, что до окопов он не дотянет.

Но на его счастье оказалось, что полк назначен на сегодня в резерв.

Кое-как Менделе здесь же, недалеко от дороги, удалось разбить палатку. Он лег рядом с Березовским, примостил под голову вещевой мешок и тотчас же заснул.

Когда он проснулся, солнце стояло уже высоко. Впереди, за лесом, попрежнему гремели пушки. Солдаты один за другим вылезали из палаток. Каждый по-своему пользовался отдыхом, — кто, растянувшись на земле, молча смотрел на небо, кто дрожащей рукой спешил сообщить родным, что он жив и здоров... Другие занялись чаепитием или жевали хлеб с сахаром. Где-то играли на гармошке.

Группа солдат с котелками в руках расположилась в ожидании обеда перед полевой кухней. Здесь говорили о войне и о том, почему она, проклятая, затягивается.

— Изменщиков у нас много, — говорил грузный рыжеусый солдат в шинели, слишком короткой по его росту. — А все жиды... Они первые с немцами якшаются.

— Брось ты, не в жидах дело, — перебил его румяный белобрысый малый, усердно пришивавший к фуражке обломившуюся кокарду. — Ну вот, — указал он на подходившего к кухне Березовского, — разве этот не с нами вместе будет воевать? Всем одно счастье, в окопах гнить...

Однако его не слушали. Кто-то потянул Березовского за картуз, другой подставил ему ножку, и под общий смех Березовский покатился на траву.

Менделе, издали видевший эту сцену, поспешил на помощь другу. Его резкий взволнованный голос был так неожидан, что потешавшиеся над «жидом» солдаты изумленно замолкли.

— Этот еще откуда взялся? — пробурчал рыжеусый.

Менделе усмехнулся.

— Откуда? Может быть, ты думаешь, что я приехал сюда в карете из собственного поместья?

Он уже не мог сдержаться, — торопясь и волнуясь, он говорил о сынках богачей, которые остались дома и живут, не зная лишений, о том, что война нужна только богачам, а рабочим, будь то еврей или русский — всем одинаково плохо... Он позабыл осторожность, ему казалось, что сейчас все его поймут — слова сами вырывались из его груди, как птицы.

Вдруг он остановился на полуслове: перед ним, как из-под земли, вырос ротный, подпоручик Кротов. Вы-

таращив глаза, ротный слушал Менделе и молча шевелил пальцами, точно у него отнялся язык.

— Ты... ты, — наконец, заговорил он, — жидовское отродье...

Он шагнул вперед, ударил Менделе по лицу и хрипло заорал:

— Анархист, изменник, под суд!

Сам не зная того, он попал в цель: Менделе действительно примыкал к кружку, которым руководил член анархической организации, и считал себя анархистом.

Вдоволь накричавшись, еще раз пригрозив Менделе военным судом, ротный приказал солдатам разойтись.

Его выходка ошеломила всех, и угрюмые, подавленные солдаты молча исполнили приказание. Березовский пробовал утешить товарища, уговаривал его не обращать внимания на случившееся. Но Менделе не слушал. Гнев, обида и возмущение душили его, и он, бессильный что-нибудь предпринять, глухо рыдал, уткнувшись лицом в свой вещевой мешок... Около его палатки группами собирались солдаты, стояли молча, или перебрасывались отрывистыми словами, которых никто не слушал и не понимал.

Грохот перестрелки не утихал весь день, а ночью, казалось, еще усилился. Ночь прошла тревожно. Было известно, что утром полк выступает на передовые позиции, на смену, и многие в лихорадочном ожидании не могли уснуть до самого рассвета.

На рассвете полк выстроили. Солдатам выдали патроны, и роты одна за другой потянулись через лес.

В лесу было тихо и сыро, накрапывал мелкий ленивый дождик. Все ближе гремели разрывы. Навстречу полку, опираясь на винтовки, шли легко раненные. Попадались повозки с ранеными тяжело — на одной из

них Менделе увидел своего земляка Левка Куничан. Голова его была обмотана окровавленной марлей, лицо искажено болью. Он тусклыми глазами взглянул на Менделе и отвернулся, должно быть, не узнал...

АТАКА

Когда достигли передовых линий, было уже часов девять утра. Снова показалось солнце, осветило изрытое окопами и снарядными воронками поле, полого сбегавшее к реке Стыр, за которой находились позиции австрийцев.

Несколько часов длилась смена — приходилось гуськом, по одному, сгибаясь в три погибели, продвигаться по извилистым, неудобным ходам сообщения. Это отнимало много времени. Непривычность обстановки и страх, невольно теснивший дыхание при каждом разрыве, развлекли Менделе, заставили его на время забыть о вчерашнем, и он почти не заметил, как прошел день.

Ночью полк перешел в наступление.

Задача предстояла нелегкая — прежде всего нужно было вброд перебраться через реку, которую австрийская артиллерия превратила в бушующее море.

Солдаты мялись, с ужасом прислушивались к визгу снарядов, но сам подпоручик Кротов, матерно ругаясь, выгонял их из окопов, и они не смели ослушаться.

Наконец очередь дошла до Менделе. Не помня себя, он бросился по полю, с разбега погрузился в холодную воду и, мокрый почти по пояс, благополучно выбрался на другой берег.

Только здесь, под защитой круто нависавшего обрыва, он вспомнил о Березовском. Березовский вместе с ним выбирался из окопов, но сейчас его нигде не было видно. Менделе понял, что австрийская пуля или

осколок снаряда навеки отняли у него друга, и сердце его сжалось... Но думать, жалеть было некогда!

— Собираться по взводам! — скомандовал ротный, и солдаты, перекликаясь вполголоса, стали собираться в группы.

Впереди блеснул свет прожектора. В окопах австрийцев шла усиленная подготовка к отпору — шрапнель беспрерывно рвалась в воздухе, затрещали пулеметы, земля гудела и содрогалась от ударов.... Солдаты поодиночке взбирались на горку, падали на земь, защищая железными лопатками головы. Менделе не отставал от товарищей — тоже карабкался по откосу, тоже лег и прикрыл голову лопаткой.

Нечеловеческий дикий вопль раздался рядом с ним и тотчас же оборвался.

— Матерь божия... помогите, — стонал кто-то впереди.

На эту мольбу не обращали внимания. Каждый думал только о себе — вскакивал, стремглав бросался вперед, падал — и снова вскакивал, снова бежал...

До проволочных заграждений противника оставалось не более двухсот шагов. Здесь было приказано окопаться и ждать сигнала. Лежа, с трудом ковыряя вытянутыми руками землю, Менделе соорудил перед собою невысокий бугорок. Только успел он перевести дух, как услышал голос Кротова:

— Копай и для меня, жидовская морда, живо!

Стиснув зубы, едва сдерживаясь, Менделе принялся за работу.... Но Кротову уже не нужно было прикрытие — он выстрелил из нагана, выхватил саблю и с криком: — В атаку, за мною вперед! — спотыкаясь, побежал по полю.

Взрывы ручных гранат, ружейные и пулеметные залпы смешались со звериным воем «ура»... Менделе,

оцарапав руку о колючую проволоку, прыгнул куда-то вниз...

Все стихло. Австрийцы отступали к вторым линиям своих окопов. Многие, захваченные врасплох, бросали оружие и сдавались!

— Пан, ваш, пан, ваш! — кричали они с поднятыми вверх руками.

Их выгоняли из окопов, выстраивали по четыре в ряд и партиями под конвоем отводили к реке.

В число конвоиров попал и Менделе. Он попробовал заговорить с одним из пленных, и тот, должно быть, стараясь показать, что он ближе других к русским, поспешно ответил дрожащим голосом:

— Я чех...

Небо начало светлеть, брезжил сырой, нездоровый рассвет, и уже можно было разглядеть бледное лицо чеха, его грязную смятую шинель, разодранный рукав. «Какие же это враги?.. Жалкие, нищие люди», — подумал Менделе, и слеза медленно покатилась по его щеке.

За ночь через реку навели узкий, шаткий мостик. Австрийцев гуськом стали переводить на другой берег. Ефрейтор, руководивший переправой, увидел Менделе и крикнул:

— Пшел назад, без тебя обойдемся!

В это время над самой рекой разорвался снаряд, сбросив двух пленных в воду. Остальные, толкаясь и напирая друг на друга, побежали бегом.

Менделе вернулся обратно в захваченные только что окопы.

Он не знал, где его часть, и, положив перед собою винтовку, стал осматриваться... Ни одного человека не было поблизости... Он посмотрел вперед, назад, на темную полосу леса, на опустошенное развороченное

поле, на безнадежный мглистый горизонт... Обросшая челюсть дрогнула, затряслась, и, задыхаясь от отчаянья, он зарыдал.

— Что, земляк, или ранило? — послышался вдруг чей-то голос.

— Я ранен в сердце от безумных и напрасных страданий, — ответил Менделе.

Огромный лохматый солдат показался из-за груды обвалившейся земли — в это место, должно быть, ударила граната — и приблизился к нему.

— Ничего, земляк, — проговорил он участливо — и вдруг умолк, выронив из рук винтовку, медленно стал валиться на бок. Добрая участливая улыбка застыла на его побледневшем бородатом лице.

Менделе долго смотрел на него, на кровь, текущую по белому мертвому лицу... Отчаянья уже не было в его груди. Ярость и ненависть пронзили его: он не хотел больше воевать.

— Прощай, друг, они нам всем приготовили такую же участь, — прошептал он и побрел прочь.

ДЕЗЕРТИРЫ

Перебравшись через реку, Менделе вскоре оказался в окопах, из которых ночью началось наступление.

Он не нашел здесь ни одного солдата своего полка. В окопах разместили какую-то другую часть. Солдаты неподвижно, точно мертвецы, стояли около бойниц, в которых торчали винтовки, направленные в сторону противника.

Никто не обращал внимания на Менделе. Загаженным ходом сообщения он вышел в поле, пересек его и углубился в лес. Сухие, опавшие листья шуршали у него под ногами. Он почувствовал голод — почти сутки он ничего не ел — на ходу уничтожил остатки хле-

ба, сохранившиеся в сумке, и напился из лужи... Он торопился, одна мысль безраздельно владела им — он не мог больше оставаться здесь, он должен был уйти от разрушения и смерти, от визга пуль и воя шрапнели... Куда? Он сам не знал, да и не задумывался над этим. Не все ли равно, если сзади его ждал обещанный Кротовым военный суд или смерть от австрийской пули.

Чтобы не сбиться с пути, Менделе держался недалеко от дороги. Услышав издали грохот колес и топот копыт, он подобрался еще ближе — увидел полевую кухню, неторопливо подвигавшуюся навстречу. Голод прибавил ему смелости. Он крикнул:

— Стой! Кто идет?

— Кухня, — последовал ответ.

Менделе вышел из кустов.

— Что, проголодался? — смеясь, спросил его солдат, сидевший верхом на лошади.

Это был молодой веселый парень. Он охотно наполнил котелок Менделе кашей и щами, и, снова взобравшись на коня, крикнул:

— Счастливо, браток!

После еды Менделе стало клонить ко сну. Он вспомнил, что не спал всю ночь, отошел в глубь леса, нагреб целый ворох сухих листьев и проспал до самого вечера.

Проснувшись, он двинулся дальше. В темноте итти было тяжело — сучья больно тыкались в лицо; Менделе поминутно спотыкался, ушибался о стволы деревьев. Но он продолжал упрямо шагать вперед.

Чей-то испуганный голос внезапно зазвенел перед ним.

— Стой!

Сбившись с дороги, Менделе наткнулся на дозор резервного полка. На его счастье, среди трех солдат-

дозорных оказался сослуживец, товарищ по роте, Володя Керченский, отбившийся от полка еще в Ровно и теперь направляющийся ему вслед.

Приятели расцеловались и на радостях закурили.

Менделе рассказал обо всем, что пришлось ему пережить за последние дни — о столкновении с поручиком Кротовым, о ночной атаке, об убитых товарищах.

— Я больше не воин, — закончил он свой рассказ,— пусть лучше меня убьют.

— Куда же ты сейчас идешь? — спросил Володя.

— Не знаю... в тыл, на родину. Все равно. Я больше не могу.

Володя помолчал с минуту и сказал:

— Знаешь... Пойдем вместе.

Не дожидаясь рассвета, пустились в путь. Вдвоем итти было веселей.

— Не робей, поймают — обратно пошлют. Хуже не будет, — подбадривал своего друга Менделе.

Володя, лучше его знавший местность, чтобы сократить дорогу на Ровно, забирал все время вправо. Ошибся ли он в расчетах, или помешала ночная темень — но вместо того, чтобы обойти стороной расположение 47 полка, приятели, выбравшись из леса, оказались перед самым полковым штабом и поняли это только после того, как их окликнул проходивший мимо казачий офицер.

Бежать было поздно. На вопрос офицера Володя ответил:

— Ищем свою часть.

Офицер отвел обоих в канцелярию, записал фамилии, и ровно через десять минут Менделе и Володя, в сопровождении двух казаков, плелись обратно — на этот раз уже не лесом, а по дороге.

Беглецов принял старший унтер-офицер. Он долго ругался, тараща круглые птичьи глаза, грозил, что доложит ротному командиру, и, наконец, приказал обоим итти в окопы.

День был тихий. Солдаты лежали на глинистых брустверах, курили, кипятили в котелках чай... Они забросали беглецов вопросами: больше всего их интересовало — далеко ли удалось отойти от передовых линий, и что делается в тылу.

Но Менделе ничего не мог им ответить, он чувствовал себя совсем больным. Вода, которую он пил из лесной лужи, не прошла ему даром — жестокий приступ дизентерии раздирал его тело.

Ночью артиллерийский огонь усилился. Беспрерывно сверкали в темноте рвущиеся снаряды, сотрясая тяжелым грохотом землю. Австрийцы повели наступление. Несколько раз их цепи приближались к самым окопам. и, не выдержав, откатывались обратно.

Менделе стало еще хуже. Он уже не держался на ногах и не в состоянии был стрелять. Володя за него выпустил в пространство все его полтораста штук патрон.

Всю ночь длился бой, и всю ночь корчился Менделе от боли, обливаясь кровью. Только к утру, когда наступление противника было отбито, о его болезни доложили ротному командиру Кротову.

— Позвать его ко мне, — последовало распоряжение ротного.

Он в новенькой кожаной куртке, перекрещенной ремнями снаряжения, сидел у себя в землянке, с наслаждением курил толстую душистую папиросу, изредка прихлебывая из синей эмалированной кружки горячий чай.

— А-а, опять ты! — протянул он, увидев Менделе. — Притворяешься, мерзавец!

— Я болен, ваше благородие, — ответил Менделе и прикусил губу, чтобы удержать стон.

— А может быть, тебе воевать надоело? Домой захотелось, а?

— Надоест, ваше благородие... Я думаю, и вам надоело.

Кротов побелел от злости.

— Молчать, жидовская морда! — заорал он, — Ступай в околоток и смотри, если врешь — застрелю!

Попрощавшись в Володей, Менделе взвалил на плечи сумку, скатанную шинель и, прихватив винтовку, зашагал по дороге к полуразрушенной деревне, в которой помещался околоток. За ночь он ослабел, ноги его подкашивались, голова кружилась, но он шел весело, надеясь, что из околотка его ненадолго отправят в тыл.

У самой деревни его остановил грозный оклик фельдфебеля;

— Куда идешь?

— В околоток, господин фельдфебель.

— Записка от ротного командира есть?

— Нет.

— Вернись обратно.

Менделе стал объяснять, что ему велел итти в околоток сам ротный командир, но ничего не помогало — фельдфебель, рябой усатый служака, даже не слушал.

— Никаких, поворачивай, — грубо приказал он.

Пришлось подчиниться. Шатаясь от слабости, Менделе поплелся обратно. Он вышел на шоссе, но два тяжелых снаряда, один за другим ударившие впереди и поднявшие высокие фонтаны черной земли, заставили его свернуть в лес.

Вскоре лес поредел. Место было незнакомое. На опушке виднелись густо опутанные проволокой окопы

и блиндажи, над которыми вился дымок. Солдат в синей форме, без винтовки, беспечно разгуливал вдоль опушки. Менделе окликнул его:

— Какая часть, земляк?

Солдат ничего не ответил.

— А где Щигровский полк стоит? — спросил Менделе.

— Бери правей.

— Далеко?

Солдат молчал. Менделе повернул вправо, и окопы остались в стороне. С трудом пробираясь между лохматыми елями, Менделе долго шел по указанному направлению, но лес с каждым шагом становился все гуще, никакого просвета впереди не было видно, и он понял, что сбился с пути. Чтобы не заблудиться окончательно, он решил возвратиться к опушке и расспросить о дороге как следует.

Однако вернуться на прежнее место ему не удалось. Когда он выбрался в поле, окопов, подле которых гулял давеча неразговорчивый солдат в синем мундире, уже не было видно.

Не зная что делать, Менделе остановился. Вдруг он услышал, что кто-то негромко зовет его:

— Эй, ты, поди сюда!

Повернувшись на зов, Менделе увидел узкую, короткую яму, из которой выглядывала голова в солдатской фуражке.

Он подошел поближе.

В окопе стояли два солдата.

— Какой полк? — спросил Менделе.

Оба в один голос ответили.

— Модлинский.

Затем один из них нетерпеливо прибавил:

— Да лезь ты сюда скорее, разве совсем не видишь..

Он показал рукой—впереди, шагов за триста, в густом низкорослом кустарнике медленно передвигались серо-голубые шинели австрийцев.

Менделе поспешно спустился в окоп. Это была глубокая небрежно выкопанная яма, похожая на могилу. Засевшие в ней солдаты, посланные в секрет, не знали что делать. Неожиданное появление противника на таком близком расстоянии оторвало их от полка. Вылезти из окопа они боялись, так как австрийцы неминуемо заметили бы и открыли по ним огонь.

Сообщить о приближении противника можно было только выстрелом из винтовки — но они не решались сделать и это.

— Плохо, — встревоженно сказал тот солдат, что первым заговорил с Менделе, — скуластый, весь обросший темной щетиной. — Заберут нас всех австрийцы...

— Ну и пускай заберут, — отозвался его товарищ, худой сутулый парень. — Смотри!.. Смотри! — воскликнул он, — ходом пошли!

Действительно — из-за кустов, на чистое место, совершенно спокойно вышел один австриец, за ним второй, третий...

Стало страшно.

— Надо бросать оружие, — сказал сутулый парень.

— Да, — подтвердил другой, — теперь никуда не денешься...

Австрийцы, вытянувшись в редкую цепь по нескольку человек, согнувшись, перебегали по полю. За первой цепью показалась вторая.

— Медлить нельзя, — видя нерешительность товарищей, сказал Менделе, — нужно выходить из окопа.

Он бросил винтовку и полез первым. Модлинцы последовали за ним.

Австрийцы тотчас же заметили их и открыли стрельбу. Пули пронзительно засвистели в воздухе.

— Пан, ваш! — закричали все трое, поднимая вверх руки.

Австрийцы, крича что-то на непонятном языке, продолжали стрелять... Русских окружили и повели через кусты.

В ПЛЕНУ

В кустарнике, под прикрытием которого австрийцы сосредоточили значительные силы, кипела работа — рыли окопы, таскали бунты колючей проволоки и бревна для блиндажей; связисты, под командой щеголеватого мальчика-офицера, вели телефонную линию. Поодаль установили легкую батарею, и через минуту оттуда с протяжным воем полетели первые гранаты.

Пленных погнали через траншеи. Австрийцы сыпали по их адресу непонятные, не то приветливые, не то ругательные слова... За кустарником, на пригорке, с которого видны были русские позиции, тянулись переполненные вооруженными людьми окопы второй и третьей линии, еще дальше виднелись полевые кухни, санитарные повозки, зарядные ящики.

В стороне, перед землянкой стоял на лужайке большой некрашенный стол, заваленный картами. За столом сидел офицер с тщательно закрученными черными усиками на розовом лице.

Пленных подвели к столу, и офицер самым вежливым голосом задал несколько вопросов на непонятном для Менделе и его товарищей языке. Все трое молчали. Тогда офицер отдал какое-то приказание конвоиру, и через несколько минут подъехал верховой, знаком приказавший русским следовать за ним.

Двинулись по широкой дороге, проложенной через лес. Солнце скрылось за деревьями, последними лу-

чами своими золотя их вершины. Пленные шагали впереди, австриец, чуть слышно напевая песенку, ехал сзади. Вдруг он остановил лошадь, слез на землю и, приветливо улыбаясь, предложил русским сесть.

«Кто бы мог знать, что здесь такая вежливость, культурность, — подумал Менделе, — а ведь здесь фронт...» Конвоир между тем подошел к нему, дотронулся рукою до его сапог и знаком показал, что хочет обменять на них свои башмаки и обмотки.

Менделе отрицательно покачал головой. Австриец предложил ему сигарету. Менделе не отказался, но отдал сигарету товарищу... Тогда австриец понял, что пленный не собирается отдавать свою обувь. Он сердито выкрикнул несколько слов и, вытащив из ножен шашку, так свирепо взмахнул ею, что товарищи стали уговаривать Менделе подчиниться.

Действительно — ничего больше делать не оставалось. С грустью стащил Менделе с ног свои удобные, еще совсем новые сапоги и, проклиная австрийскую «культурность», начал натягивать разбитые ботинки, к довершению всего оказавшиеся тесными... Австриец, в виде приплаты, дал ему кусок хлеба, протянул баклагу с остывшим какао и снова взобрался на коня.

Поздно ночью, наконец, добрались до штаба полка. В штабе никого не было, бодрствовал один только дежурный. Он разбудил спавшего на полу в сенях солдата, и тот отвел пленных в погреб, уже битком набитый заключенными.

Ощупью, держась друг за друга, натыкаясь в темноте на чьи-то ноги и туловища, товарищи с трудом нашли для себя свободное местечко и легли.

В погребе было темно, душно, пахло сыростью. Но Менделе казалось, что он попал в рай — боли, мучившие его весь день, утихли, не слышно треска пулеме-

тов, железного грохота разрывов, свиста пуль, смерть не подкарауливает каждое твое неосторожное движение, и не нужно быть каждую минуту готовым к тревоге, к атаке или к отражению противника... Менделе с наслаждением вытянулся, и крепкий сон в ту же самую секунду овладел им.

Его разбудил протяжный выкрик часового:

— А-а-уф!

Двери погреба были открыты, бледный серый свет утра лился сверху. То, что казалось вчера раем, было похоже сейчас на склеп, наполненный мертвецами.

Мертвецы зашевелились. Кряхтя, поднимались они, один за другим выходили из своей тюрьмы — жалкие безоружные люди, бледные, измученные, обросшие диким волосом... Всех их было человек тридцать.

Их выстроили по два, пересчитали и на каждых двух человек выдали по буханке хлеба и по черпаку черного кофе.

После завтрака появился конвой. Пленных еще раз пересчитали и погнали через деревню. Крестьяне, еще недавно русские, выбегали из хат, смотрели вслед, женщины плакали, утирая фартуками глаза...

За деревней встретилась какая-то австрийская часть, направлявшаяся на передовые линии. Менделе впервые видел столько австрийцев. Солдаты шли под песню, четко отбивая шаг. Командиры ехали верхом на прекрасных сытых лошадях... Вся дорога походила на снявшийся с места военный лагерь.

— Русс, русс! — кричали австрийцы, любопытно оглядывая пленных.

Но пленные, потупив глаза, шли молча, не отвечая.

Наконец, дорога освободилась. Конвой велел остановиться. Устроили привал. Один из конвоиров угостил всех сигаретами. Закурили, и сразу стало весе-

лей — казалось, даже бледное осеннее солнце заулыбалось сквозь тучи.

Среди пленных завязался оживленный разговор — расспрашивали друг друга, кто из какой губернии, искали земляков. Каждый старался подобрать себе товарища и тут же делился с ним своим горем.

Шли весь день. В сумерки остановились в деревне, перед небольшим чисто выбеленным домиком, на двери которого красовалась надпись на немецком языке.

Из дому вышел тучный седой офицер. На петлицах его серой тужурки сверкали серебряные звездочки. Он распорядился, чтобы партию разбили на группы по десять человек и отвели на ночлег.

На утро, после скудного завтрака, который мог утолить аппетит разве только ребенка, пленных согнали вместе, присоединив к ним еще несколько партий.

Пока шли деревней, наиболее смелые умудрялись забегать в хаты, и жители, евреи и русские, охотно наделяли их хлебом, вареным картофелем и тыквой— все это пленные с жадностью прятали в карманы и сумки. В их положении тыква была дороже золота.

Опять шли весь день—останавливались на несколько минут и, под окрик капрала, шагали дальше... Солнце уже садилось, когда впереди сверкнул крест, показался церковный купол и забелели издали стены домов.

— Давайте-ка, ребята, песню, — предложил кто-то.

Несколько голосов запели: «Вы не вейтесь, черные кудри», остальные вразброд, невесело подхватили...

ЗИМНЕ

В местечке было пусто и тихо, часто попадались голые разграбленные дома с выбитыми стеклами, развалины пожарища. Только изредка мелькали в этой

безжизненной мрачной пустыне огоньки уцелевших жилищ.

— Ха-альт! — скомандовал фельдфебель.

Ряды подтянулись и стали. Пленных снова разбили на группы — на этот раз не по десять, а по пятьдесят человек — и повели к темневшим в сумерках длинным и низким сараям.

Как только открылись ворота, вся толпа ринулась вперед, чтобы занять лучшие места.

Менделе попал в большую брошенную конюшню. Сюда загнали две партии по пятьдесят человек. Света не было, и в темноте началась невообразимая суматоха.

Со всех сторон раздавались крики:

— Ваня, дуй сюда!

— Мельников, занимай для меня место...

— Куда тебя чорт несет, не видишь — занято!

Кое-как все устроились. Менделе отыскавший себе нового товарища, высокого, слегка прихрамывавшего солдата по фамилии Великовский, расположился вместе с ним. Они вдвоем разрыли навоз, одну шинель подстелили под себя, другой накрылись.

От навоза остро пахло аммиаком, но усталость была так велика, что Менделе даже не думал об этом.

— Как хорошо отдохнуть, устал как чорт, — с удовольствием проговорил он, вытягивая ноги.

Тотчас же кто-то сердито заорал:

— Убери сапоги, чего суешь прямо в рот!

— А ты сам лучше голову убери, — перебил его еще чей-то голос, — лежит, сукин сын, как на матраце...

Наконец, все утихли... Но долго спать не пришлось—еще до рассвета пленных начали выгонять на двор. Часовые ногами расталкивали спящих и безжа-

лостно били прикладами тех, кто не сразу подымался на их окрики.

На дворе пленных выстроили по четыре в ряд. Менделе был ошеломлен, увидев, сколько народу собралось здесь. Началась обычная утренняя раздача завтрака, и счастливы были те, кто первым получал свою порцию; последние не успели даже выпить своего кофе— пока очередь дошла до них, уже совсем рассвело, и нужно было опять строиться на работу.

Менделе и Великовский держались вместе. Их партию под конвоем отвели в полуразрушенный молотильный сарай, перед которым возвышались высокие скирды пшеницы.

Началась молотьба.

Все работали нехотя, лениво — не торопясь подтаскивали снопы, вяло, невлад, поднимали и опускали тяжелые цепы. В углу сарая несколько человек веяли обмолоченное зерно, украдкой, целыми горстями, отправляя его в рот. От веялки летела полова, густая едкая пыль забивалась в глаза, в нос, мешала дышать...

Конвоиры ушли. Только один из них остался охранять пленных — сел на пороге сарая, положив рядом с собою винтовку. Это был пожилой, должно быть, очень добрый человек, задумчивый, рассеянный и точно чем-то потрясенный. Звали его Ватука. Он был молдаванин родом, и Менделе, знавший молдаванский язык, разговорился с ним — подтаскивая в сарай снопы, на-ходу обращался к нему с вопросами.

Ватука отвечал невпопад, иногда не отвечал вовсе, а один раз даже сам остановил Менделе, сказал:

— Мой сын тоже в плену, там, в России... Работает, как вы здесь.

Менделе уловил в его голосе сочувствие, и это прибавило ему смелости. Через некоторое время, направ-

ляясь к скирдам за новым запасом снопов, он спросил:

— Кто живет в этом местечке?

— Две семьи еврейских, — ответил солдат, да несколько монахинь осталось, вон там, в этом монастыре.

Менделе совсем осмелел — остановился и попросил показать дом, в котором живут евреи. Каково же было его удивление, когда Ватука, вместо ответа, встал и молча, как автомат, зашагал к видневшемуся шагах в сорока домику. Менделе последовал за ним.

— Вот здесь, — сказал Ватука.

Домишка был маленький, покосившийся набок. Его гнилая деревянная крыша была заплатана обгоревшей жестью, из разбитых окон, кое-как заткнутых тряпками, струился пар, дверь еле держалась на петлях.

Видя, что конвоир ни в чем ему не мешает, Менделе решил зайти.

В большой печи весело пламенели дрова. В углу сидел дряхлый седой старик; голова его тряслась, губы шевелились, шепча что-то непонятное. Хозяин дома, угрюмый черноволосый еврей, молился и не ответил на приветствие Менделе. Хозяйка месила хлеб. Она ножом сняла с пальцев тесто и стала угощать Менделе и вошедшего вместе с ним конвоира чаем и булками.

— Почему старик все время шепчет? — спросил Менделе.

— Ой, это мой отец, — ответила хозяйка, — если бы он умер, и для него, и для нас было бы лучше.

— Вот он сидит, качается, — вмешался в разговор хозяин, кончивший молитву. — А почему он сидит? Он ничего не видит и не слышит, он ничего не понимает и только иногда плачет и кричит: «Где моя дочь, где мое сокровище, где ты?..» Он ищет свою дочь,

этот старик,—продолжал хозяин, и его короткая черная, вьющаяся борода запрыгала. — Когда у него еще были силы, он ходил по улицам и стучался во все дома. Но кто может ответить про его дочь? Ее изнасиловали казаки... Она повесилась в том самом сарае, напротив, где ваши пленные молотят хлеб.

Менделе с ужасом выслушал этот рассказ. Хозяйка плакала, рукавом грязной кофты утирая слезы... И только Ватука сидел спокойно, уставившись глазами в одну точку, машинально жевал хлеб. Занятый своими мыслями, он, должно быть, не понял ни одного слова.

Он вздрогнул, когда Менделе окликнул его и напомнил, что пора итти — медленно взял винтовку и, не прощаясь, вышел из дома. Менделе пожал руки хозяевам, совавшим в его карманы горячие булки. Он попробовал проститься и со стариком, но тот даже не поглядел на него, продолжая раскачиваться и шептать...

В сарае столбом стояла пыль. Там попрежнему молотили, точно Ватука и Менделе вовсе не уходили.

— Хлопцы, бросай работу! — крикнул Менделе.

Все мигом замерло — утихло рокотание веялки, цепы полетели наземь. Пленные с удивлением уставились на булки, которыми Менделе оделял их.

Уже стемнело, когда пленные стали собираться в сараях и конюшнях, служивших им жилищем. Все молча ждали сигнала на ужин. Многие скребли засохшие в котелках остатки пищи, тщетно пытаясь хоть немного заглушить мучительный голод.

Менделе, на сегодня сытый, с жалостью и состраданием наблюдал за товарищами... Но уже на следующий день он сам был бы рад любым объедкам — ско-

ро и для него привычна стала постоянная пустота желудка и вечно сосущее ощущение голода.

Страшное зрелище представлял собою каждый завтрак или ужин в Зимне! Пленные превращались в озлобленное, оскалившее зубы стадо. Ничего человеческого не оставалось в них. Каждый думал только о себе, старался первым получить от повара черпак мутного супа или вареного картофеля и забежать еще раз в очередь, в надежде на вторую порцию.

Те пленные, которые работали на кухне, казались всем счастливцами — повар наполнял их котелки доверха! Сотни полубезумных ввалившихся глаз со звериной жадностью глядели на наполненные котелки счастливцев. Каждый, даже за половину этого жалкого изобилия, с радостью готов был отдать свое последнее белье, сапоги, свое последнее богатство вроде перочинного ножа или случайно уцелевшего карманного зеркальца...

Страшен был голод, но еще страшней была царившая в Зимне смертельная пустота.

Местечко было похоже на разрушенный остров, забытый людьми и населенный мертвецами. Даже сама природа казалась здесь иной, не похожей на остальной мир — серые тучи ровной пеленой закрывали небо, не было слышно птиц, последние листья облетали с деревьев, и они, голые, черные, метались под ветром, свистя в воздухе ветвями... И ветер на этом диком острове был особенно лютый, безжалостный — он издевался над людьми, над щелястыми стенами сараев и над протертыми солдатскими шинелями, бессильными защитить иссохшие от голода тела...

НЕУДАЧНЫЙ ПОБЕГ

Дни проходили однообразно, похожие один на другой, как вши. Утром пленных будило непреклонное

«Ауф!» конвоиров. После завтрака все, еле двигаясь от истощения, отправлялись на работу — молотить хлеб, пилить дрова, или приводить в порядок исковерканные и никому не нужные улицы местечка... Затем следовал ужин и наступала ночь. Ворота сараев запирались на замок, перед ними ставили часовых... Пленные, давно утратив всякую брезгливость, зарывались в навоз, стараясь согреться, тесно прижимались друг к другу, но это не помогало, и они до утра дрожали от стужи.

В одну из таких ночей Менделе услышал вдруг чей-то негромкий голос:

— Ребята, кто хочет отсюда бежать?

Хотели все, но большинство боялось решиться на такой шаг. Все же набралось человек пятнадцать смельчаков, к которым присоединились Великовский и Менделе.

Посовещавшись между собою, беглецы решили немедля начать подкоп. На беду конюшня, в которой они помещались, была каменная, с прочным фундаментом. Выбрали самый отдаленный угол, в котором и днем было темно. Над первым кирпичом бились чуть ли не целый час, но все же кирпич был вынут и зарыт в навоз. За ним последовал второй... Все, лихорадочно торопясь, старались помочь друг другу, но, из-за темноты, скорее мешали, чем помогали.

Наконец стало светать. Вскоре послышался грохот засова, и на пороге показались австрийцы. Когда они стали выгонять пленных на двор, из разных углов послышалось:

— Не пойдем, больные.

Ни ругань, ни пинки не могли помочь, и конвоиры, ограничившись теми, кого удалось выгнать из конюшни, ушли, снова заперев двери на замок.

Выждав несколько секунд, «больные» поодиночке встали и снова принялись за работу.

К ночи подкоп был почти готов. С нетерпением ждали беглецы, пока устроятся на ночлег их товарищи. Минуты тянулись, как десятилетия. Но вот все утихло — только ветер шумел, да изредка перекликались между собою часовые. Осторожно, беззвучно были вынуты последние кирпичи.

— Прощайте, братцы!—вполголоса проговорил Петя Безруков, задумавший побег и потому шедший первым.

Он ловко полез через узкое отверстие. Менделе полез третьим, за ним Великовский... Все пятнадцать человек благополучно выбрались на волю. Заранее было решено разделиться на три группы по пять человек и итти в разные стороны. В последний раз пожав друг другу руки, беглецы исчезли в темноте.

Когда выбрались на окраину, Менделе, руководивший своей пятеркой, предложил прибавить шагу. Двигались молча, почти бегом.

Внезапно в противоположной стороне треснул выстрел.

Остановились, напряженно прислушиваясь к крику и топоту. В темноте казалось, что погоня надвигается со всех сторон сразу, да так оно, пожалуй, и было — впереди пробежало несколько человек, и кто-то громко надсадно заорал:

— Ха-а-альт!

За этим криком последовали подряд два выстрела. Беглецы поспешно легли на землю и встали только после того, как их окружили вооруженные винтовками солдаты.

Ни одному из пятнадцати не удалось скрыться — нещадно колотя прикладами, всех их пригнали обратно и водворили на прежнее место.

На утро, всех пленных, собранных в местечке, вывели на улицу и выстроили в две шеренги. Напротив в полной боевой готовности стояли австрийские солдаты. Очевидно, за попытку к бегству готовилось примерное наказание.

Фельдфебель-австриец скомандовал:

— Смирно!

Перед строем показался высокий черноусый офицер в голубой шинели. В руке он держал хлыст. Он двигался вдоль длинного ряда пленных, отсчитывая по пятьдесят человек и каждого пятидесятого ударял хлыстом по плечу.

Когда офицер приблизился, Менделе громко крикнул по-румынски:

— Варварство!

Офицер, прищурив глаза, с любопытством посмотрел на него. Затем он медленно поднял хлыст — и все вдруг увидели, что по щеке Менделе течет кровь.

На мгновенье все замерли. Но тут же напряженная тишина обрушилась возмущенными криками и ругательствами. Пленные, забитые вшивые люди, обычно покорные каждому окрику, в бессильной злобе потрясали кулаками, кричали — казалось, они готовы броситься навстречу австрийским штыкам... Великовский выбежал из строя и, оттолкнув конвоира, стал вытирать кровь на лице друга.

Офицер отдал какое-то приказание. Солдаты окружили обоих и повели.

— Прощайте, друзья! — крикнул Великовский.

Менделе шел молча. Он задыхался, весь дрожал мелкой озноб ной дрожью и опомнился только перед воротами монастыря, куда вели его и Великовского.

Высокие, некогда белые монастырские стены выросли перед его глазами. Капли сырости проступали на облупленной штукатурке, и казалось, что это слезы

тех, что посажены за крошечными окошками с густыми железными решетками.

Через несколько минут друзья очутились в одной из бывших келий.

До войны, работая по двенадцати часов в сутки, связанный чертой оседлости, как веревкой, бесправный и нищий Менделе понимал, что его жизнь тяжела и отвратительна. Но его призвали в армию — и он увидел, что положение царского солдата во сто крат отвратительней и тяжелей. Он пробовал дезертировать, попал в плен и убедился, что есть жизнь еще хуже окопов... Обессиленный голодом и стужей, он думал, что хуже Зимне уже не может быть ничего.

Но вот он в монастыре, и те самые конюшни, навоз вместо постели, тяжелая работа и грубость конвоиров кажутся заманчивыми по сравнению с жизнью, начавшейся здесь...

В сырой келье, с каменным полом и низким сводчатым потолком, помещалось более сорока человек.

Лежать можно было только по очереди — остальным приходилось сидеть или стоять, прислонившись к стене. Не было ни света, ни воздуха. Свободно гуляли одни вши.

По утрам в келью входил фельдфебель-румын. Солдаты несли за ним табуретку и охапки соломы. Он садился на табурет, клал на колени толстую палку, а пленные должны были плести из соломы нечто вроде лаптей. Палка проворно бегала по спинам тех, кто, по мнению фельдфебеля, был недостаточно прилежен.

Никого из пленных из кельи не выпускали. Когда наступало время обеда, два человека уходили на кухню и возвращались с большими котлами, прямо из которых приходилось хлебать мутное вонючее месиво, именуемое супом.

Люди, томившиеся здесь, давно уже утратили человеческий облик. Их руки и обросшие бородами лица были черны от грязи. От них шел смрад, будто все они заживо разлагались.

Никто ни с кем не разговаривал. Лишь изредка кто-нибудь проронит:

— Офицеров-то, небось, среди нас ни одного нету...

Да Менделе отзовется из своего угла:

— А ты хотел, чтобы их благородие вместе с нами вшей кормил?

Так мучились люди, заживо погребенные в этой могиле почти десять дней.

Почти десять дней и десять ночей провели они в тупом молчании. Десять дней сидели они, раздирая ногтями нестерпимо зудящее тело, изъеденное вшами.

ВТОРОЙ ПОБЕГ

Наконец, когда была утрачена последняя надежда и, казалось, никому уже не выйти живым из этого каменного мешка, в келью вошли конвоиры. Послышались отрывистые слова команды. Пленных по одному пропускали в коридор и гнали дальше, как выгоняет пастух свое стадо из скотного сарая.

Все сорок человек выстроились на монастырском дворе. Чуть серело. Тусклое осеннее утро текло над землей. Издали доносились тоскливые, протяжные звуки трубы, будившей австрийских солдат.

Менделе еле держался на ногах — чистый холодный воздух, лившийся в его легкие, ударил в голову, как спирт... Ждать пришлось недолго. К пленным присоединили еще одну партию человек в пятьдесят.

Началась проверка, подсчет, опять загремела команда, и грязная толпа нестройно двинулась по шоссе,

прочь от монастыря... Куда? Никто ничего не знал. Все безропотно подчинились воле свинца, заложенного в стволы винтовок, и шагали молча, не глядя друг на друга.

Дико, пустынно было кругом. Черные вспаханные поля исчезли в тумане, в серой неподвижной мгле. Изредка попадались одинокие деревья, безмолвно простиравшие к небу голые сучья...

К полудню, в стороне, за полем, показалась деревушка. Партию согнали с шоссе на узкий проселок и, минуя деревню, повели к окруженному деревьями белому дому под черепичной крышей.

Когда-то здесь была небольшая помещичья усадьба, но война дотла уничтожила ее былое, чванное благополучие — пустовали разрушенные конюшни и коровники, на месте дворовых служб чернели пожарища, в загаженном парке было порублено много деревьев и посреди бывшего цветника валялась опрокинутая набок кухня с поломанными колесами.

Пленные почти без всякого надзора разбрелись по усадьбе. Затрещали костры, забулькала в котелках вода... Многие побежали к пруду — несмотря на холод раздевались, мылись и пытались очистить свои лохмотья от безчисленных вшей... Только к ночи всех загнали в пустые комнаты дома и приставили к дверям часовых.

На следующий день партию повели на работу, в поле, где уже копошился народ — насильно выгнанное солдатами «вольное» население.

Конвоиры не позволяли пленным разговаривать с крестьянами и заставляли их работать врозь. Работа шла вяло. Крестьяне копали картофель, а пленные собирали его, насыпали в мешки и накладывали на высокие телеги военного образца. Австрийцы-обозники, покуривая, ждали, пока наполнится телега, потом

взгромождались сверху мешков и рысью двигались мимо усадьбы к шоссе.

Среди крестьян преобладали женщины. Мужчин было всего несколько человек, больше старики. Менделе увидел между ними пожилого с рыжеватой бородой еврея и, улучив минуту, разговорился с ним.

Оказалось, что еврей тоже живет в деревне — содержит маленькую лавчонку, а сын его портняжит.

— Если вы сможете вырваться, — сказал он Менделе, — заходите вечером ко мне. Мой дом третий с краю, на нем вывеска, так что найти не трудно.

В это время фельдфебель, руководивший работой, заметил, что пленный разговаривает с «вольным». Грозно выкрикивая какие-то слова, он двинулся к ним. Собеседники, конечно, не стали дожидаться его и поспешно разошлись в разные стороны.

С бьющимся сердцем Менделе направился к Великовскому. Самые смелые планы рождались в его голове. Он рассказывал о разговоре с лавочником и прибавил:

— У него можно будет спрятаться... Понимаешь?

— Ну, и дальше? — спросил Великовский.

— А потом, если нас не найдут, постараемся уйти отсюда... Вот только куда?

Однако обсуждать этот вопрос сейчас было не время. Приятели замолчали и продолжали работать. Каждый из них про себя обдумывал подробности бегства.

Вечером, в парке перед домом, снова пылали костры. Весело трещал огонь, в котелках варилась картошка — пленные постарались набить ею полные карманы. В ожидании ужина, все были оживлены, весело переговаривались, шутили, и никто уже не вспоминал о мрачной тюрьме, в которой томились они всего два дня назад.

Менделе и Великовский с котелками в руках напра-

вились в глубь парка. Каждый, кто посмотрел бы на них — не усомнился бы в том, что они идут к ручью за водой. Но никто на них даже не взглянул.

Они вброд перешли ручей и на мгновение остановились, прислушиваясь.

Все было тихо. Темная, беззвездная ночь окутывала землю. Издали краснели огни костров, и оттуда иногда доносился чей-нибудь возглас или смех.

— Идем, пока нас не хватились, — сказал Великовский.

За ручьем начиналось поле. Пригибаясь к самой земле, приятели медленно двигались к деревне. Вдруг, совсем рядом, послышался чей-то кашель. Беглецы легли и замерли... Но это был, должно быть, случайный прохожий. Он прошел так близко, что Менделе мог бы схватить его за ногу, и скоро последний отзвук его шагов замер в темноте.

Пролежав еще несколько секунд неподвижно и убедившись, что никакая опасность им не грозит, приятели поднялись. Дорога была в двух шагах от них.

Осторожно ступая, озираясь и поминутно останавливаясь, они вошли в темную спящую деревню. Вот и третий дом от околицы, вот и вывеска над низкой дверью...

Слабый свет пробивался сквозь щели ставень. Менделе приблизился к окну и тихонько постучал.

Дверь приоткрылась.

— Кто там?

— Это я, пленник...

Дверь открылась шире. Приятели переступили гостеприимный порог. Они очутились в маленькой комнатке с низким потолком. Дрова трещали в печке. Молодой черноглазый еврей шил у стола при свете тусклой лампочки. Напротив него молча сидел старец

с величественной совершенно белой бородой, ниспадавшей на грудь.

— Вот мой отец, — сказал хозяин, — а это сын мой Яков.

Яков убрал свое шитье. Беглецы поздоровались со всеми — и тут же в комнату вошла хозяйка, на столе появились ложки, хлеб, миска с горячим супом.

Хозяин старался поудобней усадить гостей.

— Ешьте, ешьте, — уговаривал он их, — вам надо как следует подкрепиться.

Впрочем, гости не заставили себя долго просить — они так давно не видали горячей пищи, что бедная жидкая похлебка казалась им сказочным лакомством. Старик, попрежнему сидевший молча и не принимавший участия в еде, внимательно смотрел на них. Ласковая улыбка осветила его лицо.

— Вы обратно, дети мои, не пойдете? — спросил он.

— Нет, — твердо ответил хозяин, — они не пойдут. Они останутся здесь.

Менделе благодарно взглянул на него, а он уже говорил жене:

— Ты постели им, Рива, в погребе много соломы... Пусть они лягут там. Они пробудут у нас пару дней, а потом увидим.

Изумленный и расстроганный Менделе был не в силах произнести ни слова. Он крепко пожал хозяину руку. Слезы готовы были брызнуть из его глаз при виде великодушия всей этой семьи, никогда раньше не видавшей беглецов и так охотно, без всякой просьбы, помогавшей им...

Вечер промчался незаметно. Огонь в печке погас. Пора была ложиться и хозяин отвел гостей в погреб, где для них заботливо была приготовлена постель из свежей соломы.

Вскоре все уже спали крепким сном. Только старик,

привыкший к бессоннице, взяв с этажерки «Гемаре», сел читать. Он медленно перелистывал страницы, прислушиваясь к однообразной песне сверчка, нарушавшей мирную тишину... Неожиданно раздался громкий удар в дверь. Старик вздрогнул. Стук продолжался, все более настойчивый и громкий... Нужно было итти открывать.

Свеча дрожала в руке старика, пока он отпирал дверь. С ужасом взглянул он на двух вооруженных австрийцев, стоявших на пороге, и молча пропустил их в комнату, уже готовый к той расправе, которая неизбежно начнется, как только будут обнаружены беглецы.

Но, что это?.. Солдаты неуклюже топчутся по комнате, смотрят на спящих, на книгу, раскрытую на столе — и поворачиваются обратно... Неужели они уйдут?

Они действительно уходят...

Взволнованный старик запирает за ними дверь. Он все еще не верит, что опасность миновала, ему кажется, что солдаты сейчас вернутся... Он уже не может читать и садится в кресло перед печкой, протягивает ноги к чуть тлеющим углям. Все его мысли — о них, о несчастных неведомых людях, которые спят там внизу, под полом, и он думает о том, как помочь им.

— Это мой долг, — шепчет он, — я должен это сделать...

Солнце весело светило в окна. Зеленая клеенка блестела на столе. Ярко начищенный самовар сверкал, напевая свои домашние песенки... Все это было такое мирное, спокойное, что Менделе невольно вздохнул при мысли о том, что придется уходить отсюда, навстречу новым опасностям.

Хозяин, разбудивший его и Великовского, угощал

их чаем. Старик сидел на своем вчерашнем месте, в углу между столом и печкой, и раскачивался над открытым молитвенником.

— Вам придется бежать в глубь Австрии, — сказал Яков, — через фронт вы все равно не проберетесь...

Менделе, слушая его, глядел в окно. Деревня была еще более разорена, обезображена прошедшим через нее фронтом, чем помещичья усадьба. Голые печные трубы поднимались среди обломков и мусора, на месте человеческих жилищ, улица была пуста... И вдруг Менделе увидел, что через улицу к дому направляется с винтовкой на ремне солдат-австриец.

Менделе испуганно вскочил и, не зная куда деваться, полез под кровать. Он слышал, как Великовский, сопя, забрался за печь и притаился там. Затем незнакомый голос произнес:

— Гут морген, реб Альтер.

Ничего не понимая, Менделе осторожно подвинулся и высунул голову. Рослый молодой австриец, прислонив винтовку к стене подле кровати, садился к столу. Он шевельнулся, и Менделе поспешно дернулся, пряча голову обратно. От этого движения кровать дрогнула, толкнула винтовку, и винтовка с грохотом упала на пол. Менделе, нервы которого были напряжены до предела, не смог удержать легкого вскрика.

У австрийца, от неожиданности, стакан с чаем выпал из рук. Все остолбенели.

— В чем дело? — спросил австриец.

Яков, совершенно растерявшийся, сказал, что под кроватью лежит русский, пленный.

Скрываться дольше было бессмысленно. Менделе выбрался из-под своего прикрытия, а вслед за этим вышел из-за печки и Великовский. Оба стояли молча, бледные и перепуганные.

Глядя на них, австриец, не мог удержаться от смеха.

— Ну, ховейрим, — по-еврейски сказал он и хитро подмигнул, — садитесь, не бойтесь, я вас не выдам.

Поняв, что со стороны этого веселого малого опасность им не грозит, беглецы снова присели к столу. Яков подтрунивал над Менделе, вспоминая, как тот лез на четвереньках, а Менделе только улыбался в ответ... Австриец (его звали Макс) рассказал, что ночью из поместья, кроме Менделя и Великовского, бежали еще несколько человек.

— Вам лучше обождать, — советовал он, в то время как Менделе с удивлением смотрел на этого «врага», — а то они все равно поймают...

Все сообща стали обсуждать, куда лучше и безопасней направиться беглецам. Старик молча прислушивался к разговору. Наконец, когда все примолкли, заговорил и он:

— А теперь, дети мои, слушайте, что я вам скажу... Вам нужно итти во Владимир. Там, у вокзала, вы всегда найдете старого еврея, грузчика. Его зовут реб Айзик, вам каждый его покажет... Вы скажете ему, что вас послал реб Альтер, и он вам поможет.

— Что же, это, пожалуй, верно, — согласился Макс. — До города не больше пятнадцати верст... Если выйти поздно ночью, к утру можно быть уже на месте.

На этом и порешили.

Весь день и почти всю ночь беглецы просидели в погребе. Только перед самым рассветом хозяин выпустил их из этой добровольной тюрьмы. Яков достал где-то для обоих, взамен солдатских шинелей, старые, порядком изорванные пальто и засаленные картузы из черной материи. Он рассказал, как нужно итти, и

беглецы, преобразившиеся в «вольных» жителей, стали прощаться со своими новыми друзьями.

Первые проблески зари застали их уже далеко от деревни. Они бодро шагали по шоссе, сами не зная, что ждет их впереди, в незнакомой стране.

Впереди послышался гудок паровоза.

— Владимир! — воскликнул Великовский.

Вскоре, освещенные лучами восходящего солнца, показались колокольни и крыши домов.

Город уже проснулся и начал свою обычную дневную жизнь, когда путники достигли его окраин. Бендюги трещали по камням мостовой. Тяжелые грузовики обгоняли их, оставляя за собою запах перегоревшего бензина. Пешеходы торопливо двигались по тротуарам, среди них часто попадались щеголеватые, подтянутые офицеры... Никто не обращал внимания на беглецов, и они без труда добрались до вокзала.

Перед вокзалом, собравшись подле своих лошадей, громко разговаривали и спорили о чем-то грузчики.

Среди них был только один старик — в засаленном брезентовом плаще, подпоясанный веревкой; он сидел на бендюге, и от его сапог на добрую сотню шагов несло дегтем.

Менделе решил, что это и есть реб Айзик, к которому нужно обратиться за помощью.

Он не ошибся. Подойдя к старику, он вполголоса произнес:

— Вам привет от реб Альтера, — и тот немедленно слез с бендюга и попросил Менделе и Великовского следовать за ним.

— Вы наверное голодны? — спросил он.

— Нет, — ответили приятели в один голос.

— Все равно, идем. Реб Айзик привык сначала накормить гостей, а потом разговаривать.

Недалеко от вокзала, в узеньком переулке, прита-

ился небольшой домик с надписью «кушер» на оконном стекле. Реб Айзик вошел в дверь и гордо приказал:

— Ехил, дайте жаркое.

Все трое присели к столу. Реб Айзик стал расспрашивать беглецов, кто они, откуда и куда направляются.

Узнав, зачем они обращаются к нему, он сказал:

— Еще не было такого случая, чтобы реб Айзик не сдержал своего слова... Ешьте жаркое. Я скоро вернусь, ждите меня здесь.

Через полчаса он вернулся и повел приятелей обратной дорогой к вокзалу.

Там уже началась погрузка — грузчики, растянувшись вереницей, таскали в вагоны ящики с яйцами. Менделе и Великовский тоже взвалили на спины по ящику и вслед за реб Айзиком также вошли в вагон.

— Оставайтесь здесь, — сказал он им, — это будет ваше собственное купе... Я сейчас принесу вам покушать на дорогу.

Он принес им хлеба и колбасы и едва успел сойти на платформу, как чья-то рука потянула дверь, и вагон был закрыт.

Только к полуночи Менделе почувствовал, что вагон движется.

— Ну, теперь мы, кажется, можем быть спокойны, — сказал он Великовскому.

Устроившись между ящиками, друзья закутались в свои пальто и уснули... Их разбудил какой-то шум. Вагон стоял неподвижно, дверь его была раскрыта настежь, и за дверью сияло солнечное утро.

Вместе с ящиками «выгрузили» на платформу и беглецов. Австрийцы-железнодорожники весело смеялись, показывая на них пальцами, но Менделе и Великовскому было не до смеха.

Их отвели к этапному коменданту. Комендант сидел в маленькой комнатушке. В зубах его торчала трубка, он пыхтел, как дряхлый паровоз, и наполнил всю канцелярию густыми клубами дыма.

Начался допрос. В канцелярию заходили солдаты — с любопытством прислушивались к вопросам коменданта.

— Откуда вы, и как попали в вагон? — спросил комендант.

Менделе молчал. Великовский ответил:

— Мы хотели ехать в Австрию, а денег нет... Едем из Владимира-Волынска.

Но тут вмешался один из служащих станции:

— Дас зинд руссише гефангене, — сказал он, показывая телеграмму от коменданта Зимне.

ЭШЕЛОН МЕРТВЫХ

Телеграмма о бегстве пленных положила конец всем расспросам. Комната опустела — остался один только конвоир, которому поручили охранять беглецов.

Друзья сели на скамью и принялись завтракать колбасой и хлебом — это было единственное воспоминание о людях, так бескорыстно помогавших им. Вскоре появился комендант в сопровождении двух солдат. На рукавах у них были нашиты ленты желтого цвета, с черной полоской посредине и с надписью на немецком языке: «фельд жандармен постен».

Жандармы вывели пленных на пустую платформу. В стороне от станции виднелась крестьянская подвода, запряженная парой лошадей.

— Садись, ребята, — сказал стоявший подле нее крестьянин.

Все уселись. Лошади тронулись рысью. Местечко

осталось позади. Показался вдали дымок паровоза, тянувшего за собой длинную цепь товарных вагонов, но скоро и это исчезло из глаз...

Часа через три Менделе и Великовский въезжали в Зимне.

Опять началось прежнее — конюшни, навоз вместо постели, вши... Снова вставал Менделе на рассвете, получал свою порцию хлеба и кофе и отправлялся на работу — пилить дрова, ремонтировать шоссе или копать землянки для вновь прибывающих партий пленных...

Постепенно пленных в Зимне скопилось несколько тысяч человек.

Стало невозможно держать столько народу в совершенно неприспособленном для этого месте. Волей-неволей нужно было разгрузить этот остров страданий, на котором люди каждый день умирали десятками от болезней и истощения. И вот, наступил день, когда пленных выстроили, рассчитали и, окружив со всех сторон конвоем, погнали по шоссе, по направлению к Владимиру.

Шоссе было пустынно. Ветер гнал навстречу пыль и сухие желтые листья. Лишь изредка попадался небольшой военный обоз или крестьянская подвода... Пленные шагали молча, безучастные ко всему на свете. Великовский пробовал заговаривать с Менделе, шутил и старался развеселить своего друга. Увидев валявшийся на обочине дороги бурак, он выбежал из рядов и подобрал его — хотя и получил от конвойного пинок ружейным прикладом.

— Зачем тебе это? — спросил Менделе, — ведь его нельзя есть, он совсем гнилой...

— Ничего, пригодится.

До самого Владимира шли, не отдыхая, почти без

остановок. Пленные, истощенные голодным режимом Зимне, едва волочили ноги.

С тоской вспоминал Менделе, проходя по городу, как шел он с Великовским две или три недели назад, этими же улицами, свободный, полный надежд на лучшее будущее... Сейчас так же, как и тогда, город был полон движения — гремели по мостовой колеса экипажей, нарядная толпа заполняла тротуары. Все с любопытством оглядывали пленных — прохожие останавливались и смотрели им вслед, мальчишки с криком и свистом бежали сзади. Они сопровождали партию до самого вокзала... И вокзал был тот же, знакомый Менделе — даже бендюги стояли на прежнем месте, и среди грузчиков виднелась коренастая фигура реб Айзика... Он не узнал Менделе в толпе серых, одинаково грязных, одинаково оборванных людей. А если бы и узнал — чем мог он помочь сейчас?

Перед станционной платформой уже стоял длинный эшелон, составленный из товарных вагонов. Пленных немедленно стали распределять по теплушкам. В каждую теплушку сажали по шестьдесят человек. Конвоиры, угрожая винтовками, подгоняли тех, кто двигался недостаточно быстро. Суетились и что-то записывали офицеры; капралы выдавали пленным хлеб — по буханке на четырех человек.

Как только посадка была закончена, двери вагонов заперли на засовы.

К ночи эшелон тронулся в путь.

В вагоне было так тесно, что Менделе невольно вспомнил монастырскую келью, в которой он томился после первого своего побега. Только немногим счастливцам удалось устроиться на нарах — остальным негде было прилечь, и они, подобрав ноги, тесно, вплотную друг к другу, сидели на полу. Всех мучили вши. Многие, пытаясь уснуть, раздевались донага.

Медленно тянулась ночь. Когда рассвело и тусклый осенний день заглянул сквозь решетку крошечного оконца в вагон — легче не стало. Эшелон медленно тащился вперед, подолгу останавливаясь на каких-то глухих, безлюдных полустанках, уступая дорогу часто обгонявшим его пассажирским поездам.

Хлеб, выданный во Владимире, давно уже был уничтожен. Все с нетерпением ожидали, когда, наконец, откроется дверь и начнется раздача завтрака. Но время шло, а двери попрежнему оставались запертыми; попрежнему медленно, извиваясь, как издыхающая змея, полз длинный состав мимо пустых полей и голых обветренных перелесков.

Уже смеркалось, когда эшелон остановился на какой-то большой станции.

В одной из теплушек стали стучать в двери, послышались крики:

— Открывайте вагоны!

— Мы голодны!

Крики эти подхватили в остальных вагонах. Несчастные, измученные голодом, жаждой, вшами и теснотой люди тратили последние силы, исступленно колотя кулаками по обшивке вагонов, посылая проклятия своим мучителям, но никто не обращал на них внимания.

Наступила ночь. Стук и крики утихли.

— Неужели нам не дадут даже хлеба? — спрашивали пленные друг друга и беспомощно умолкали.

Снова наступило утро. Всю ночь поезд стоял, не двигаясь с места, точно о нем забыли, и двинулся дальше только на рассвете. Вторые сутки не открывались двери, пленных не выпускали. Они совершали свои естественные потребности тут же в теплушках. Безразличие, апатия охватили всех. Никто уже не

кричал и не стучал в двери. Многие до того были истощены пленом, что еле двигались от слабости и с трудом могли говорить.

В углу вагона, прикрывшись шинелью, лежал на полу худой солдат с тощей рыжей бородкой на опухшем бескровном лице. Его босые желтые ноги торчали из-под шинели неподвижно, как у покойника. Он лежал молча, не шевелясь, и только изредка стонал жалобным прерывистым стоном. Товарищи пробовали говорить с ним, но он не отвечал на их вопросы. Удалось только узнать, что его зовут Никифор Зайцев и что родом он из Вятской губернии.

Он умирал. Все понимали это, но никто не в силах был ему помочь. Чтобы не слышать его стонов, Менделе с головой укутался в пальто и лежал неподвижно, то засыпая, то просыпаясь, теряя всякое представление о времени...

Так прошел день, ночь и еще один день.

За все это время пленные не получили даже крошки хлеба, даже глотка воды... На третьи сутки Великовский вспомнил о бураке, который он поднял с земли по дороге из Зимне.

Он вытащил бурак из сумки. Все, кто только был в вагоне, окружили его, задыхаясь от жадности, следили за тем, как он отрезал ножом крошечные ломтики, — со всех сторон тянулись дрожащие грязные руки и каждый, схватив свою долю, урча отходил в сторону, смакуя этот гнилой кусочек, как лучшее лакомство.

Неподвижным в своем углу остался один только вятич. Великовский сам подошел к нему, нескладно попробовал пошутить:

— Вставай, обед несу!

Вятич молчал. Великовский тряхнул его за плечо — вдруг почувствовал, что тело солдата холодное и

твердое, как камень. Он отдернул шинель, которой было прикрыто это худое неподвижное тело, и весь содрогнулся от ужаса, увидев оскаленные, точно в улыбке, зубы и слезу, застывшую в углу широко раскрытого, мертвого глаза...

К утру умерло еще двое пленных.

Всех их уложили рядом, прикрыли шинелями. Их почти невозможно было отличить от живых: и живые, и мертвые были одинаково неподвижны, молчаливы и безучастны к тому, что делалось с ними — к толчкам, к гудкам паровоза, к остановкам... И когда на одной из остановок, у самых дверей теплушки послышались голоса, никто сначала не заметил этого.

Но голоса стали громче, раздался грохот отодвигаемого засова, дверь, визжа, отъехала вбок... Яркий, дневной свет хлынул в теплушку.

Австриец-фельдфебель полез было в вагон, но, не выдержав ужасающего смрада, дернулся обратно.

— Выходи! — сердито крикнул он, отворачиваясь и пятясь.

Живые зашевелились.

Никто, казалось, не верил, что именно им предлагают выходить. Но это длилось не больше секунды — в следующее же мгновение русские ринулись к дверям, на платформу, совершенно безлюдную, потому что вонь, шедшая из открытых вагонов, разогнала всю «вольную» публику.

В вагонах остались одни мертвецы.

Конвоиры заставили пленных вынести трупы и уложить их на грузовик. Несколько человек нарядили убирать теплушки. Затем раздалась команда:

— Стройся!

Неподалеку от вокзала виднелся небольшой деревянный домик и, перед ним, длинные столы с ножками, врытыми в землю. Пленные, не отрываясь, гля-

дели на этот домик, суливший им пищу, и, казалось, не было той силы, которая заставила бы их смотреть в другую сторону.

Но такая сила все же нашлась.

Комендант, что есть мочи, заорал «смирно», и на платформе показался высокий бритый офицер, в серой тужурке с серебряными петлицами, на которых красовались звездочки. Глаза пленных невольно устремились на него. Это было, должно быть, очень важное лицо — толстый, с седыми усами на малиновом лице, комендант эшелона семенил за ним мелкими шагами, глядел по-собачьи преданно и заискивающе — нехватало только хвоста, которым комендант мог бы вилять.

Офицер остановился перед строем и на ломаном русском языке спросил:

— Ну как? Карашо?

Ни одного слова не последовало в ответ — пленные молча переглянулись.

Тогда Менделе вышел из рядов и приблизился к офицеру:

— Если бы вас посадить в закрытый вагон и не выпускать пять суток, и не давать ни пить, ни есть, что бы вы сказали? Хорошо?.. А трупы наших товарищей, которые мы только что вынесли из вагонов? А побои конвоиров?... Хорошо?

Удивленный таким поведением военнопленного офицер пожал плечами, пробормотав:

— Дизе руссен зинд фрех...

Повернувшись к коменданту, он сказал ему несколько слов по-мадьярски и обратился к пленным:

— В лагере лучше будет... А сейчас вас будут кормить.

Офицер скрылся в дверях вокзала. Комендант, грозно взглянув на Менделе, побежал за ним.

Пленных тотчас же разбили на партии, погнали к столам. Запахло горячей пищей. Длинная очередь выстроилась перед домиком-кухней. Томясь, топчась на месте от нетерпения, пленные по одному подходили к дверям, получали кусок хлеба и подставляли котелки, в которые повар черпаком наливал немного супа.

Получив свою порцию, пленные тут же, не доходя до столов, начинали есть. Те, у кого не было ложек, захлебываясь и обжигаясь, пили суп прямо из котелков — страшно было смотреть на их перекошенные полубезумные лица... Многие, кончившие еду раньше других, стояли подле кухни. Конвоиры отгоняли их, но они возвращались с упорством маниаков и продолжали глядеть на веселого повара, неутомимо работавшего черпаком. Как они завидовали этому повару! Он был счастливей всех людей на земле, он мог есть суп и хлеб — много супа и сколько угодно хлеба...

Кончилась скудная трапеза. Конвойные загоняли пленных обратно в теплушки, в воздухе гремели ругательства, отрывистые слова команды. Но люди все еще стояли, все еще чего-то ждали от маленького домика, из дверей которого несся чудесный запах еды...

ГОРОД НЕВОЛЬНИКОВ

Часов в десять вечера поезд снова остановился.

Пленных вывели из вагонов, переписали и повели в баню.

Раздевшись, каждый сдавал свое белье, получал номерок и шел в следующее отделение. Здесь парикмахеры наголо снимали с вшивых голов волосы, у многих отросшие по самые плечи. Затем пленные попадали под горячий душ.

Менделе в первый раз в жизни мылся под душем — он привык к другим баням.

Он долго наслаждался потоками горячей воды, растирая руками исчесанное, изъеденное вшами тело, пока австриец-банщик не прогнал его обратно в раздевальню.

Голые, коротко остриженные, только что вымывшиеся пленники сидели на длинных скамьях, ожидая, когда вызовут их номер и выдадут из дезинфекционного отделения одежду.

Менделе разыскал своего друга Великовского, сел рядом с ним. Друзья долго не могли прийти в себя.

— Где же это мы находимся? — спрашивал то Менделе у Великовского, то Великовский у Менделе, и тут же оба заливались довольным, беспричинным смехом.

Смеялись, весело шутили, разговаривали и остальные — баня освежила всех, вернула измученным людям силы и бодрость.

Когда пленные оделись, конвойные разделили их на партии по сто пятьдесят человек и повели в пустые, не освещенные бараки. Менделе удобно устроился рядом с Великовским на верхних нарах.

Сквозь сон Менделе слышал какие-то крики, ругательства, топот, но усталость его была так велика, что по-настоящему он проснулся только поздним утром.

Великовский уже не спал, разговаривал с кем-то из пленных внизу.

— Вставай, Менделе! — крикнул он, увидев, что его друг зашевелился. — Пора итти на разведку.

Барак не охранялся, и друзья без всяких хлопот вышли на улицу.

— Ну, брат, здорово, — воскликнул Великовский,— да ведь это целый город!

Действительно, это был маленький своеобразный городок. Вместо городских стен его окружали высо-

кие столбы, густо оплетенные колючей проволокой, и кроме того деревянный забор. Во всю длину и ширину пролегали широкие проезды, заменявшие улицы, на них, как в самом настоящем городе, виднелись фонари. Вместо домов, ровно, как по линейке, тянулись одноэтажные деревянные бараки. Менделе насчитал их не меньше пятидесяти. Они были такие одинаковые, похожие, что отличить один от другого было почти невозможно.

— Запомни-ка наш номер — двадцать второй, — посоветовал Великовский, — а то, пожалуй, и дороги не найдешь обратно.

Друзья свернули в «переулок» и зашли в ближайший барак, на стене которого была прибита дощечка с аккуратно выведенной цифрой пять.

Весь барак был населен штатскими. Они называли себя «цивиль-гефангене», считали, что их не имеют права гонять на работу и должны скоро отправить на родину. Почти все они были привезены сюда из Барановичей, Белостока и других оккупированных австрийцами и немцами городов.

Жили они, очевидно, совсем не плохо — были хорошо одеты, выглядели здоровыми и сытыми. В бараке у них было чисто и весело, звенела балалайка, слышались песни. В нескольких местах шла оживленная картежная игра. К пленным-солдатам они относились как-то свысока, и Менделе едва удалось добиться ответа на свои вопросы и узнать, что они находятся в лагере «Кригс унд цивиль гефангенен» города Вадовица.

Друзья двинулись дальше — в следующий барак № 3.

Это было помещение обслуживающего персонала. В нем жили повара, переводчики, парикмахеры, помощники коменданта и т. д. Большинство из них было

на работе, но все же Менделе удалось разыскать среди немногих оставшихся земляка — молодого рыжего и веснущатого еврея Гринберга, работавшего переводчиком.

Земляки разговорились. Первым делом Гринберг спросил:

— Есть хотите?

— Еще бы!

Гринберг побежал на кухню, притащил два котелка мамалыги — круто сваренной каши из кукурузной муки.

Друзья с жадностью набросились на угощение, в то время как их радушный хозяин рассказывал им о своем житье. По его словам, обслуживающему персоналу жилось еще лучше, чем «цивиль-гефангенен» — никто из них не голодал, у каждого всегда можно было найти в запасе кофе, сахар и хлеб, — а в лагере это составляло ни с чем не сравнимое богатство.

Наевшись, Менделе поблагодарил земляка и распрощался с ним.

— Ну и живут, черти! — восхищенно бормотал Великовский, выходя на улицу и поворачивая к соседнему бараку.

Барак был почти пуст — в нем остались только больные и те, кому правдой или неправдой удалось увильнуть от работы. Делать здесь было нечего.

— Пойдем посмотрим на офицеров, — предложил Менделе.

Но сделать это им не удалось — лагерь строился на обед. Они поспешили к себе, захватив котелки, и заняли свои места в общем строе.

После обеда им уже не удалось выйти из барака: к бараку был приставлен караул, так как все пленные, прибывшие вчера, значились на карантинном положении, и их даже не гоняли на работу.

Офицеры жили отдельно от остальных русских, под охраной специально назначенного конвоя. В их бараках было чисто, просторно, на нарах лежали аккуратно прикрытые одеялами матрацы, верхних нар не было вовсе. Пищу и хлеб приносили конвойные. По качеству своему офицерские обеды были много лучше солдатских.

Пользовались офицеры и другими привилегиями — их не заставляли работать, отпускали на прогулку в город, позволяли делать покупки в городских лавках. С солдатами они почти не встречались и не разговаривали. Были среди них идиоты, титуловавшие друг друга по чину, и даже такие, что требовали, чтобы солдаты отдавали им честь; но пленные ограничивались тем, что уступали офицерам дорогу — да и то не всегда.

Впрочем, все это Менделе узнал уже позже, когда его партию перевели из карантина в барак № 1, и они стали, по выражению Великовского, «оседлыми жителями лагеря».

К этому времени Менделе познакомился со всеми лагерными порядками.

Просыпались пленные очень рано — еще до света. В четыре часа их уже выстраивали на площадке, выдавали хлеб и завтрак, а в шесть — гнали на работу, грузить и разгружать вагоны, строить и ремонтировать дороги, иногда — на бумажную фабрику.

На работу пленные шли неохотно, всеми способами стараясь отвертеться и спрятаться от конвойных. Многие сразу же после завтрака забирались в уборную, просиживая там чуть ли не до самого обеда. Другие, симулируя болезнь, толкались около «Мараден хауз», где фельдшера делали перевязки и принимали больных, а потом возвращались в бараки и заваливались спать, играли в карты или читали.

Лучшее время наступало вечером, когда пленные возвращались с работы. К семи часам все были уже в сборе и при свете фонарей могли свободно разгуливать по лагерю до девяти.

Пленные очень любили эти прогулки. Особенно много гуляющих было в теплые лунные вечера. Повсюду слышалось хоровое пение, смех, бренчание балалаек, переливы гармошки.

Австрийцы любили слушать русские песни и иногда вступали даже в разговоры с пленными. Но это бывало очень редко, так как администрация лагеря строго преследовала всякие проявления дружбы между пленными и конвоирами. Среди русских можно было говорить что угодно, заниматься политической агитацией, выступать против войны — но стоило заговорить об этом с австрийцем, как «агитатора» немедленно убирали из лагеря или сажали в арестантский барак.

С местным населением пленные сталкивались только на работе.

Но иногда случалось и иначе. Лагерь был расположен рядом с железнодорожной насыпью, и бывало так, что поезда останавливались напротив бараков. Немедленно со всех стороны сбегались пленные, собирались у проволочной изгороди и глазели на пассажиров, отпуская грубые шуточки по адресу выглядывавших из окон женщин. Пассажиры, в свою очередь, с любопытством оглядывали город невольников и забавлялись тем, что бросали в толпу конфеты или фрукты — русские в дикой свалке бросались на эту подачку, вступая в драку и катаясь по земле, а пассажиры весело хохотали над ними, щелкали фотографическими аппаратами...

Администрация лагеря относилась к этим свалкам и дракам с полным равнодушием и даже поощряла их. Когда в лагерь приезжало какое-нибудь высокопоста-

вленное лицо, комендант сам бросал пленным апельсин или пряник — пленные накидывались на них, а высокопоставленный гость, глядя на эту бесчеловечную сцену, снисходительно посмеивался.

Менделе не раз обращался к товарищам, уговаривал их не итти на самоиздевательство, но из этих уговоров ничего не выходило: пленные соглашались с Менделе, а при первом же случае все повторялось сначала.

В лагере Менделе прожил не больше двух-трех недель — его прикрепили к группе пленных, ремонтировать большие каменные казармы «Графа Дауна», и, разлучив с Великовским, перевели в город. Менделе стал работать в качестве помощника мастера по настилке кафельных полов.

Вся его группа жила тут же в казармах, в специально отведенном помещении. Работа была легкая и кормили здесь сытнее, чем в лагере: всегда можно было достать хлеб и обед из австрийской кухни.

В казармах был размещен 56 пехотный полк, состоявший из немцев, мадьяр, чехов и русин. Благодаря такому пестрому национальному составу, как бы демонстрировавшему все население «лоскутной» Австро-венгерской империи, между солдатами не прекращалась скрытая, а то и явная вражда, которую поддерживали офицеры-немцы, покровительствовавшие своим соплеменникам и всячески издевавшиеся над остальными, особенно над русинами-украинцами.

Однажды Менделе был свидетелем такого издевательства.

Было это ранним утром. Менделе работал на третьем этаже. Он любил наблюдать утренний сбор полка и, услышав внизу, во дворе, команду фельдфебеля,

подошел к окну. Солдаты бегом выбегали на двор и строились — немцы отдельно от чехов и русин.

— Аб-ахт! — выкрикнул фельдфебель.

Полк замер, не сводя глаз с обходившего строй оберста.

Оберст обошел ряды и, наконец, остановился перед русинами, как бы выбирая очередную жертву. Выбор его пал на низкорослого пожилого солдата, стоявшего на левом фланге.

Движением руки оберст поманил солдата и, когда тот подошел и вытянулся перед ним, ударил его по лицу с такой силой, что бедняга еле устоял на ногах.

— Безобразие! — орал немец. — Разве в таком виде являются в строй? Почему у всех ботинки вычищены, а у тебя нет?

Солдат стоял молча, не шевелясь. Ботинки его были начищены не хуже, чем у других — но ведь нужно же было полковнику хоть к чему-нибудь придраться!

Менделе, видевший эту сцену, вздрогнул, точно удар пришелся ему самому.

Тут же он решил отомстить.

Когда полковник вернулся из казармы и стал подниматься во второй этаж, в полковую канцелярию, Менделе улучил удобный момент. Схватив бак с только что заваренным цементом, он подошел к перилам лестницы и, намеренно-неловким движением опрокинув бак, облил полковника с головы до ног.

За это Менделе получил четырнадцать суток строгого ареста.

После освобождения он продолжал работать в казармах, но вскоре его арестовали вторично.

В одной группе с ним работало еще несколько пленных — старичок Шабес, молодые парни-слесаря Канев, Винокуров и Домбровский. Как-то, в обеденный

перерыв, в помещение русских зашли солдаты-австрийцы. Завязалась общая беседа, во время которой Менделе заговорил об издевательствах командного состава над русинами и галицийцами.

— Русины не вояки, они все добровольно переходят в Россию, воевать не хотят, — сказал солдат-немец.

Менделе стал доказывать, что добровольно сдаются в плен не только русины, но и все, кому надоела война. Он говорил, что все бедняки — братья, что у них одни враги — офицеры и богачи. Шабес пробовал его остановить, но Менделе так распалился, что ничего не слышал, кроме собственных слов.

Вечером за ним явились вооруженные конвоиры.

Девять суток просидел Менделе в карцере. Кроме того, ему дали шесть часов «шпанги» — мучительного наказания, которое заключается в том, что правую руку наказанного приковывают короткой цепью к левой ноге.

Когда кончился срок ареста, Менделе убрали из казарм. Прощаясь с товарищами, провожавшими его до ворот, он узнал от Шабеса, что причиной ареста был Домбровский, который донес на Менделе начальству.

Менделе был водворен обратно в лагерь. Великовского он здесь уже не застал, его куда-то перевели.

Порядки в лагере стали еще строже.

Кормили пленных с каждым днем все хуже, и часто можно было видеть, как кто-нибудь из русских, обросший бородой, оборванный, босой, шарит в мусорном ящике в поисках объедков и отбросов, которые могли бы его насытить.

Работать заставляли много. Увильнуть от работы было почти невозможно. Часто даже больные не могли отпроситься в околоток — в ответ на свои просьбы

они выслушивали брань или получали удар хлыстом от цугефирера Бергера и его помощника Кароля, русского военнопленного.

Менделе не раз был свидетелем таких сцен. Он пробовал заступаться за товарищей, но это приводило только к тому, что его сажали в карцер или заковывали. Однажды, работая в группе землекопов, Менделе видел, как молодой парень, не в силах справиться с тяжело нагруженной тачкой, вместе с ней свалился в обрыв и разбился насмерть. Когда Менделе попробовал протестовать, комендант ответил:

— Вы только жрать умеете, а не работать.

Чаще всего Менделе посылали на разгрузку вагонов с углем и на каменные работы. Иногда ему приходилось сталкиваться здесь с австрийскими рабочими. Они выглядели не менее жалко, чем пленные, в разговорах жаловались на свою полуголодную жизнь, на нищенский заработок и дороговизну.

— Это все война делает, — говорили они.

Менделе, как умел, объяснял им, кто виноват в войне и кому она нужна.

— Вот мы работаем вместе, — говорил он, — нам одинаково плохо... Какие же мы враги? Наши враги те, кто заставляет нас жить так.

Однако разговаривать с рабочими пленным не позволяли, и чаще всего их беседы на первых же словах прерывались окриком конвойных.

Когда морозы усилились и выпал снег, на работу стали гонять только тех, у кого еще держалась на ногах обувь. Но таких оставалось немного. У большинства единственной защитой от стужи были тряпки, которыми они обвертывали ноги. Они весь день сидели в нетопленных бараках, скорчившись от холода, и выходили только, услышав команду на обед, ужин или завтрак.

Однажды вечером, после ужина, Менделе отправился побродить по лагерю.

Проходя мимо седьмого барака, он услышал какие-то громкие возгласы, крики и решил зайти.

Все обитатели барака сгрудились в один угол — сидели на нарах и на полу, или стояли, налегая друг на друга, стараясь протиснуться вперед. Из толпы то и дело слышались возмущенные голоса, иногда сливавшиеся в сплошной рев.

В центре этого импровизированного митинга видны были погоны трех офицеров.

Все трое дружно нападали на солдат, обвиняли их в недостаточной любви к родине, в распущенности, в том, что для них паек и безделье дороже воинской дисциплины и чести русской армии. Они доказывали, что даже в плену солдат должен оставаться солдатом, соблюдать порядок, отдавать честь офицерам и помнить, что австрийцы — враги, которых нужно победить во что бы то ни стало... Особенно старался молодой подпоручик-артиллерист. Он размахивал руками, кричал больше всех, и его чаще других прерывали возгласы солдат.

Менделе слушал, стискивая зубы. Он смотрел на чисто выбритое лицо подпоручика, на погоны с двумя серебряными звездочками, на толстый теплый свитр, который виднелся из-под офицерской шинели, и его пронимала неудержимая злоба к этому барчуку, до сих пор не понявшему, что ему не о чем говорить с солдатами.

— Погодите, — кричал подпоручик, — война кончится, тогда с вами поговорят по-другому...

Эти слова окончательно вывели Менделе из себя. С силой расталкивая солдат, он прорвался в середину толпы, кулаком ударил офицера в грудь и прямо в лицо ему бросил:

— Довольно!.. Хватит! Бегите в Россию, воюйте, если вам угодно, защищайте родину, царя, чорта, дьявола... А пленных не троньте! Мы и так измучились, ведь мы живем здесь, а не в офицерских бараках... Вон отсюда, подлецы!

Под единодушные крики, топот и свист, офицеры поспешно покинули барак. Их место занял Менделе. Но долго говорить ему не пришлось — офицеры успели нажаловаться тем самым австрийцам, которых они предлагали считать врагами, и через полчаса в барак уже входил конвой.

Менделе опять получил шесть часов «шпанги». Но он настолько привык к наказаниям, что относился к ним, как к какой-то забаве. Он весело смеялся, пока австриец-капрал заковывал его, и на соболезнование товарищей отвечал:

— Ничего, пройдет, не беда.

На следующий день Менделе перевели в пересыльный барак.

Здесь царил полный хаос. Почти каждый день отсюда отправляли целые партии пленных и на смену им приводили новых, главным образом, пойманных жандармами беглецов других лагерей.

Условия, в которых жили пересыльники, были ужасны — они спали вповалку на голых нарах, пищу получали позже всех. Кругом барака день и ночь стояли часовые, следившие за тем, чтобы русские не могли сноситься с остальным населением лагеря. На работу никого не посылали.

Пленные забывались в песнях и картежной игре. Многие целыми днями валялись на нарах и спали чуть ли не круглые сутки.

Почти месяц прожил Менделе в этом бараке. Он даже успел получить письмо от родных. Из письма

он узнал, что его разыскивают, как изменника, и понял, что ехать на родину ему нечего.

Пленных, назначенных для отправки из лагеря, вызывали обычно среди ночи, часа за два до подъема. Все привыкли к этому и ждали появления фельдфебеля с нетерпением: каждому хотелось поскорей расстаться с лагерем и лагерными порядками.

Наконец наступила очередь Менделе: среди других номеров фельдфебель назвал и его номер. Менделе в одну минуту собрал свои убогие пожитки и весело побежал строиться.

Вместе с другими его вывели из барака.

Пересыльных накормили, выдали им вместо обуви деревяжки и, распределив на несколько партий, погнали на вокзал.

Партия, в которую попал Менделе, насчитывала всего десять человек, но для нее отвели целую теплушку. Это была неслыханная роскошь! Все устроились с удобствами, о которых никто не смел и мечтать.

Вскоре поезд тронулся. Менделе лег на пол, подложив под голову сумку, и попытался уснуть.

Неподалеку от него, покуривая, сидел конвоир, маленький, худощавый солдат, с рыжеватой бородкой на бледном лице; из левого уха его торчала вата. Другой конвоир, молодой, повыше ростом и поплотней, стоял у приоткрытых дверей и молча смотрел на пробегающие мимо поля и деревни. Первого звали Рудольф, второго — Раймонд.

Докурив свою трубку, Рудольф достал из узелка колбасу, хлеб и бутылку с ромом.

Он любезно предложил Менделе выпить. Менделе не отказался и, воспользовавшись удобным случаем, спросил:

— Куда мы едем?

— О, там, куда мы едем, очень много рома! — смеясь, ответил конвоир.

Тут стоявший у дверей Раймонд вспылил и крикнул:

— Ты не имеешь права разговаривать с пленными! Их надо не поить, а охранять.

— Я сам знаю, что делаю, — огрызнулся Рудольф. Они такие же люди, как я и ты. Я отвечаю, если кто-нибудь из них убежит, а не за то, что с ними разговариваю. Понял?

— Альзо гут, — мрачно пробурчал Раймонд и замолчал.

Но Рудольф уже не мог успокоиться.

— Ты не был на фронте, — сердито говорил он, — а я ранен и знаю, что такое «гефанген». Муж моей сестры тоже «гефанген», только в России.

КШЕМЕНЕ

На следующее утро партию высадили на станции Санок.

Город только еще просыпался. Песня маршировавших через площадь австрийских солдат прорезала утреннюю тишину. На улицах часто попадались спешившие по направлению к вокзалу офицеры, и шедший впереди партии Раймонд только то и делал, что, при встрече с ними, опускал руку с середины ружейного ремня к прикладу.

Вскоре пленных привели в какой-то «гастгауз».

Навстречу им вышел высокий хмурый мужчина. Щеки его густо обросли бакенбардами. Низко на самый лоб была надвинута шляпа-тарелка. На груди блестела никелированная цепочка часов, протянутая через петлицу из одного кармана в другой.

— День добрый, панови, — поздоровался он с конвоирами.

Вслед за ним шел юноша — тоже в шляпе, над которой торчало птичье перо. Остальной наряд его — ветхие ботинки, засаленный пиджак и рваные штаны, сквозь прорехи которых виднелось грязное белье из толстого домотканного холста — был в полном несоответствии с этим франтовским пером.

В правой руке он гордо держал кнут.

— Кони готовы, пан корбовник, — сказал он, обращаясь к мужчине с бакенбардами.

— Ну, москали, айда! — распорядился тот.

Все уселись на подводы. Менделе пришлось сесть рядом с «корбовником».

Лошади тронулись.

— Далеко ли нам ехать? — спросил Менделе.

— Ни, до полудня бендем там.

— А куда мы, все-таки, едем?

— До Кшемене, Бжозовский повиат.

Видя, что корбовник охотно отвечает на вопросы, Менделе решил продолжать разговор.

— Пан — поляк или русин? — спросил он.

— Я есть русин, — тихо ответил корбовник.

— Земля у вас есть?

— Ни, робимы у пана на фольварке.

За разговором время шло незаметно. Вдруг подводы остановились напротив какого-то дома, одиноко стоявшего при дороге. Это была еврейская корчма. Все слезли и вошли под гостеприимную кровлю.

За небольшой стойкой стояла пожилая женщина, закутанная в шаль. При виде посетителей, на помощь ей поспешил старик-еврей в длинном черном лапсердаке.

У одного из пленных, Габрелева, оказались часы. Он

тут же решил продать их и получил от хозяина четыре кроны.

Габрелев спрятал деньги, хлопнул Менделе по плечу:

— Ну, теперь мы разбогатели, заказывай, что хочешь!

Менделе попросил себе стакан горячего молока.

Габрелев угостил остальных товарищей, а также молодого возницу, снявшего свою шляпу с пером и обеими руками чесавшего голову.

— Эх, москали, вы такие же бедные, как и я, — проговорил юноша, растроганный вниманием Габрелева.

Закусив, все уселись на свои прежние места и поехали дальше.

Через некоторое время подводы выбрались на широкую ровную шоссейную дорогу. Вдали показалась крыша костела.

— Это деревня Дидния, — объяснил корбовник, — от нее до Кшемене остается четыре километра. В этот костел мы ходим молиться.

Когда миновали деревню, лошади, чувствуя близость конюшни, ускорили шаг. По дороге все чаще стали попадаться крестьяне, низко кланявшиеся корбовнику...

Наконец за невысоким пригорком открылась панская деревня, состоявшая из маленьких хаток под соломенными крышами; только несколько домов побогаче были покрыты черепицей.

Подводы въехали во двор фольварка и остановились.

— Хлопцы, берите сумки, пойдем за мной, — сказал корбовник.

Он привел пленных в маленький деревянный флигелек. В нем было всего две комнаты. В одной из

них были приготовлены нары из свежих досок, от которых приятно пахло смолой. Другая комната, поменьше, предназначалась для конвоиров.

После лагеря и пересыльного барака пленным их новое помещение показалось чем-то вроде дворца. Из соседнего сарая они принесли соломы и, весело переговариваясь, стали устраивать себе постели.

— Эй, москали, фшистки вечеряти, — позвал их приветливый женский голос.

Захватив с собой котелки, все десятеро побежали на кухню, где распоряжалась молодая женщина такого небольшого роста, что ей, чтобы дотянуться до котла, пришлось взобраться на скамейку.

Поужинав, Менделе, Габрелев и еще двое пленных попросили Рудольфа отправиться с ними в деревню. Рудольф согласился. Он прицепил к поясу штык от винтовки, почистил ботинки, натянул перчатки, и все гурьбой повалили на улицу.

Появление новых, чужих людей нарушило обычное спокойствие деревни. Во всех окнах видны были любопытные лица крестьян. Ребятишки выбегали из хат и громко на разные лады выкрикивали.

— Москали, москали!

Пройдя через деревню и миновав мост, решили итти дальше, к Диднии, но, не дойдя до этой деревни, завернули в корчму, стоявшую на полпути.

— Гутен таг, — приветствовал Рудольф молодую черноглазую девушку, прислуживавшую гостям.

— Гутен таг, мейне эрен, — ответила она.

Рудольф, а вслед за ним и все остальные присели к столу. Только Менделе отделился от компании и подошел к стойке, за которой хлопотала девушка.

Он разговорился с нею, узнал, что ее зовут фрейлен Розалия. Она предложила ему бокал пива. У менделе не было денег, и он смутился, готовый отказать-

ся — но, к счастью, к нему на выручку подоспел Габрелев.

Менделе выпил за его здоровье и поднял тост за фрейлен Розалию.

— Вот мой отец пришел, — сказала девушка.

Менделе увидел входившего в корчму пожилого еврея в пальто и плюшевой шляпе. Из-под шляпы торчала ермолка, из-под ермолки тянулись пейсы, скрученные в трубочки. В зубах он держал дымящуюся сигару.

— Шолом алейхем, — произнес он, протягивая Менделе руку.

Пальцы у него были длинные и желтые от табака. Менделе поговорил и с ним, но не долго, так как Рудольф уже расплачивался, и пора было уходить.

— Заходите, я буду очень рада вас видеть, — сказала на прощание фрейлен Розалия. — Вы, вероятно, будете работать у пана?

— Нет, на пана, — ответил Менделе.

Девушка ласково улыбнулась и крикнула ему вслед:

— Это все равно... Заходите!

Уже сверкалось. Вечерним холодом дышали зимние просторы. В потемневшем небе загорались первые звезды, опрокинутый серпоротий месяц был чист и ясен.

До самого фольварка шли молча — каждый был занят собственными мыслями; молодая, прелестная своим румянцем, черными глазами и приветливой улыбкой Розалия немало места занимала в мыслях Менделе...

Во флигеле было шумно и весело. На нарах стояла большая лампа. Пленные, расположившись вокруг, играли в двадцать одно. Тут же, наблюдая за игрой, сидели панский кучер Зигмунд и младший лакей Яшек.

Рудольф, пожелав всем спокойной ночи, отправился в свою комнату.

Минут через пять появился второй конвоир Раймонд. Он потребовал, чтобы русские немедленно ложились спать.

— Убирайся ты к чортовой матери! — ответил ему самый младший из пленных Митька Тарасов.

Остальные поддержали:

— Здесь тебе не лагерь!

— Сам иди спать... А будешь много разговаривать, ни одного из нас не увидишь.

Раймонд сконфуженно умолк и скрылся.

Игра затянулась до глубокой ночи. Легли поздно, и когда на рассвете корбовник, просунув голову в дверь, крикнул: — «Ауф, хлопе!» — никто даже не пошевельнулся; пришлось расталкивать чуть ли не каждого в отдельности.

Наконец все проснулись, умылись. На столе уже давно стоял кофе. Пар струился к потолку, точно готов был пробить его насквозь.

Еще не кончили завтракать, как явился корбовник. За ним в комнату вошел управляющий имением — худой, длинный поляк; на его тонком горбатом носу еле держалось пенсне, которое он поминутно поправлял.

— На работу, хлопе, на работу! — выкрикнул он вместо приветствия.

Менделе и Габрелева назначили ехать в лес за дровами. Оба попали под команду хромого бородатого великана-лесника.

— Пан жид? — спросил лесник у Менделе.

— Так есть, пани, али не галицийский.

— Ну, добже.

Лошади были уже запряжены, телега обмотана железными цепями.

Поехали.

— Пан лесничий, — заговорил Менделе, — имеют ли здешние крестьяне лес?

— Нет.

— А земля есть?

— Мают по гронту или моргу... Живут фшестки бедно.

Забравшись в глубину леса, остановились. Лесник велел выпрячь лошадей и отвести их в сторону. По его указаниям, Менделе и Габрелев приступили к работе, стали пилить огромный кедр.

К полудню кедр был доставлен на «тартак» — лесопилку, которая приводилась в движение водяным колесом. Вскоре на «тартак» приехал сам пан. Поднялся страшный переполох. Лесник побежал навстречу и подобострастно припал к панской руке.

Не глядя на него, пан спросил еврея-арендатора, когда тот распилит привезенное пленными дерево.

Арендатор, держа шляпу в руке и низко кланяясь, ответил:

— Як бога кохам, сейчас Абрам приступит к работе.

— Ну, як, москали? — удостоил вельможа своим вниманием и пленных.

Менделе и Габрелев отвечали спокойно, без всякой угодливости и страха:

— Работа ничего... Только кормит нас пан очень плохо.

Пану, очевидно, не понравился такой независимый ответ. Он нахмурился, молча сел в ожидавший его фаэтон и уехал.

Вслед за ним двинулись и пленные.

После обеда все завалились спать, но скоро сон нарушил корбовник, явившийся с вопросом:

— Кто хочет ехать в Диднию за глиной?

Менделе и Габрелев вызвались ехать — только без конвоиров.

— Добже, — согласился корбовник.

Лошади у пана были добрые — четыре километра от Кшемене до Диднии одолели меньше чем в полчаса. В деревне было тихо, пустынно, на улице гуляли только гуси, да какая-то старуха вышла на крыльцо посмотреть, как москали одни едут в шарабане без конвоя.

На обратном пути друзья остановили лошадей у корчмы.

В корчме было пусто. Розалия сидела у окна, разговаривая со своей старшей сестрой Саррой. Обе обрадовались гостям, усадили их за маленький столик, принесли пива. Розалия, ласково поглядывая на Менделе своими блестящими черными глазами, задавала вопросы, а Менделе рассказывал ей о России, о войне и обо всем, что пришлось ему испытать в плену.

Время пролетело незаметно быстро. Начинало смеркаться.

— Поедем, Менделе, а то поздно, — спохватился Габрелев.

Он вышел к лошадям, Сарра провожала его. Менделе остался наедине с Розалией. Прощаясь с девушкой, он обнял ее и крепко поцеловал в губы. Розалия покраснела почти до слез, но не рассердилась и тихо прошептала:

— Приезжайте поскорее.

Габрелев погнал лошадей крупной рысью. Когда шарабан подкатил к фольварку, уже совсем стемнело. Раймонд в бешенстве бросился навстречу москалям,

но сдержался, плюнул и вернулся обратно, не проронив ни слова.

В комнате пленных, как и вчера, ярко пылала лампа, сидели гости — старуха-птичница Михаличкова, кучер Зигмунд, его помощник Янек и старый, слепой на один глаз, скотник Стасек.

Один из пленных, Василий Ломтев, рассказывал, как его отец, осужденный за революционную деятельность, умер от туберкулеза на царской каторге. Гости молча слушали страшный рассказ — никто из них не имел даже представления о Сибири.

— Трудно, видно, жить у вас в России, — сказал Зигмунд, когда Василий умолк.

— Конечно не легко, — ответил пожилой чернобородый солдат Тихон Степанович. — Потому-то и воевать противно... Вот я, например, каменщик. Ходишь всю жизнь на заработки, из города в город, а семья голодает.

— Подумаешь! — вмешался в разговор Янек. — А у нас разве лучше? Земли нет, за каждую мелочь плати пану...

— Ничего, придет время, и на нашей улице будет праздник, — сказал Менделе.

— Кто его знает, чи придет, чи нет.

Заговорил и все время молчавший Стасек.

— Я о москалях слышал разные сказки, чего-чего только ни рассказывали... А теперь вижу, что и москали добрые люди, прямо цукерки...

— Ну, панови, на сегодня хватит, — сказала Михаличкова.

Гости в один голос произнесли: «Добра ноц!» — и покинули хату.

Скоро все спали крепким сном. Не мог уснуть только Менделе, — его одолевали мысли о Розалии,

о нужде панских крестьян, о плене... Он решил выйти подышать свежим воздухом.

Все вокруг застыло в тишине и спокойствии. Ни одного огонька не было видно в деревне, панский замок вздымался огромной темной громадой. Дул слабый теплый ночной ветер, в котором уже чувствовалось приближение весны.

Менделе прошел по усадьбе и выбрался на широкую поляну, окаймленную деревьями парка. Сюда было запрещено ходить не только пленным, но и панским служащим.

Посреди поляны, перед статуей «святой Марии» мерцал огонек. Менделе подошел к статуе. Она смутно белела в темноте. Хилый огонек лампады был защищен от ветра стеклом, вделанным в небольшую нишу.

Менделе тихо побрел дальше. Увлеченный своими мыслями, он не обращал внимания на окружающее и почти столкнулся с какой-то темной фигурой, надвинувшейся на него из-за деревьев. Менделе испуганно остановился, но тотчас же узнал Антония — старого лакея, жившего в замке.

Старик тоже остановился. Оба молчали. Вдруг старик поднес руки к лицу и всхлипнул.

— Что с тобой? — бросился к нему Менделе.

Антоний сквозь слезы ответил:

— Ах, пан москаль... Сорок лет я служу пану, всю жизнь ему отдал... А сейчас я попросил пана отпустить моей дочери дерево, чтобы починить сарай, так он с меня требует три рейнских... Неужели за всю свою работу я даже дерева не заслужил?

Не зная, чем утешить старика, Менделе промолчал.

— Нет, видно, правды на земле, — продолжал Антоний. — Сорок лет я терплю, молчу, чего только ни видел за это время... Страшно вспомнить, пан мос-

каль. Сколько слез, сколько горя, несправедливости... А я видел и молчал. Куда пойдешь, кому скажешь об этом? Святому отцу на исповеди?

Старик глухо засмеялся и, точно в припадке, затрясся всем телом.

— Святой отец! — воскликнул он, яростно потрясая кулаком. — Видел я этих святых!.. Слышал, как вельможная пани поручала ему говорить с крестьянами, и он пугал их божьим именем, заставляя платить в панскую контору деньги за выпас, за землю... Нет правды на земле, и бога нет на небе, я крест, висевший на моей груди с детства, бросил в навоз, пусть его топчут свиньи...

— Почему же ты не уйдешь от пана? — спросил Менделе.

— А куда я пойду?

— Как куда? Куда-нибудь в другой город.

Старик печально усмехнулся.

— А кому будет легче, если я уйду?.. Или пан перестанет брать деньги с крестьян и не будет больше любить молодых деревенских девушек?... Мне самому уже ничего не нужно, столько лет терпел, а теперь все равно скоро умирать... Э, да что там говорить!

Он безнадежно махнул рукой, горбясь, ступая неровно, как пьяный, пошел прочь, даже не простившись с Менделе. Скоро он исчез в темноте... Менделе вздохнул и зашагал через парк к своему флигелю.

Постепенно пленные освоились со всеми порядками Кшемене.

Жилось им здесь гораздо лучше, чем в лагере. Правда, работы было достаточно, а кормили на панской кухне скуповато. Но зато все чувствовали себя свободней, беспрепятственно встречались с крестья-

нами и батраками и с каждым днем находили себе среди них все новых и новых друзей.

Приближалась весна. Стояли теплые солнечные дни. Чтобы заготовить семена для посева, приступили к молотьбе яровой пшеницы.

Менделе, Габрелева, Митьку и еще одного пленного по фамилии Бесноватый послали на молотьбу. Кроме пленных на гумне собралось много крестьян, польстившихся на жалкую поденную плату или пришедших отрабатывать старый долг пану.

Работали все четверо до позднего вечера

— Ребята, идите скорей жалованье получать, — встретил их вечером Тихон Степаныч.

В комнате конвоиров горела лампа. Раймонд сидел у стола и по списку выдавал пленным деньги. На долю каждого пришлось по одной кроне — заработок за неделю.

Получив свои кроны, Менделе и Габрелев решили пойти в деревню купить сахару, кофе и табаку.

Деревня уже засыпала. Только в дальней части ее, которая была расположена по склону горы и потому называлась «горняцкой», светились тусклые огни. Там жили почти исключительно бедняки, батрачившие у пана — они, должно быть, только что вернулись с работы и принялись за свой скудный ужин.

В самом начале улицы друзья встретились с одним из таких бедняков, Мишелем.

— Где бы нам достать сахару? — поздоровавшись, спросил у него Менделе.

— А вон в той халупе, — показал Мишель. — В ней живет жид, пан Мордко, у него можно купить и цукру, и табаку, и всего, что пани москали пожелают.

Габрелев первым вошел в халупу. В большой, чисто выбеленной комнате за круглым столом сидел сам

Мордко. По щекам его тянулись черные и блестящие, как атлас, пейсы, сливавшиеся с короткой черной бородкой.

— Не продадите ли вы нам сахару? — спросил Габрелев.

— Сахар, собственно, отпускается по карточкам. Но из местных жителей его все равно никто не покупает, нет денег... Поэтому я могу вам отпустить, только немного.

Он прошел в лавку и стал отвешивать мелко наколотый рафинад.

— Когда, наконец, кончится эта война? — спросил он, вздыхая.

— Кончится, когда солдаты бросят оружие, — дерзко ответил Менделе.

Пан Мордко испуганно взглянул на него.

— Что вы, что вы!.. Разве можно говорить такие слова?

— Конечно нельзя, — усмехнулся Менделе. — Потому-то и война так долго тянется, что вы все даже говорить боитесь.

— Ну ладно, ладно, не нужно ссориться, — примирительно сказал Габрелев, видя, что лавочник со злой улыбкой теребит свою бородку. — Мой товарищ шутит.

Уплатив за сахар, друзья покинули лавку.

— Глупо быть таким неосторожным, — не мог удержаться от упрека Габрелев. — Ведь он может донести, и тебя арестуют, опять запрячут в лагерь или еще куда-нибудь подальше...

На следующий день группа пленных, в том числе и Менделе, снова попала на молотьбу — но на этот раз в соседнюю панскую экономию Нивистки.

До Нивисток пленных довезли на лошадях. У въезда в усадьбу их встретил местный корбовник.

— Дзень добри, москали.

— Что, пан корбовник, такой обтрепанный? — спросил Митька, разглядывая его короткие, сплошь покрытые заплатами брюки, из-под которых на добрую четверть виднелось белье.

— Бо ниц нема, — последовал печальный ответ.

Приехали москали слишком рано — из батраков еще никто не собрался. Менделе за себя и товарищей попросил разрешения пока что осмотреть фольварк.

Усадьба была большая, богатая. В конюшне, в теплых денниках лениво жевали клевер сытые лошади; большие каменные коровники были полны породистого скота. Высокие амбары для зерна, сенные сараи, флигеля и другие хозяйственные постройки содержались в полном порядке, стены их, под красными черепичными крышами, были чисто выбелены...

За усадьбой начинался парк и большой, по-весеннему полный пруд.

В стороне от пруда виднелся окруженный кустами сирени домик. Стеклянная галлерейка его сверкала под низкими лучами солнца. Над дверями небольшая вывеска: телеграф.

Пленные решили зайти.

Их встретила высокая темноволосая женщина. Впалые щеки и глубокие тени под глазами придавали ее бледному лицу выражение усталости, затаенного горя.

— Здравствуйте, солдаты, — приветствовала она русских. — Что, хотите отправить письма на родину?

— Нет, — ответил за всех Менделе... — Просто так зашли, посмотреть.

— Ну, что же, спасибо, я рада вас видеть.

Голос корбовника прервал начинающуюся беседу:

— Эй, москали!

Все бросились к двери. Женщина улыбнулась этой поспешности и вместо прощания крикнула:

— Заходите на досуге!

Корбовник повел пленных через усадьбу к длинному каменному строению, перед которым дымил своей высокой трубой локомобиль.

Внутри сарая возвышалась огромная, как дом, молотилка. На шкив ее натянули длинный ременный пасс, локомобиль пронзительно свистнул, завертелись колеса, и молотилка, сотрясаясь всем своим высоким корпусом, пришла в движение.

Людей распределили по местам. Кто подвозил снопы, вилами швыряя их наверх, кто подавал снопы в барабан, кто стоял у мешков, в которые обильной струей лилось чистое, провеянное зерно. В воздухе летала пыль и полова. Шуршащая, изломанная зубьями барабана солома валила из соломотряса, и ее едва успевали убирать в сторону.

Менделе и несколько батраков-русин ставили наполненные мешки на весы, а затем, когда корбовник отмечал вес, таскали их в соседний амбар. Работа была тяжелая, и к полудню Менделе чувствовал себя совсем разбитым. Он едва дождался свистка, возвестившего обеденный перерыв.

Батраки и батрачки развернули свои узелки. Москалям принесли в большом котле борщ. Все принялись за еду тут же, в сарае. Многие прилегли на солому отдохнуть.

Вокруг москалей собралось человек десять батраков.

— У вас в России тоже так, как у нас? — затеял разговор пожилой крестьянин в зеленой, насквозь пропотевшей шляпе.

— Везде один чорт, — ответил Митька, — и там

работали, добра не видели, и здесь... Видно, отдохнешь, когда издохнешь.

— А пан до самой твоей смерти будет на тебе денежки наживать, — прибавил Менделе.

— То фшистки правда! — вмешался в разговор хилый седоусый русин, по имени Сандар. — У пана всего много, а у нас последнее забирает.

— Вот у меня халупа и четверть морга земли, — перебил его другой русин, помоложе, но такой же хилый и худой. — Чи это мое? Все это пана...

— Правда, правда, — подтвердили остальные.

— А сколько вы получаете за молотьбу? — спросил Менделе.

— Ниц... Пан велел войту выгнать нас на работу.

— Разве у вас нет своего дела?

— Как нет!.. Да что поделаешь? Панская воля...

Как бы подтверждая эти слова, в сарай вошел жандарм. Надутый и важный в своем мундире с красными петлицами, он напоминал индюка. Батраки вскочили, снимая шляпы, отвешивали низкие поклоны. Сидеть остались одни русские.

Жандарм молча прошелся по сараю и так же молча удалился.

— Ну, и фигура! — сердито засмеялся Митька.

Батраки с ужасом смотрели на него и на остальных пленных, осмелившихся сидеть в присутствии жандарма.

Вскоре послышался свисток на работу. Опять загудела молотилка, полилось в мешки зерно, повалила густая удушливая пыль... Менделе удалось устроиться у локомобиля чем-то вроде кочегара. Он подкладывал в топку локомобиля солому и с удовольствием подставлял лицо теплым лучам весеннего солнца.

— Ну цо, были на почте? — спросил его сын корбовника Стасек, работавший в качестве механика.

— Был, да только недолго, на работу позвали.

— А вечером пойдете?

— Хочу пойти... Там женщина какая-то с нами говорила, приглашала заходить.

Стасек улыбнулся.

— Это Анна... Ее у нас здесь все знают, она даже в тюрьме сидела во Львове. А муж ее и до сих пор сидит. Теперь она почтмейстер... Я тоже был во Львове, — гордо прибавил он, — состою социал-демократом.

Локомобиль пыхтел, из сарая доносились гул молотилки и возгласы работающих. Менделе, исполняя свои несложные кочегарские обязанности, продолжал дружески разговаривать со Стасеком. Вдруг его окликнул Габрелев, подвозивший в большой бочке воду для паровика:

— Пан едет!

На двор фольварка быстро катил фаэтон, запряженный парой рослых гнедых коней. Зигмунд, наряженный в парадный кучерский армяк, лихо осадил лошадей перед сараем.

Тотчас же из ворот сарая выбежал корбовник. Он опустился на колени, поцеловал руку пана и, запинаясь, проговорил:

— Них бендье похвалени пан Иезус...

— Как москали? — спросил пан.

— Работают... Славни хлопи.

Пан зашел в сарай, но пробыл там недолго — отряхивая с себя пыль, вернулся к экипажу и, провожаемый низкими поклонами корбовника, покинул усадьбу.

Вечером, после ужина, Менделе долго мылся у колодца, стараясь избавиться от пыли, густо покрывавшей лицо и шею и даже забившейся под рубашку.

— Ты что это? В гости собираешься, что ли? — спросил его Габрелев.

— Вот именно, — смеясь, ответил Менделе. — Пойдем вместе...

Они прошли через парк и, обогнув пруд, выбрались к почте.

В маленькой, бедно обставленной комнатке полулежала на диване Анна, читала какую-то немецкую книгу. Она ласково встретила гостей, усадила их к столу и принялась угощать горячим кофе.

— Ну как работается у пана? — спрашивала она.— Как чувствуете себя в плену?

— Работа ничего, — ответил Габрелев. — Вообще здесь, в деревне, гораздо лучше, чем в лагере. И свободы больше, можно с людьми встречаться, разговаривать.

— Нам даже совестно, — прибавил Менделе, — ведь мы, пленные, живем лучше здешних крестьян!

— Это верно, — задумчиво проговорила Анна. — Вообще здесь, в Галиции, паны полные хозяева. Им принадлежит все... Крестьян здесь почти нет, одни бедняки, батраки. Они живут на панской земле, платят за это и трудом и деньгами... У вас в России тоже плохо, но у нас настоящее крепостное право! Сердце разрывается на части, когда смотришь на всю эту нищету и бесправие.

— Чем же объяснить такую покорность? — спросил Габрелев.

— Как вам сказать... Причин много. И вековая забитость, и полная зависимость от пана, и жандармы... Трудно еще и потому, что очень уж крепка

здесь религия. Ксендзы пользуются огромным влиянием.

— Так надо бороться с этим! — воскликнул Менделе.

Анна вздохнула.

— Боремся насколько можно. Многого все равно не сделаешь. За три года, что я работаю здесь в почтовом отделении, меня арестовывали три раза, муж мой и сейчас в тюрьме... Раньше у меня хоть кое-какая литература была, а теперь я на подозрении, и даже это невозможно.

Вскоре разговор перешел к войне и плену. Менделе долго рассказывал о Зимне, о лагерях в Вадовице... Когда пришел Стасек и объявил, что для пленных готова подвода, Габрелев и Менделе в один голос ответили:

— Ничего, мы дойдем пешком.

Все же, в конце концов, нужно было итти.

Друзья распрощались с Анной, которая проводила их до пруда, и молча зашагали по дороге к Кшемене.

Подходя к деревне, они заметили, что навстречу им движется какая-то темная фигура, и остановились. Встречный шарахнулся в сторону, но, должно быть, узнал москалей.

— Добри вечор, панови! — поздоровался он.

Это был Яшек, один из батраков Кшемене. Пленные встречались с ним на работе. На плече он нес лопату, в руке — корзину.

— Куда так поздно, пан Яшек? — спросил Габрелев.

— Немножко картофеля из панской капицы...

— Что же, дело хорошее, — рассмеялся Менделе, — у пана картофелю много.

— Плохо жить! — жаловался Яшек. — Ничего нет. Тайком приходится воровать у пана, то картофель,

то сено с луга, или дрова из лесу... Может панови думают, это я вор, один так делаю? О, нет! Вся деревня так.

Пожелав своему собеседнику удачи, друзья отправились дальше.

В комнате, где жили пленные, еще горел свет. На нарах сидел Рудольф, рассказывая что-то на странном языке, в котором смешивались немецкие, польские и русские слова.

Менделе и Габрелев узнали от него, что днем была получена телеграмма от коменданта лагеря, предлагающая отправить одного из конвойных обратно в Вадовицу. Пан решил оставить в Кшемене Раймонда.

— И вот, завтра я еду, — закончил Рудольф.

Он был искренне опечален. В деревне ему жилось неплохо, он подружился с пленными, и те, в свою очередь, полюбили его за постоянную приветливость и снисходительность, с которой Рудольф смотрел на их отлучки в деревню.

Вся ночь прошла в разговорах.

Рудольф в последний раз позавтракал вместе с пленными и стал прощаться, целуясь с каждым... К полудню, когда пленные собрались на обед, его уже не было. Остался один Раймонд, очень довольный тем, что избавился от своего соперника.

Весна установилась прочно, и дня через три после отъезда Рудольфа Менделе послали в поле пахать.

Вместе с одним из нивистских батраков, морщинистым седоусым стариком Сандором, он запряг лошадей в трехлемешный плуг и выехал на Блонь — широкую равнину, тянувшуюся от Кшемене до реки Сан.

Плуг глубоко врезывался во влажную землю. Сандор, по-стариковски горбясь, шел сзади, управляя им.

а Менделе ковылял на своих деревяшках сбоку, погоняя лошадей.

После пятой борозды сели покурить. Сандор молчал, мрачно затягиваясь дымом своей трубки и сплевывая.

— О чем вы задумались, пан Сандор? — спросил Менделе.

Старик сердито посмотрел на него из-под седых насупленных бровей и пробормотал:

— Будешь думать, когда пан деньги требует, два рейнских... А откуда я возьму?

— За что ж он хочет получить деньги?

— За дерево... Мне дерево нужно, халупа у меня совсем развалилась. Я к нему пришел, а он два рейнских требует, два рубля!

Менделе весело захохотал.

— Это и вся твоя беда?

— Чего же пан смеется?.. — сердился старик. — Тут смеяться нечего.

— Так тебе, Сандор, дерево нужно? — продолжал хохотать Менделе. — Ну, ладно, так и быть, дам тебе дерево.

Старик недоверчиво и сердито спросил:

— Откуда пан москаль возьмет дерево?

— А уж это мое дело. Ждите меня вечером, приготовьте топор, пилу и цепи.

За ужином Менделе рассказал о своих планах Габрелеву и позвал его с собой. Габрелев, не раздумывая, согласился. Приятели, под видом прогулки, вышли за ворота усадьбы и направились в Нивистки.

В халупе Сандора было темно — на керосин, очевидно, не хватало денег. Менделе постучал в окошко. Старик-хозяин вынес инструмент, взвалил на плечо тяжелые цепи, и все трое задворками вышли к лесу.

Шагали гуськом по узкой тропинке, вившейся ме-

жду голыми деревьями. В лесу было сыро и тихо, месяц тускло проглядывал сквозь облака.

— Пан буг нас покарает, — мрачно произнес все время молчавший Сандор. — Нельзя брать дерево самовольно.

— А почему пан может у тебя брать деньги за дерево? — возразил Менделе. — Значит, пан у тебя может брать, а ты у него нет?

— Пан берет деньги потому, что его лес.

— А откуда он взял этот лес? Кто ему дал? Пан буг?.. Так почему он пану дал, а тебе не дал?

Сандор не нашелся, что ответить, и смущенно пробормотал:

— Вы добрые люди, москали, помогаете бедным...

Тропинка затерялась в чаще. Выбравшись на более чистое место, Менделе остановился перед высоким кедром.

— Годится?

Сандор сдвинул шапку на затылок, закинул голову и, потирая рукой щетинистый подбородок, осмотрел дерево.

— Добже, бардзо добже, панови.

Москали без помощи «пана буга» начали пилить толстый ствол. Дерево покачнулось и рухнуло — с таким грохотом, что перепуганный Сандор обеими руками ухватился за Менделе. Несколько секунд прошло в напряженном молчании; все трое прислушивались к ночной тишине, точно желая узнать, не слышал ли грохот падения вельможный пан и его лесник хромой Джуля.

Но все вокруг было спокойно. Друзья снова принялись за работу, и часа через два распиленный на части кедр был благополучно доставлен в Нивистки, в сарай Сандора.

На подготовке к севу была занята только часть пленных. Остальных перевели на другую работу — укреплять размытый весенним паводком берег реки Сан.

Здесь Менделе познакомился с руководившим работой паном Юзефом, о котором он давно слышал, как о человеке не менее, чем Анна, популярном среди местного населения: каждый обиженный обращался к нему за помощью и неизменно встречал участие, добрый совет или заступничество.

Пан Юзеф встретил москалей на берегу реки. Он сидел на груде фашин и курил толстую сигару.

— Добро ютро, панови. Садитесь, покурите, пока придут люди.

Он угостил москалей табаком и начал расспрашивать, как им живется в Кшемене. Тем временем стали собираться крестьяне из ближайших деревень Яблонницы и Улютч. Они на пароме переправлялись через реку и еще издали кланялись пану Юзефу.

Весь день москали работали без отдыха вместе с батраками — прокладывали фашины, подсыпали, где нужно, земли, подвозя ее вручную на тачках. Солнце уже приближалось к закату, когда стали расходиться по домам.

Пан Юзеф позвал Менделе, Габрелева и Митьку к себе.

Едва успели гости расположиться на тахте, как в комнату с плачем ворвалась вдова — батрачка Франка. Она рассказала, что хромой Джуля загнал в панский загон ее корову, выпущенную из хлева и зашедшую в лес, и теперь пан требует штраф в пятьдесят рейнских.

— Что ж, друзья, надо итти, — сказал пан Юзеф.

Он оделся и в сопровождении москалей и Франки отправился в усадьбу.

Пан стоял подле скотного двора, наблюдая за вечерней дойкой.

— Цо то за делегация? — недовольно спросил он, увидев подходившую к нему группу.

Юзеф в нескольких словах рассказал, зачем они пришли.

— Откуда ей взять пятьдесят рейнских? — говорил он. — Ведь самая корова не стоит этих денег.

— У нас в России вельможный пан сам дороже заплатил бы за такой штраф, — добавил Митька, делая вид, что обращается к Менделе, — спалили бы у него сарай с сеном или скирду хлеба...

— Ну-ну, ты! — грозно прикрикнул пан.

Однако, после долгих переговоров, он все же приказал освободить корову, с условием, что Франка неделю будет отрабатывать штраф.

Вдова со слезами припала к его руке:

— Дзенкую ясному пану...

— Ребята! Давайте поедем в воскресенье в Санок? — предложил Митька.

Его предложение пришлось по душе всем, и Тихона Степановича, как самого бородатого и солидного с виду, тут же послали к пану, просить разрешения на поездку.

Пан, довольный теплой погодой, обещавшей хороший сев, милостиво согласился.

До воскресенья оставалось два дня, но пленные начали собираться загодя, запасая хлеб и другие продукты, чтобы выменять на них в городе необходимые вещи.

В город приехали утром — завернули в «гастхауз», выпрягли лошадей и всей гурьбой отправились в ближайшую кофейню завтракать.

В кофейне было пусто, только в углу за круглым

столиком сидело несколько австрийских солдат. Они с жадностью наблюдали за тем, как пленные достают из своих сумок хлеб и, в ожидании кофе, режут его на ломти.

Наконец один из солдат не вытерпел, подошел и, запинаясь, попросил:

— Москали, дайте кусочек...

Ему дружно ответили:

— Садись с нами, ешь сколько хочешь.

Австриец не заставил себя просить — накинулся на хлеб, точно не ел целую неделю.

— Ребята, у нас три хлеба, да на подводе лежат еще четыре, — смущенно заговорил Тихон Степанович. — Чего уж там беречь... Давайте угостим и тех.— Он кивнул в сторону остальных солдат, куривших у себя в углу и часто поглядывавших на своего счастливого товарища. — У них, небось, слюнки текут, глядеть-то...

Австрийцев, несмотря на неодобрительное фырканье Раймонда, пригласили пересесть, и они, благодарно улыбаясь, придвинули свой столик к столу русских. Бесноватый тем временем отправился в гастхауз, где осталась часть привезенных из Кшемене продуктов.

— Захвати масла! — вдогонку ему крикнул Габрелев.

Девушка, прислуживавшая гостям, подала в больших кружках дымящийся кофе. Все принялись за еду.

Один из солдат в синей австрийской «мице» и черной потертой шинели, которая еще сильней оттеняла болезненную бледность его изможденного лица, говорил с туго набитым ртом:

— Я чех, из города Прага... До войны работал на автомобильном заводе, а сейчас служу здесь в Ландвер-регимент.

— Что это вы голодные какие? — с удивлением спросил их Митька.

Чех конфузливо пожал плечами. Вместо него ответил Менделе.

— А ты чего спрашиваешь? Разве не видишь — это русины, чехи... А я, брат, видал, как немцы с ними обращаются! Русины или чехи в австрийской армии в том же положении, что евреи — в русской...

— То есть правда, — кивнул головой сидевший напротив Менделе солдат, давно не бритый и весь заросший черной щетиной.

И он, и другие говорили по-украински, только иногда вставляя в фразу чешское или польское слово. Пленные давно научились понимать этот язык, и беседа текла свободно, непринужденно — ее прерывали только взрывы смеха, после чьей-нибудь удачной шутки.

Вскоре вернулся Бесноватый — принес еще буханку хлеба и кусок масла... Пир удался на славу, и москали расстались с австрийскими солдатами совсем друзьями.

ВЫБОРЫ КСЕНДЗА

Как-то вечером, вскоре после этой поездки, вернувшийся с работы Габрелев рассказал Менделе, что в ближайшие дни назначены выборы ксендза в дидненский костел. Имеются две кандидатуры — прежнего ксендза, которого поддерживает пан, и другого, выдвинутого крестьянами.

— Ну и что же? — спросил Менделе; он уже слышал о предстоящих выборах, об этом говорили и батраки, и панская дворня. — Не все ли равно, какого ксендза выберут? Все попы одинаковы.

— Это уже другой вопрос, — ответил Габрелев. —

Во всяком случае нужно поговорить с Юзефом. У него сегодня вечером будет Анна. Пойдем?

— Что ж, пойдем.

Вечером собрались у Юзефа: Анна, Габрелев, Менделе и Митька Тарасов.

— Крестьянского ксендза выставляет деревня Улютч, — начала Анна. — К ней присоединилось еще несколько деревень. Борьба, очевидно, будет большая.

— Один чорт, — проворчал Менделе, — что крестьянский поп, что панский.

— Это правильно, — согласилась Анна, — но все дело в том, что местное население страшно религиозно и за ксендза будет бороться даже с паном... Понимаете? На другую борьбу крестьяне пока что не способны. Выступив же против пана сейчас, они, быть может, наберутся смелости выступить и в другой раз, уже в борьбе за свои интересы...

— Неверно, неверно! — перебил ее Менделе, — кончится тем, что пан все равно настоит на своем...

— Я тоже думаю, что паны окажутся победителями, — сказал пан Юзеф. — Нужно быть в этом деле очень осторожным... Ко мне уже многие приходили за советом, но я решил не вмешиваться.

Анна вскочила с тахты, на которой она сидела рядом с Габрелевым, и взволнованно прошлась из угла в угол по комнате.

— Ах, друзья! — воскликнула она. — Ну подумайте сами, что вы говорите? «Решил не вмешиваться», — передразнила она Юзефа. — Как же так? Значит батракам совсем не нужно бороться? Ведь на первых порах, за что бы они ни боролись, их ждет всегда неудача, потому что сила на стороне панов...

— Да никто не говорит, что бороться не нужно! — перебивая Анну, почти кричал Менделе. — Но за что бороться? Неужели за церковь? Да пропади она про-

падом, я пальцем за нее не шевельну!.. Нужно вести пропаганду против религии, против всяких ксендзов и вельмож.

Пан Юзеф, улыбаясь, похлопал Менделе по плечу.

— Браво, браво... Не нужно только кричать так громко, а то вся деревня сбежится, а кстати и жандарм заглянет.

Менделе смущенно умолк. Анна села рядом с ним и уже спокойно проговорила:

— Мы напрасно спорим. Нужно стараться вооружить крестьян против религии, это верно, я с этим согласна. Но это долгая и трудная работа. А борьба из-за ксендза начнется завтра или, вернее, уже началась... Неужели же мы пойдем уговаривать крестьян, чтобы они отказались от попытки настоять на своем?

— Я этого не говорю, — сказал Менделе.

— Ну вот, тем лучше... И я предлагаю во всяком случае не мешать крестьянам. Важно, что они решились итти против панской воли... Посмотрим, может быть, дело не ограничится одним ксендзом.

На этом и порешили.

Во всех окрестных деревнях шло глухое брожение. Кто-то пустил слух, что пан вызвал солдат для усмирения непокорных, но, несмотря на это, крестьяне не унимались.

Наконец, наступил день выборов.

С самого раннего утра потянулись по направлению к Дидники вереницы крестьян и батраков. Вся площадь перед костелом была запружена народом. Оживленный говор не умолкал над толпой.

К обеду послышался топот коней. Все застыло. По улице быстро катились экипажи, в которых сидели пан дидненский, пан кшеменский и ксендз.

Дидненский пан потребовал, чтобы ксендза пропу-

стили в костел, но свист и крики заставили его замолчать.

Панские экипажи повернули обратно. Их провожали насмешливые возгласы и угрозы.

Прошел день, и на смену ему на землю опустилась теплая весенняя ночь. Крестьяне дикой взъерошенной толпой продолжали охранять двери «святилища». На площади загорелись костры. Огненное зарево поднялось к небу. Люди сидели вокруг костров, разговаривали, пели песни и терпеливо ждали утра, чтобы открыть двери костела для своего избранника.

Но это им не удалось. К утру в деревню снова прибыли паны — на этот раз в сопровождении вооруженных жандармов. Усатый и бравый, точно сошедший с лубочной картинки, вахмистр коротко объявил — если ксендза немедленно не пропустят в костел, будет применено оружие.

Крестьяне молчали. Никто не двинулся с места.

Тогда жандармы, с ружьями наперевес, врезались в толпу, расталкивая сгрудившихся людей налево и направо и арестовывая тех, кто пытался сопротивляться. В толпе образовался неширокий проход. Ксендз прошел по нему, как по длинному пустому коридору, поднялся по ступенькам, перекрестился и вошел в костел.

Толпа схлынула.

Арестованных, которых набралось человек пятнадцать, повели к дидненскому жандармскому отделению.

Вместе с крестьянами были задержаны Менделе, Габрелев и Митька. Они пришли незадолго до приезда жандармов и скромно стояли в стороне, не принимая участия в столкновении. Но одного присутствия пленных было достаточно, чтобы вахмистр арестовал их.

Почти полдня просидели москали в тесной кле-

тушке, под замком. Только к полудню, когда перед жандармским отделением снова стали собираться крестьяне, вахмистр велел освободить их.

Вернувшись в Кшемене, русские застали в своем помещении нескольких жандармов. Они тщательно обыскивали сундучки и сумки пленных, перерывали солому, служившую постелью, забирались под нары...

Раймонд, стоявший на пороге, злорадно улыбался. Но обыск кончился ничем. Ничего предосудительного найдено не было, и жандармы вынуждены были уйти.

Едва успели пленные привести свои вещи в порядок, как в комнату вбежал потный, запыхавшийся Стефан, десятилетний сын Франки. Он сообщил, что на почте в Нивистках тоже идет обыск, а Анну хотят арестовать.

Менделе и Митька, пользуясь отсутствием Раймонда, который ушел вместе с жандармами, немедленно отправились в Нивистки. По дороге к ним присоединился маленький, черный, курчавый Бесноватый.

Чтобы сократить дорогу, шли напрямик, лесом, и через полчаса были уже на месте.

Перед почтой стояла подвода, собралась небольшая толпа, главным образом женщин.

Менделе поднялся на крыльцо и попытался войти в дом. Его не пустили, но все же он успел разглядеть двух жандармов, перебиравших в шкафу книги, и Анну — она сидела у стола, одетая в пальто, и прижимала к себе перепуганного ребенка; рядом с ней на полу белел узелок.

— Ну, как, что? — набросились на Менделе с вопросами.

Он безнадежно махнул рукой.

Вскоре в дверях показались жандармы. Они повели Анну к телеге. Ребенок плакал на руках у старухи-

соседки. Какая-то женщина в толпе громко заголосила, послышались всхлипывания, крики.

— Прощайте, Анна! — в один голос кричали русские.

Анна ответила им грустной улыбкой...

Лошади тронулись, и вскоре подвода скрылась за деревьями.

На обратном пути пленные встретили Юзефа. Он уже знал о случившемся и решил сегодня же ехать во Львов, хлопотать об освобождении Анны.

Юзеф проводил москалей до самого фольварка.

— Счастливого пути! — сказал Менделе, крепко пожимая ему руку. — Если удастся увидеть Анну, передайте ей привет от всех нас.

Смеркалось. На дворе усадьбы было пусто.

Пленные подошли к своему флигельку и в удивлении остановились: перед дверями, с винтовкой за плечами, стоял Раймонд.

— В чем дело? — спросил Митька.

Раймонд злобно ответил:

— Бефель!

— Чей же это приказ?

— Пан приказал... Чтобы цивильные к вам не ходили.

Так кончилась история с выборами холопского ксендза.

ЗАБАСТОВКА

Весна установилась прочно — светлой зеленью одевался лес, на лугу желтели первые цветы, белогрудые ласточки с веселым свистом носились над землей. Только на вершинах далеких гор еще белел поздний, напоминающий о зиме снег.

Панский фольварк ожил после зимней лени. Весна

чувствовалась во всем — в соломенной шляпе корбовника, в щелканье пастушеского кнута по утрам, когда выгоняли из стойл застоявшуюся скотину, в облепленных землею плугах и сеялках, с которыми выезжали в поле батраки и пленные.

Работы было много. Менделе трясся по вспаханной залежи на тяжелой дисковой бороне, подвозил семена для посева, наваривал в кузнице лемеха для плугов, а однажды весь день, по указанию ветеринара, клеймил горячей смолой коров.

После того, как батраки, при выборах ксендза, не подчинились воле пана, к москалям стали относиться строже — их заставляли работать до самой темноты. Раймонд грубо придирался к каждой мелочи, и все трудней было уходить из-под его надзора в деревню, к знакомым крестьянам и батракам.

Пленным это совсем не нравилось. Проняло даже тихого, религиозного Тихона Степаныча.

— Что ж это такое, — ворчал он, — и денег за работу не платят, и пойти никуда нельзя... Арестанты мы какие, что ли?

Менделе и Габрелев не раз предлагали товарищам требовать от пана лучших условий, но те долго не соглашались — боялись, что пан отправит их обратно в Вадовицы, а как ни прижимали их за последнее время, в Кшемене все же жилось гораздо легче, чем в лагере.

Время шло. Работа не убавлялась, кормили все хуже и хуже, а Раймонд с каждым днем становился все нахальней и, чувствуя свою власть, всячески издевался над москалями, отравляя каждых их шаг... И, наконец, пленные решились. Целый вечер прошел в ожесточенных спорах — каждый предлагал свое, но постепенно все согласились на том, чтобы требовать улучшения пищи, выдачи табаку и повышения зара-

ботка до одного рейнского в неделю. Кроме того, пленным должны были предоставить право в свободное время беспрепятственно выходить за пределы фольварка.

До удовлетворения этих требований на работу было решено не выходить, и когда, на следующее утро, в помещение пленных вошел корбовник со своим обычным: «Ауф, хлопе!» — никто даже не пошевелился. Кофе нетронутым остывал на столе.

Перепуганный корбовник побежал за управляющим Женцем.

Тот не замедлил явиться.

— Хлопе, хлопе! — грозно заговорил он, поправляя пенснэ на своем длинном тонком носу. — Уже поздно, работать пора.

Москали молчали, демонстративно повернувшись задом к управляющему.

— Давай сюда пана! — крикнул, наконец, Митька.

Управляющий пожал плечами и, от удивления чуть не уронив пенснэ, повернулся к двери.

— Держись, ребята, — вполголоса сказал товарищам Менделе. — Сегодня должны сеять ячмень, без нас им все равно не обойтись...

— Да ладно уж, не сдадим! — ответил Митька.

Вскоре послышались шаги, и, в сопровождении управляющего, в комнату вошел сам вельможный пан.

— Алло, москали! — крикнул он.

Никто не ответил ему. Он в гневе ударил по столу хлыстом.

— Чего же вы хотите?

Менделе повернулся лицом к пану и, не вставая, изложил требования пленных.

— О, чего захотели! — засмеялся пан. — Жирно будет.

Менделе молча повернулся к нему спиной.

— Так вы на работу не пойдете? — спросил пан.

— Нам и здесь хорошо! — откликнулся из своего угла Митька.

Раймонд, молча стоявший на пороге своей комнаты, злобно пробурчал:

— Швейнерай... Дизе руссен зинд иммер фрех.

Но пан, не слушая его, крупными шагами вышел из халупы, перед которою собрались батраки, напуганные и удивленные упрямством москалей и тем, что они не боятся даже самого пана.

Через час пан вернулся с двумя жандармами и тем самым лубочным вахмистром, который усмирял крестьян на площади перед костелом.

Пленные вышли на двор одетые, с сумками за плечами.

— Что случилось? Почему не хотите работать? — спросил вахмистр.

— А разве вам пан не рассказал? — насмешливо ответил Менделе.

— Ну, ну, без разговоров! Годные — на работу.

Все заговорили разом, перебивая друг друга:

— Не пойдем!

— Довольно, походили!

— Мы не панские холопы, чтобы работать даром.

Вахмистр ощерился, усы его стали дыбом, он заорал, наливаясь кровью:

— Молча-ать!

— Ладно, будем молчать, говорите вы, — вызывающе рассмеялся Габрелев.

Вышедший из себя вахмистр приказал жандармам арестовать его, Менделе, Митьку и Бесноватого.

Арестованных повели в дидненское жандармское отделение.

Отдельные пленные двинулись следом.

Однако москалям не пришлось даже дойти до де-

ревни — пан велел освободить их и согласился удовлетворить их требования. Только вместо одного рейнского в неделю он назначил семьдесят пять центов.

Довольные даже этой неполной победой, пленные с песнями вернулись в фольварк и тут же принялись запрягать лошадей в сеялки, чтобы выезжать на работу.

Через несколько дней после этой забастовки, увлеченные примером москалей, кшеменские батраки тоже забастовали. Они требовали увеличения поденной платы с двадцати пяти центов до одной кроны, при готовых харчах.

Эти требования привели пана в ярость. Он наотрез отказался даже говорить с батраками, но те, под влиянием пленных, главным образом Менделе и Габрелева, крепко стояли на своем, и пану, чтобы не терять попусту драгоценных весенних дней, в конце концов волей-неволей пришлось итти на уступки.

Москалям это не прошло даром.

Пан решил избавиться от наиболее беспокойных из них. От старого камердинера Антония Менделе узнал, что в лагерь Вадовицы послана телеграмма об аресте его и Габрелева.

— Значит, нам нужно сегодня же ночью бежать, — решил Менделе.

— Пожалуй, верно, завтра могут явиться за нами, — согласился Габрелев, — но куда мы пойдем?..

На общем совете было решено, что Габрелев на время спрячется в Кшемене у Мишеля, а Менделе в Нивистках у Станислава, сына тамошнего корбовника.

— Может, тебе лучше пойти к Сандору? Ведь Сандор лучше знает нас, чем Станислав. Вдруг Станислав тебя не пустит? — опасливо говорил Габрелев.

— Ну, что ты... Он должен помочь. Ведь он сам говорил мне, что был социал-демократом.

Митька Гончаров, опечаленный предстоящей разлукой со своими друзьями, заявил, что хочет присоединиться к ним, но Менделе уговорил его не делать этого.

— Лучше, чем здесь, все равно нигде не будет, — говорил Менделе.

На заре беглецы распрощались с товарищами и осторожно, чтобы не услышал Раймонд, выбрались во двор.

Станислав уже не спал — возился с телегой, подмазывал колеса. Он был очень удивлен, увидев Менделе в такой ранний час. Узнав в чем дело, он сказал:

— Я еду сегодня во Львов... Но это все равно, Мария спрячет тебя так, что ни один жандарм не разыщет.

Он разбудил жену. Та накормила Менделе и уложила его в чулане, заваленном всякой домашней рухлядью. Не спавший всю ночь Менделе сразу заснул. Но долго спать ему не пришлось — его разбудил тревожный толчок.

— Вставай, — говорила склонившаяся над ним Мария. — Смотри сюда.

Менделе взглянул в маленькое окошечко, прорезанное в стене чулана, и увидел, что по направлению к дому идет Габрелев в сопровождении жандарма.

Прятаться больше не имело смысла. Менделе закинул за спину сумку и вышел на крыльцо.

— Пойдем, — сказал ему Габрелев, — бежать некуда.

Неохотно, вяло Менделе стал собираться в путь. Мария дала ему масла, хлеба и немного денег.

На панском дворе в Кшемене арестованных ждала запряженная телега. Пан стоял у конюшни и насмеш-

ливо следил за тем, как Менделе и Габрелева усаживают на подводу.

— Что, уезжать не хочется? — спросил он.

Арестованные не удостоили его ответом.

В последний раз взглянули они на строения фольварка, на деревья, зеленеющие вокруг высокого панского дома... Телега покатилась со двора. На улице Кшемене встречались знакомые батраки и крестьяне, они махали своими соломенными шляпами вслед уезжающим. Москали кричали им в ответ:

— Прощайте, друзья!

Проехав Кшемене, свернули на дорогу во Львов.

Яркое солнце высоко стояло в безоблачном небе, над нежно зеленеющими яровыми всходами заливались жаворонки, свежий пахучий ветерок дул навстречу... Но Менделе ничего не замечал — он погрузился в мрачные думы. Привольная жизнь в Кшемене окончилась... Снова начинались пересыльные мытарства, конвой, лагерные бараки — печальная участь пленника Австрийской империи.

— Ах, Менделе, если бы ты знал, как я жалею, что сорвал тебя с места, — виновато заговорил Габрелев. — Ведь ты еще несколько дней мог прожить спокойно.

От его слов к Менделе вернулась обычная бодрость.

— Ладно! — воскликнул он почти весело. — Об этом поздно говорить... Не пропадем.

К вечеру прибыли в какую-то маленькую деревушку. Жандармы повели своих пленников в первую попавшуюся халупу, скудно освещенную огарком свечи.

Хозяин, босой, одетый в лохмотья старик, смиренным поклоном приветствовал нежданных гостей. Жандармы объявили ему, что останутся ночевать.

— Москали с вами будут ложиться? — спросил хозяин.

Жандарм постарше грубо расхохотался:

— Еще что! Запрем их в скотню, пусть ночуют с коровой.

Менделе не возражал. Ему было безразлично, где спать.

В небольшом тесном хлеву пахло навозом. Худая корова с обломанным рогом лежала подле ясель, к ней жался длинноногий пестрый теленок, напуганный неожиданным вторжением людей. Хозяин бросил в угол скотни охапку соломы, и, зарывшись в нее, уставшие после дороги москали мигом заснули.

Чуть свет их разбудило мычанье коровы. Вскоре ворота открылись, и хозяин выпустил скотину, а кстати и обоих пленных.

Поехали дальше. Солнце безжалостно палило путников. Лошади обливались потом, но кучер, торопившийся обратно в Кшемене, все время настегивал их, и телега с грохотом двигалась по шоссе в облаках пыли... Впереди показались кресты костелов и фабричные трубы.

— Львов! — крикнул Менделе, подталкивая локтем Габрелева.

Потянулись пригороды, кирпичные заводы, свалки, бедные окраинные домишки... Наконец, подвода остановилась перед большим каменным домом с знакомой Менделе вывеской: «Абтейлунг дес фельд жандармерен».

Вновь прибывших записали в книгу и впустили в общую камеру, где уже сидело человек семьдесят народу. Со всех сторон посыпались обычные вопросы — откуда, кто такие, какой губернии и т. д. На верхних нарах кто-то выводил на гармошке: «Из-за острова на стрежень», внизу с прибаутками и спорами

играли в козла... Это была привычная, хорошо знакомая каждому пленному картина.

— Ну, вот мы и приехали! — сказал Менделе Габрелеву. — Все начинается сначала.

НОВЫЕ МЫТАРСТВА

На следующий день, на рассвете пленных вывели из камеры, выстроили, пересчитали и под конвоем погнали через город, по пустынным, еще не проснувшимся как следует улицам.

Сначала шагали бодро, перебрасывались шутками. Впереди без перерыва заливалась гармошка, и звуки ее помогали итти, точно это был целый оркестр.

Шли весь день, изредка делая привалы, присаживаясь отдыхать тут же, на обочине дороги. Постепенно умолкали шутки. Все устали, брели неохотно, едва волоча ноги — давно утихла гармошка, конвойные злобно покрикивали на отстающих.

Медленно сгущались сумерки, запахло вечерней сыростью.

— Растянись, ребята! — раздался чей-то голос в задних рядах.

Передние ускорили шаг, задние, наоборот, пошли медленней. Конвой, почувствовавший неладное, засуетился, но крики и ругательства не помогли — ряды все больше и больше растягивались по дороге.

Часа через два партия вошла в город. Пленных погнали к большому зданию, окруженному каменной стеной и похожему на тюрьму.

Здесь при проверке обнаружилось, что в партии нехватает трех человек.

— Хулера, пся крев! — ругался фельдфебель, еще и еще раз пересчитывая пленных.

Обозленный бегством русских, он грубо обыскивал

остальных, отнимая ножи, бритвы и даже спички. После обыска партию повели длинным тюремным коридором и загнали в большую, ничем не освещенную камеру.

Все кое-как устраивались в темноте.

— У кого спички остались, отзовись, — орал кто-то.

Рядом с Менделе и Габрелевым расположился огромного роста детина. Он, не торопясь, достал кисет, свернул папиросу и басом спросил:

— Кому там огня нужно?

Он чиркнул спичкой. Немощный огонек осветил его грязное лицо, спутанную бороду, свернутую из газетной бумаги папиросину, величиной с добрую немецкую сигару. Он закурил — и запахло скорее не табаком, а паленными перьями.

Со всех сторон навалились курильщики, прикуривали у него и друг у друга. Красные угольки рассыпались по камере.

Кто-то восхищенно спросил:

— Как же это ты, братец, спички-то спас?

— Умеючи, все можно.

Габрелев и Менделе улеглись рядом, подложив под головы свои сумки.

Их сосед, почесываясь, продолжал затягиваться вонючим дымом.

— Какой ты губернии, земляк? — спросил Габрелев.

— Саратовской, — ответил сосед. — Из Венгрии бегу, сам не помню, который раз, — продолжал он, помолчав. — Мадьяры замучили, сукины дети. В лесах жил, свиней крал... Все это чепуха, надоело... Хочу, однако, на родину добраться.

Восемь суток просидели пленные, не выходя из камеры, изнывая от скуки и безделья. Не терял бод-

рости только саратовский. Он оказался веселым и добродушным малым. Худой, сутулый, в лаптях и в каком-то кургузом пиджачке, он разгуливал по камере, быстро подружился со всеми, целыми днями рассказывал о своих побегах и приключениях.

На девятые сутки пленных вывели на двор.

День был пасмурный, унылые серые тучи заволокли небо, моросил мелкий холодный дождик. Офицер-австриец брезгливо оглядел выстроенных в одну шеренгу пленных, ежившихся от сырости и холода, отдал какое-то распоряжение капралу, и тот разделил всю партию на группы по десять — пятнадцать человек.

Менделе, Габрелев и саратовский оказались в одной группе. Вскоре, в сопровождении нескольких конвойных, они уже шагали по мокрой мостовой. Прохожие попадались редко, и никто не обращал на русских внимания.

— Бежать надо, ребята, — шепнул саратовский, — чего зря время терять...

— Не плохо бы! — улыбнулся в ответ Габрелев.

Шли недолго — короткая улица упиралась в вокзал. Пленных провели на платформу, где в ожидании поезда уже собрались пассажиры.

Когда послышался свисток и показался паровоз, тащивший за собою длинный хвост вагонов, из вокзала хлынула целая толпа. Поднялась суматоха, и, пользуясь ею, Менделе и Габрелев ускользнули от конвойных. Они пробрались внутрь вокзала и спрятались в станционной уборной.

Не прошло и минуты, как раздался выстрел из винтовки: очевидно, австрийцы обнаружили, что двух человек нехватает.

С бьющимся сердцем прислушивались беглецы к шуму и топоту. Они понимали, что никуда скрыться

нельзя, и продолжали молча сидеть в своем ненадежном убежище.

Дверь рванулась. Конвоир, с искаженным от ярости лицом, погнал русских на платформу, пиная то одного, то другого прикладом в спину. Подбежали и остальные конвоиры. Пассажиры, стоявшие на перроне и глядевшие из окон вагонов, оставались молчаливыми свидетелями диких побоев и ругани.

Избитых и окровавленных беглецов потащили в теплушку.

Началась проверка — и тут же обнаружилось, что вместо пятнадцати человек осталось всего тринадцать. Во время переполоха, вызванного бегством Менделе и Габрелева, исчез саратовский и еще один пленный. Разъяренные конвоиры метались по вагонам, обыскивали все закоулки вокзала, заглядывали под колеса, но их поиски ни к чему не привели.

Наконец поезд тронулся... В вагоне было сумрачно, холодно, сыро. Однако пленные, давно привыкшие ко всяким лишениям, не унывали. Впереди их ждала неизвестность — и все же это было лучше, чем сидеть взаперти в душной тюремной камере.

Маленький рыжеватый, в соломенной шляпе с изломанными полями, еврей, по фамилии Перельмутер, достал из футляра скрипку и заиграл какую-то бойкую песенку. Остальные принялись негромко подпевать.

На следующий день, чуть свет, конвоиры разбудили пленных и велели им выходить из вагона.

Утро было серое, ветренное. Рваные тучи быстро неслись над землею.

Одетые в лохмотья пленные зябко ежились спросонья. Их повели через вокзал, под самой крышей которого виднелась вывеска «Русская Рова», и, не

задерживаясь, погнали по разбитому, исковерканному шоссе. Навстречу часто попадались торопившиеся на базар крестьянские подводы, трещали по щебню колеса, визжали в дощатых ящиках поросята, мычали привязанные к телегам коровы... На полях, мимо которых шли пленные, еще заметны были следы кое-как засыпанных окопов и снарядных воронок, остатки проволочных заграждений... Очевидно, в этих местах были жестокие и длительные бои.

К полудню впереди, среди перелесков, показалась полуразрушенная войною деревня и, рядом с нею, каменные постройки фольварка. Сквозь редкие деревья почти сплошь вырубленного парка белели стены панского дома.

К этому дому и пригнали пленных, выстроив их перед парадным крыльцом.

Тотчас же на крыльцо вышел сам пан.

Это был тучный, с большим животом человек, выглядевший довольно комично в своем егерском костюме и маленькой тирольской шляпе с пером. Его румяное, лоснящееся лицо было гладко выбрито, заплывшие жиром глазки недовольно щурились.

— Ну и работничков мне прислали! — визгливо выкрикнул он, разглядывая пленных.

Он спустился с крыльца, прошелся вдоль шеренги и остановился перед Перельмутером, державшим под мышкой футляр со скрипкой.

— Вот Мойша... Какой же это крестьянин? Тебе бы, Мойше, на скрипочке играть, а не работать.

— Вы правы, я не крестьянин, — ответил Перельмутер. — Но я и не раб ваш, а военнопленный. Если вам не нравится, можете отправить меня обратно.

— О-о, какой храбрый, разговорчивый Мойше! — протянул пан и сердито фыркнул. — Ну вот, слушайте, вы... Работать у меня как следует. Платить

буду по кроне в неделю. Варить обед, печь хлеб, стирать и так далее будете сами. Жить будете вон там.

Он ткнул пухлым белым пальцем в сторону, и пленные увидели на другом конце усадьбы одинокую мазанку, по своим размерам похожую скорее на баню, чем на жилье для тринадцати человек.

Но делать было нечего. Хмурые и недовольные, все отправились в отведенное для них помещение. В нем было грязно и холодно. Сквозь выломанные окна врывался ветер, на глиняном полу стояли лужи воды; голые нары и кривой, сколоченный из нестроганных досок, стол составляли все его убранство.

— Вот так дыра! — воскликнул Габрелев, осматривая халупу.

— Да здесь и свиньи не станут жить.

— Ладно, не ной, — прервал его Менделе, — удрать отсюда всегда успеем.

Корбовник, рябой верзила в брезентовом плаще, принес в ведре картофелю и мяса и велел пленным выбрать из своей среды двух человек — одного повара и одного пекаря.

Почетная должность повара досталась самому старшему из тринадцати, сухонькому веселому мужичку Николаю, и он тут же начал варить из принесенных корбовником продуктов обед. Пекарем выбрали Перельмутера.

Ночь была холодная. Промучившись некоторое время, пленные развели на полу, посреди своей халупы, костер и улеглись вокруг него. Стало теплее. Дым свободно выходил через выбитые окна.

На утро явился корбовник.

Все молча потащились за ним на гумно, где среди ометов соломы и скирдов хлеба виднелась молотилка.

— Вот черти, — проворчал один из пленных, угрю-

мый бородач в лаптях, — все здесь не как у людей... Люди отсеялись давно, а они молотить собрались.

Свисток локомобиля прервал его слова. Началась работа. Кроме пленных, подавали снопы, убирали солому и таскали мешки много батраков и батрачек, с которыми корбовник обращался без всякого стеснения, подгоняя их палкой.

Ночь, проведенная подле костра, голод, грубость корбовника — настраивали пленных самым мрачным образом. Все молчали, работали нехотя и не глядели друг на друга.

В обед Николай и Перельмутер принесли ведра с похлебкой.

— Вот попали, ребята! — говорил Николай. — Да это не жизнь, а ад кромешный... Я уже подумываю, как бы пятки салом подмазать, да вот сала нет.

— Я здесь тоже долго жить не стану, — сказал солдат в лаптях.

— И я тоже... И я! — послышались голоса.

— Только не все сразу, ребята! — улыбнулся Габрелев.

Едва успели пленные пообедать, как к ним подошел корбовник.

— Ну, хлопцы, работать пора, день маленький.

Ночь опять была холодная, и опять, задыхаясь в дыму, валялись все вокруг костра и проклинали пана.

— Двое из вас будут подвозить воду для паровика, — заявил корбовник, распределяя утром пленных на работу.

Менделе и Габрелев вызвались быть водовозами. Они заложили пару лошадей в телегу, на которой стояла большая бочка. Корбовник поехал с ними, чтобы показать, где брать воду.

Наполнив бочку наполовину, Габрелев, не торопясь, стал закуривать. Менделе тоже присел отдохнуть.

Это еще что такое? — сердито заорал корбовник.

— Какое отношение к нам, такая и работа, — спокойно ответил Менделе.

Корбовник, злобно выругавшись, ударил его по плечу палкой. Но ему тут же пришлось пожалеть об этом — Габрелев вырвал палку из его рук и ловким толчком столкнул его в воду.

— Пляши! — крикнул он, не давая своему врагу выйти на сушу.

Корбовник вопил, что было сил, сыпал отборными ругательствами, но ничего не мог поделать — Менделе поливал его из ведра водой, а Габрелев тыкал ему в грудь палкой, повторяя:

— Пляши, пляши...

Весь синий от холода, по пояс в воде, корбовник начал прыгать на месте, скрипя зубами от бешенства.

— Веселей, веселей, — приговаривал Габрелев, — авось, научишься, как нужно обращаться с людьми.

Потом он, с помощью Менделе, опрокинул бочку в реку, оба сели на телегу и во весь дух погнали лошадей к усадьбе.

— Какой леший вас принес? — удивленно встретил их Николай.

Менделе, смеясь, рассказал о расправе с корбовником:

— Он тащится пешком и сейчас придет, — закончил Менделе свой рассказ. — Только мы не дураки, чтобы дожидаться его.

Захватив свои сумки и распрощавшись с Николаем, друзья быстрым шагом двинулись к лесу, который начинался за деревней.

Они, не отдыхая, шли до самой «Русской Ровы», радовались, что нет погони — и... подходя к городу,

были задержаны жандармами, как будто нарочно поджидавшими их.

Жандармы доставили пленных к этапен-коменданту.

Каково же было удивление Менделе и Габрелева, когда они увидели в комендантской того самого пана, из имения которого они вышли несколько часов тому назад!

— Вы что, бежать хотите? — издевательски спрашивал пан. — Может быть, вам и домой хочется в Россию?.. А?

Пленные молчали.

— Вы отправитесь обратно, работать, — заявил комендант.

— И не подумаем! — дерзко ответил Менделе.

— Если бы даже это грозило нам смертью, все равно не пойдем, — прибавил Габрелев.

Офицер приказал арестовать обоих.

Всю ночь друзья просидели в тесной клетушке, кишмя кишевшей насекомыми, а утром их вывели на двор, где дожидался комендант.

— Ну что, пойдете работать? — спросил он.

— Нет! — ответили оба в один голос.

Комендант приказал:

— Подвешивать!

Жандармы схватили первым Габрелева. Менделе видел, как его другу скрутили за спиной руки и связали веревкой. Эта же операция была проделана и с Менделе.

— Еще раз спрашиваю, пойдете работать?

— Нет.

Пленных втолкнули в сарай. Концы веревок, которыми были стянуты кисти их рук, перекинули через балки, и оба, корчась от лютой боли, повисли в воздухе.

Боль была настолько сильна, что Менделе через несколько секунд потерял сознание.

Очнувшись, он увидел над собой солдата-австрийца. Австриец лил из ведра холодную воду, платье Менделе было мокро насквозь. Рядом обливали водой и Габрелева, тоже лежавшего в обмороке на полу сарая.

Два часа мучили пленных, терявших сознание каждые несколько минут, подтягивая их кверху и отпуская лишь для того, чтобы привести в чувство... Наконец их на носилках, в бессознательном состоянии, отнесли обратно в камеру.

На следующий день опять появился комендант с вопросом:

— Будете работать?

— Не будем.

— Подвешивать!

Конвоиры поволокли русских в сарай. Комендант шел сзади, приговаривая:

— Я вас научу слушаться!

Снова связанных русских подвешивали, обливали водой и опять вздергивали кверху... Но оба держались попрежнему твердо и, несмотря на нестерпимые мучения, стояли на своем.

Наконец их оставили в покое.

И Менделе, и Габрелев долгое время не могли двигать руками — ныли суставы, следы от разъевших тело веревок кровоточили и гноились.

На третий день безвыходного заточения дверь распахнулась, и в карцер втолкнули нового узника.

Это был австрийский солдат, молодой парень, почти мальчик. Сквозь бесчисленные прорехи и дыры его одежды проглядывало голое тело, лицо все в синяках

и кровоподтеках дергалось, и сам он дрожал точно в пароксизме лихорадки.

Спотыкаясь, он обежал камеру вокруг и, повалившись в угол, зарыдал, громко всхлипывая, царапая скрюченными пальцами цементный пол.

Менделе и Габрелев принялись успокаивать его, усадили, ласково расспрашивали, — что случилось. Несколько успокоившись, он рассказал, что бежит с фронта, домой — и вот его задержали и хотят отправить обратно.

— Я ру...русин, — выкрикивал он, заикаясь, судорожно вздрагивая, — я не хочу, не хочу воевать, не хочу!.. Я больше не могу... Вот, пусть убьют, не могу!

Он рванулся из рук Габрелева, который держал его за плечи:

— Пусти-и! — громко взвизгнул он, вырвался и опять побежал по камере — наткнулся на стену и упал в истерике.

Он хохотал диким визгливым хохотом, бился головой об пол и кричал:

— Вон, идут, идут!.. За мной... Не хочу!

Не зная, что делать, Менделе и Габрелев молча смотрели на него.

— Это безумный, — шепнул Менделе.

Габрелев принялся стучать в дверь, крича:

— Уберите больного!

Этот стук привел сумасшедшего в бешенство — он вскочил на ноги, прижался к стене, оскалился и зарычал.

Двое конвойных, вбежавших на стук, с трудом справились с ним и вывели его из камеры.

ОБРАТНО В КШЕМЕНЕ

В ясный, солнечный, почти жаркий день пленных вывели из камеры и погнали к вокзалу.

Пышные белые облака медленно плыли по синему небу. Пыль, поднятая проехавшим мимо военным обозом, пахла летом. Босые дети играли в тени зацветающих акаций. Белокурая девушка в одном платье из пестренького ситца стояла на крылечке маленького ослепительно белого домика. Стекла окон горели и сверкали. Девушка улыбнулась русским, и, казалось, зубы ее тоже сверкнули, озаренные солнцем.

— Ах, до чего хорошо! — говорил Менделе, счастливыми глазами оглядывая немощеную улицу, заросшую по краям густой зеленой муравой, бедные домишки, играющих детей... Он дышал полной грудью и никак не мог надышаться этим теплым, чистым пахучим воздухом.

— Да, брат, лето, — улыбаясь ответил Габрелев.

Платформа вокзала была полна народу. Кто, окруженный вещами, нетерпеливо дожидался поезда, кто провожал уезжающего друга или родственника, а кто пришел просто так — погулять и поглазеть на станционную суету... Когда подошел поезд, пленных ввели в отдельное купе и заперли двери на замок. Менделе приник к опущенному окну. Ему стало грустно — тянуло на волю, побыть одному, потолкаться среди людей... Но двери купе были заперты, оставшийся в коридоре конвой охранял их, и платформа, фасад вокзала, освещенный солнцем, гуляющие и провожающие — медленно поплыли мимо.

Поезд, все ускоряя ход, мчался вперед.

Менделе продолжал стоять у окна, высунув голову, наслаждаясь теплым ветром, омывавшим его лицо. Из соседнего окна выглянула повязанная голубым шарфом головка молодой черноглазой женщины.

— Не знаете ли вы, когда поезд прибудет в Санок? — спросил Менделе, стараясь перекричать грохот колес.

Женщина улыбнулась. Ветер трепал концы ее шарфа.

— Завтра рано-рано утром, — ответила она.

— Спасибо! — крикнул Менделе.

— Может быть, вы хотите есть? — спросила женщина. — У меня с собой хлеб и масло.

Менделе был чертовски голоден — но разве можно было сказать об этом такому молодому, чистому, прелестному существу?..

— Нет, благодарю вас, я сыт, — сказал он грустно.

Габрелев потянул его сзади за рукав:

— С кем это ты там?

— Да вот, скоро ли Санок.

— Зачем?

Менделе насмешливо взглянул на него:

— Что ж ты, не понимаешь, что ли?.. Лучше Кшемене нам ничего не найти... До России не доберешься, да и делать там нечего — опять на фронт ведь не пойдешь! А если нас будут охранять так, как сейчас...

— Правильно, правильно! — смеясь, прервал его Габрелев.

Менделе снова выглянул из окна, но черноглазой соседки уже не было видно. Поезд медленно шел в гору мимо освещенных солнцем, густо зазеленевших полей. Рядом с вагонами по земле ползли коричневые тени.

Вскоре поезд остановился на какой-то большой станции.

Пленных вывели на платформу. Около дверей вокзала стоял молодой комендант в кепи, офицерской тужурке и галифе. Серые обмотки аккуратно обтягивали его длинные ноги. Конвойные вытянулись, отдавая ему честь.

— Ну, как вы себя чувствуете? — спросил комендант пленных.

Те, пораженные этой любезностью, ответили. Комендант задал им еще несколько вопросов, велел накормить их и, на прощание, дал каждому по пачке сигарет.

Когда поезд тронулся, он взял под козырек. Менделе и Габрелев ответили ему тем же.

Они попрежнему оставались в купе одни. Конвойные только изредка заглядывали к ним и снова запирали дверь.

Смеркалось. Габрелев прилег и задремал, но Менделе разбудил его:

— Нельзя спать, проспим.

Ночь тянулась мучительно долго. Друзья нервничали. Молча сидели они в темноте, и в голову каждому навязчиво стучались тревожные мысли — то казалось, что конвоиры войдут в купе и помешают бегству, то думалось, что не удастся доехать до Санка — высадят раньше, на какой-нибудь другой станции.

Чем ближе подъезжали к заветной цели, тем больше волновались оба.

За окном медленно начинало сереть. Приближался рассвет. Сквозь полутьму, далеко на горизонте виднелись черные цепи, знакомые, видные из Кшемене.

— Подъезжаем,— шепнул Менделе,— теперь скоро.

Он подошел к окну и осторожно опустил его. Ветер ворвался в купе. Поезд мчался — нечего было и думать о том, чтобы прыгать из окна на таком быстром ходу. Нужно было ждать.

— Неужели... неужели нам удастся добраться до Кшемене? — нервно ломая пальцы, говорил Габрелев.

— Попробуем, — отозвался Менделе, — ведь, в конце концов, мы ничем не рискуем. Ну, поймают нас, снова посадят... Ерунда.

Поезд замедлил ход. Стало еще светлее — уже можно было разглядеть лесистые окрестности Санка...

Вон за тем лесом лежит Кшемене, спят в своем флигельке Тихон Степаныч, Митька Гончаров, Бесноватый, спят в своих бедных халупах Сандор, Мишель, пан Юзеф...

Менделе постучал в дверь:

— Откройте...

Конвоиры не отвечали — они или спали, или отошли в сторону от купе.

Менделе вернулся к окну. Поезд шел совсем тихо — лязгнул буферами и остановился. Послышался долгий свисток паровоза.

— Что это? — испуганно спросил Габрелев.

— Семафор, должно быть, закрыт.

Через некоторое время поезд опять тронулся.

— Ну, пора!

С бьющимся сердцем, Менделе, ногами вперед, полез через окно. Он спрыгнул наземь, скатился под невысокий откос и быстро пополз по мокрой росистой траве к кустам.

Вслед за ним спрыгнул и Габрелев.

Было еще рано, большинство пассажиров спало, а те из них, кому нужно было сходить в Санке, должно быть, держались на другой стороне вагонов, с которой был впереди вокзал. Никто не заметил побега, и, благополучно достигнув кустов, беглецы быстрым шагом двинулись через лес, к шоссе, наугад придерживаясь направления.

Шли весь день, не торопясь, часто присаживаясь на отдых — раньше ночи все равно нельзя было показаться ни в деревню, ни, тем более, в фольварк. Хотелось есть, голова после бессонной ночи отяжелела, путь был длинный и утомительный. Но беглецы ничего не замечали — ведь впереди были товарищи, вольная жизнь!

К вечеру добрались до панского леса — здесь было знакомо каждое дерево, каждая тропинка.

— Нужно подождать, пока все уснут, — сказал Менделе.

Ждать, так близко от цели, было трудно. Чтобы хоть чем-нибудь занять медленно тянувшееся время, беглецы стали обсуждать — у кого им можно остановиться. Ближе всех к лесу, на самом краю деревни, находилась халупа пана Мишеля, и друзья решили итти к нему.

Когда совсем стемнело, они пробрались по тропинке к дому старого батрака.

Менделе постучал в окошко.

— Пан Мишель, откройте!

Перепуганный старик вышел на крыльцо. Он сразу узнал москалей, обнял их и повел к себе.

— Ксавера! — принялся он будить свою младшую дочь. — Вставай... Беги скорей на панский фольварк, разбуди москалей — того, Митьку, и другого маленького, черного, знаешь, Бесноватый его зовут.

Девочка оделась и бегом побежала исполнять поручение.

Вскоре Митька, Бесноватый и приставший к ним Васька Ломтев уже обнимали так неожиданно явившихся среди ночи товарищей. Расспросам, рассказам и приветствиям не было конца. Пан Мишель угощал гостей чем мог — молоком и хлебом. Менделе и Габрелев, не евшие больше суток, с жадностью набросились на скромное угощение.

Митька передал Менделе полученное за время его отсутствия письмо из России. Это было пределом счастья! И вести из дому были хорошие — все здоровы, шлют привет...

Разошлись перед самым рассветом, условившись

следующей ночью встретиться у Сандора в Нивистках.

Менделе и Габрелев скрылись в лесу. Остальные отправились обратно в фольварк.

Почти весь день беглецы проспали в кустах — после двух бессонных ночей им нужно было отдохнуть как следует.

Вечером, подкрепленные сном, радостные и все еще точно не верящие, что они на свободе, друзья вошли в Нивистки.

— Матка боска... Откуда! — всплеснула руками жена Сандора, открывшая им двери.

Сам хозяин, казалось, онемел от удивления. Он стоял неподвижно и переводил взгляд с одного на другого. Но неподвижность эта продолжалась недолго. Сандор завесил окна, усадил москалей — и опять посыпались вопросы, потекла торопливая и радостная беседа, к которой скоро присоединились пришедшие из Кшемене Митька и Бесноватый.

Менделе рассказывал о пытках, которые им пришлось вынести в Русской Рове, о сумасшедшем австрийце, и рассмешил всех, описывая, как он с Габрелевым заставили плясать злого корбовника по пояс в холодной воде. Митька не остался в долгу и тоже сообщил все новости, какие только он не успел передать в прошлую ночь... Сандор, со своей стороны, рассказал, что Анну выпустили из тюрьмы, и она работает где-то во Львове.

— А как же нам все-таки быть? — спросил Габрелев, когда обо всем было, наконец, переговорено. — Как бы не напали на наш след.

— Придется жить в лесу, — ответил Сандор. — Ночью можно приходить к нам, а днем надо прятаться.

— Конечно, иначе вас сразу арестуют, — поддержал его Митька.

Сандор дал москалям лопату и топор, чтобы они могли устроить себе землянку, и распрощался с ними:

— Идите, идите, вечером увидимся.

Вернувшись в лес, друзья долго искали подходящее для жилья местечко, чтобы немедля приступить к работе. Им все казалось, что они не достаточно далеко отошли от деревни, что их смогут найти... Наконец забрались в такую глушь и чащу, что лучше нельзя было и пожелать.

— Ну, сюда уж никто не придет, — заявил Менделе.

— Да, место подходящее, — согласился Габрелев, — правда, далековато от деревни... Зато спокойней.

Он принялся рубить кустарник и молодые грабы, расчищая место для будущей землянки. Менделе оттаскивал в сторону ветви и целые деревца — все это могло пригодиться для крыши.

Вдруг из-за кустов послышался чей-то голос:

— Что это вы здесь, ребята, делаете?

Габрелев от неожиданности и испуга выронил из рук топор, Менделе вскрикнул. Оба готовы были пуститься бежать.

Продираясь сквозь кусты, к ним подошел бородатый широкоплечий человек. Он был полураздет, бос, но на голове его лихо сидела русская солдатская фуражка с уцелевшей кокардой — и беглецы сразу узнали в нем своего брата-военнопленного.

— Чего это вы? — повторил бородач.

— Да вот дом строить хотим, двухэтажный с мезонином, — шутя, ответил Габрелев.

Бородач улыбнулся, обнажая под лохматыми усами крупные белые зубы, и сказал:

— Бросьте... У нас здесь, в соседнем переулке, свои собственные этажи имеются. Так уж и быть, сдадим комнатенку, места хватит.

Он пошел впереди, показывая дорогу.

Среди кустов была расчищена широкая поляна, и на ней возвышалась дерновая крыша большой землянки, похожей на погреб. Рядом на кустах было развешено белье — очевидно, только что выстиранное.

Перед землянкой сидел молодой, голый по пояс парень. На коленях у него лежала гимнастерка, в которой он искал вшей.

— Откуда это ты их подцепил, Акимыч? — спросил он у бородатого.

— А тут одна знакомая баба родила, вроде сынков мне приходятся, — отшутился Акимыч.

Внутри землянки было довольно просторно. Сквозь маленькие окошечки пробивался свет. На ворохе сухих листьев лежало еще два человека. Один из них, лежа, тренькал на балалайке.

— Ложись, ребята! — крикнул он таким тоном, точно появление незнакомых людей было для него совсем обычным, каждодневным делом.

Так началась жизнь Менделе и Габрелева в лесу.

Жили все шестеро дружно и весело — по вечерам уходили в деревню за продуктами, варили обед, днем — спали. Менделе и Габрелев еще два раза встречались со своими друзьями из Кшемене... А на третий или четвертый день, когда землянка была полна храпа безмятежно спящих людей — послышался чей-то грозный окрик, и москали увидели себя окруженными жандармами.

Делать было нечего — пришлось собираться.

— Сними-ка, Петя, белье, чего оставлять, — сказал Акимыч парню, бережно завертывавшему свою бала-

лайку, и по-свойски обратился к жандармам: — Как же это вы нас сыскали?

— А вы бы побольше костры жгли, мы бы вас давно изловили, — цинично ответил старший жандарм.

С громкой солдатской песней москали двинулись через лес, к Кшемене.

Их привели на панский двор.

Менделе и Габрелев были очень рады этому, надеясь в последний раз повидаться с товарищами. Но застали они одного только Тихона Степаныча, остальные были в поле, на работе.

— Прощай, Степаныч, кланяйся всем, — крикнул Габрелев.

— Мы еще вернемся! — прибавил Менделе.

„ШЛАХТ ФЕЛЬДЕРЕЙ АБТЕЙЛУНГ"

Арестованных привезли в Перемышль, прямо с вокзала доставили к этапному коменданту и после недолгого допроса повели в камеру.

— Пожалуй, отсюда уже не убежишь, — проговорил Акимыч, оглядывая заделанные решеткой окна и сырые каменные стены, освещенные тусклой электрической лампочкой, красневшей под самым потолком.

— О, да, здесь вы будете спать спокойно, — усмехнулся конвоир.

Нар в камере не было. Стены, потолок, цементный пол — и это все. К тому же пол был засорен угольной пылью, среди которой попадались мелкие и довольно крупные осколки — они скрежетали и хрустели под ногами.

— Давайте уберем маленько, да и ляжем, — пред-

ложил Акимыч, державшийся среди остальных, как старший.

Из попыток подмести пол ничего не вышло — только поднялась в воздухе едкая пыль, для которой не было никакого выхода, так как окна были закрыты.

Пришлось ложиться как попало.

— Эх, жизнь, — ворчал Петя, вынимая балалайку из мешка, который он решил употребить вместо подушки.

Когда пленных вывели из камеры, было еще темно, последние предутренние звезды робко светились в небе.

Заспанный мрачный жандарм, зевая во всю глотку, выдал пленным хлеб. Появились конвойные с примкнутыми к винтовкам штыками. Ворота комендантского двора раскрылись, послышалась отрывистая команда... Снова в путь!

Заря застала партию уже за городом.

Шли пешком, мимо оборванных русских пленных, которые под руководством австрийцев-саперов ремонтировали разбитое шоссе, засыпая землей и щебнем рытвины, — перекидывались с ними словами. День был жаркий, душный, всех мучила жажда... Акимыч насчитал уже двадцать километров, пройденных от Перемышля, а конца дороги все еще не было видно.

Сделали небольшой привал, поели и пошли дальше.

— Да куда же это они нас ведут? — злился Габрелев.

— К теще в гости, — мрачно шутил Акимыч, — там для тебя, небось, блины пекут...

Наконец впереди показались деревянные бараки, обнесенные проволочной изгородью, точно это был лагерь военнопленных.

— Вот в этой самой деревне теща твоя живет, — сказал Акимыч.

— Да отстань ты, ради бога! — взмолился Габрелев, — он сбил себе ноги, и ему было не до шуток.

Партия действительно свернула к баракам. Напротив одного из них старший конвоир скомандовал:

— Хальт!

Пленные остановились. Первым делом Менделе стал искать вывеску — он давно уже привык таким способом ориентироваться в незнакомых ему местах.

Вывеска нашлась. На ней белыми буквами по черному фону было выведено: «Канцлай, дес шлахт фельдерей абтейлунг».

— Шлахт... фельдерей... абтейлунг, — начал Менделе вслух перебирать эти слова. — Шлахт — это битва, фельдерей — полей... — Так что же это такое? — озадаченно спросил он Габрелева.

— Не знаю, отстань, — сердито ответил тот.

Из ближайшего барака, тем временем, высыпали его обитатели. Они окружили вновь прибывших, искали земляков. Со всех сторон слышалось:

— Тверские, отзовись!

— Кто здесь орловские?

Земляки, конечно, нашлись. Началась оживленная беседа, которую, впрочем, скоро прервал появившийся на крыльце канцелярии молодой парень, в защитной гимнастерке, с погонами вольноопределяющегося.

— Эй, ребята, разойдись, — раздался его зычный голос. — А вы, — обратился он к вновь прибывшим, — ступайте на кухню, там вас накормят.

— Кто это? — спросил Менделе одного из «местных» пленных.

— Комендант лагеря... Он из русских немцев, тоже пленный, Карлушей звать. Ничего, малый простой.

Обращаясь к коменданту, Менделе, заметивший сваленные в углу двора ручные четырехколесные тележки, крикнул:

— Скажи-ка, товарищ, что здесь за работы?

Тот ответил:

— Завтра увидишь.

Вся партия, в сопровождении конвоя, двинулась к кухне. Обед был мясной, хорошо приготовленный, и в таком изобилии, какого Менделе не видывал за все время плена.

— Просто чудеса.— сказал он Акимычу,— действительно, только блинов и нехватает.

— Не спроста это, парень, — серьезно ответил бородач.

После обеда пленных повели в барак. Здесь было тесно и шумно — несколько человек сразу играли на гармошках, каждый свой мотив, другие, мешая друг другу, пели, тоже две песни одновременно. Посреди барака, за длинным столом, с руганью и ссорами играли в карты. Все курили, и дым стоял густо, как синий туман. Но даже едкий табачный дым не мог заглушить какого-то другого запаха, сладкого и отвратительного... Так пахло в окопах — это был знакомый Менделе ужасный запах разложения.

Один из пленных крикнул:

— Кто хочет кофе пить?

Другой уже вносил в барак наполненный кофе котел. На столе появились бутылки с ромом, каждый наливал себе, сколько хотел.

Менделе удивлялся все больше и больше: плен, опутанные колючей проволокой бараки — и, вдруг, прекрасный обед, это странное шумное веселье, кофе, ром...

Да куда же они, чорт возьми, попали?

Он спросил еще раз — и смертельный ужас охва-

гил его, когда ему объяснили, что это за барак, и что приходится делать живущим здесь пленным: оказалось, их заставляют раскапывать давно, еще во время боев под Перемышлем, зарытые братские могилы, извлекать оттуда трупы убитых и заново хоронить — русских отдельно от австрийцев.

Так вот откуда был этот страшный трупный запах!.. Им было пропитано все — одежда пленных, их тело, воздух, которым они дышали, даже самые, казалось, стены барака... С отвращением отодвинул Менделе от себя кружку, наполненную кофе — ему чудилось, что и от кофе пахнет, как из разрытой могилы.

Шум, после выпитого рома, еще более усилился — пьяные песни, визг гармошек, брань и крики не утихали до самой полуночи.

Дежурный конвоир-австриец, расхаживавший с привешенным к поясу штыком по бараку, не обращал внимания на шум, он сосал свою трубку, как ребенок соску, и молча, равнодушно поглядывал на русских.

Постепенно все улеглись — только у стола продолжалась тупая игра в очко.

Но вот угомонились и картежники.

Менделе забылся тяжелым, тревожным сном. Его мучили кошмары — он видел какие-то вспышки, точно это рвались в темноте снаряды, он бежал по полю, навстречу безмолвно ожидающим его людям... Он знал, что там впереди его ждет смерть, а все-таки бежал, и никак не мог добежать.

Вдруг его разбудил чей-то пронзительный крик.

Не помня себя от ужаса, Менделе вскочил — при свете прикрученной керосиновой лампы увидел полуголого босого человека, во весь рост стоявшего на нарах.

— Не тронь, не тронь! — дико кричал он, размахивая руками и как бы отбиваясь.

Он спрыгнул на пол, попятился и взобрался на стол, продолжая кричать:

— Уберите австрийца, вот он идет... Уберите его, держите, он кидается на меня...

Кроме конвоира, попрежнему равнодушно разгуливавшего взад и вперед, никакого австрийца не было видно... Менделе не знал, что делать — он был весь в поту, и сам готов был завопить от страха. Но уже просыпались остальные. Кто-то из пленных бросился к столу на помощь.

Раздался последний нечеловеческий вопль, грохот падения — и все смолкло.

Когда несчастного подняли с полу, он был мертв. Пена клубилась на его синих губах, по сведенному последней судорогой лицу текла кровь... Тело уложили на нары, прикрыли одеялом. Все стали опять укладываться.

Только Менделе продолжал сидеть неподвижно — его бил мелкий нервный озноб, и он никак не мог притти в себя.

— Да ложись ты, — сказал Акимыч, лежавший слева, рядом с Габрелевым.

Его голос несколько успокоил Менделе. Но тут, справа, послышался голос другого пленного:

— Уж я так и знал, что ему даром не пройдет, он еще вчера заговариваться стал...

— Кто? — испуганно спросил Менделе.

— Да этот, Мишуха, который помер-то... Мы с ним, понимаешь, вместе работали... Так вот, третьего дня, разрыли мы могилу, глядим лежит сверху австриец, весь уже почти сгнил, невозможно за него руками взяться. Так Мишуха киркой его... Зацепил и поволок. А потом, как вытащили, сел на землю и го-

ворит: «Ох, не простит он мне этого» — это про австрийца-то...

— Брось пугать, паря, — прервал рассказчика Акимыч, — мы птицы стреляные...

Он уложил Менделе и заботливо прикрыл пальто, приговаривая:

— Ложись, ложись... Он тебе наговорит!

Утром убрали труп, и никто о нем больше не вспоминал. Насколько можно было понимать из рассказов пленных, случаи сумасшествия и различных нервных болезней повторялись чуть ли не каждый день.

После завтрака, состоявшего из кофе, рома и хлеба, пленные построились перед бараком. Их было не менее трехсот человек. Разделились на десятки. Каждая группа получила тележки, кирки, лопаты и под конвоем направлялась на работу.

После минут пятнадцати ходьбы свернули на пустынное, заросшее сорными травами поле.

Еще издали доносился одуряющий смрад, а когда подошли поближе, Менделе увидел, что все поле разрыто. Вороны, каркая, целыми стаями поднимались с земли и лениво перелетали в сторону. Кое-где виднелись неубранные со вчерашнего вечера трупы — настолько обезображенные, что от одного взгляда на них у Менделе начала кружиться голова и останавливалось сердце, — а ведь предстояло подбирать их, хоронить... Менделе даже застонал. Он понял, почему так хорошо кормили пленных, почему давали им в таком изобилии ром! Только с головой, отуманенной алкоголем, можно было не замечать всего ужаса этой нечеловеческой работы.

Прибыв на место, пленные той группы, в которой были Менделе и Габрелев, начали распределять между собой обязанности. Габрелеву дали кирку и велели вместе с другими раскапывать могилу. Менделе пред-

стояло работать с тележкой, и вскоре он уже толкал ее, стараясь не глядеть на останки человеческого тела, составлявшие его груз.

Трупы доставлялись к глубоким ямам, зиявшим одна подле другой длинным рядом. Это были могилы, освобожденные накануне и заново оцементированные. Прежде чем засыпать их землей, трупы поливались карболкой и посыпались известью. Русских хоронили отдельно от австрийцев, австрийцев — отдельно от мадьяр и чехов, — даже здесь сказывалась национальная рознь и вражда, столь характерная для Австрийской империи.

Менделе работал, как автомат. Какое-то странное отупение овладело им — летняя жара, вороны с хищным криком, перелетавшие с места на место, тошнотворный запах гниения, обезображенные до неузнаваемости человеческие тела, которые он возил на своей тележке, попадавшиеся на каждом шагу, уже заросшие травою обрывки проволоки и ржавые снарядные осколки — все казалось не настоящим, будто Менделе жил во сне, в непрекращающемся кошмаре.

— Тяжело, Габрелев, мочи нет, — жаловался он изредка своему другу, но тот только глядел на него страдальческими глазами и молчал.

В полдень на поле был доставлен обед, и все, тут же среди могил и трупов, не моя рук, принялись за горячий суп. Менделе не знал, куда деваться от отвращения — он не мог даже думать о еде и не понимал, как могут есть другие.

После короткого перерыва, когда снова принялись за работу, внимание Менделе, разговаривавшего с Габрелевым, привлек какой-то шум. Друзья увидели, что недалеко, около одной из могил, собирается целая толпа, и тоже направились туда.

На краю могилы они увидели хилого черненького

паренька. Он выл тонким бабьим голосом, кусал пальцы, потом, вдруг, начинал хохотать и приплясывать... Остальные стояли молча и смотрели на него — кто с ужасом, кто с безразличием, а кто и с любопытством... Только немногие пробовали успокоить сумасшедшего, но ничем не могли ему помочь.

Наконец подоспевшие конвоиры увели несчастного. Все стали расходиться. Менделе вернулся к своей тележке и увидел подле нее одного из пленных — он старался стащить с ног мертвеца сапоги.

— Что ты делаешь! — не помня себя, закричал Менделе.

Пленный хладнокровно взглянул на него и ответил, продолжая свое дело:

— Ничего... Помою и буду носить.

Он, не спеша, пошел прочь, унося свою добычу, а Менделе почти бегом погнал свою тележку в другую сторону.

Работа продолжалась до темноты. К вечеру небо заволоклось тучами, вдали блистали молнии, ворчал гром. Пленные торопились до дождя вернуться в бараки, и много вытащенных из земли трупов осталось под открытым небом.

Вернувшись, все первым делом бросились к умывальникам, мыться. Зазвонили к ужину, а Менделе все еще тер руки заветным кусочком мыла — ему казалось, что руки недостаточно чисты.

Когда он вошел в барак, там уже горели лампы. Есть Менделе не хотелось, он нашел свое место на нарах и лег.

Вскоре к нему присоединились Габрелев, Акимыч и Петя.

— Ну что ж, Петя, сыграй, — сказал Акимыч.

Но парень, еще недавно такой веселый и сильный, отрицательно покачал головой, глухо ответил:

— Не могу, братцы... Страшно.... Не вынесу я этого.

В бараке, как и вчера, было шумно, за столом пили и играли в карты; ревели, визжали гармошки; кто-то плясал, выбивая каблуками лихую дробь.

Гром грохотал все ближе, и скоро ливень ударил по крыше барака.

— Не вынесу я, братцы, — с тоской повторил Петя, — с ума сойду...

Акимыч заботливо, как отец, посмотрел на него:

— Плохо, парень, зря это ты...

— Нужно бежать отсюда, — сказал Менделе.

Друзья принялись было обсуждать возможности бегства, но ничего не могли решить — нужно было сначала как следует осмотреться.

— Ладно, поглядим... Спать нужно. Всего сразу не переговоришь, — зевая, сказал, наконец, Акимыч.

Но барак угомонился не скоро... А когда все уснули, Менделе еще долго лежал, прислушиваясь к храпу и стонам, к уже удаляющимся раскатам грома и к шороху воды, сбегающей по крыше.

Утро наступило холодное, но ясное, солнечное. После дождя было грязно, повсюду стояли лужи. Открытые могилы были чуть ли не доверху налиты водой, которую, прежде чем приступить к работе, приходилось вычерпывать ведрами.

Как и вчера, Менделе досталась тележка. Он опять весь день возил трупы к новым могилам, задыхаясь от невыносимого смрада. Но вчерашнего тупого страха уже не было.

— Как все-таки человек ко всему привыкает, — сказал он Габрелеву, — до чего ужасно было вчера, и сегодня уже легче.

Постепенно он привыкал все больше и через несколько дней уже вместе с другими обедал среди мо-

мил, не замечая ни трупов, ни разлитого в воздухе запаха разложения. Меньше стали действовать на него даже несчастия, случавшиеся почти ежедневно с кем-нибудь из пленных.

Остальные тоже привыкли к своей страшной работе. И только Петя попрежнему мучился — худел, не спал по ночам, поминутно вздрагивал, озирался. Глядя на него, Акимыч вздыхал и говорил:

— Плохо, ребята. Нужно поскорее дать ходу отсюда.

Уже больше недели жили пленные в бараке, работая изо дня в день.

Как-то вечером, после ужина, лежа на нарах, Менделе заметил, что Акимыч веселей обычного и все время загадочно улыбается.

— Что зубы скалишь, борода? — спросил он.

Акимыч хитро подмигнул:

— Нащупал!

Все придвинулись к нему. Менделе нетерпеливо стал расспрашивать:

— Ну, что же ты нащупал?.. Да говори ты, чорт бородатый!

— Расскажу, погоди, — ответил Акимыч.

Он, не торопясь, стал сворачивать папиросу, бормоча: «Куда это я спички подевал, ума не приложу...» и наконец, вдоволь насладившись нетерпением Менделе и остальных, стал рассказывать.

— Вот что, ребята... Бежать отсюда не трудно, нужно только умеючи все обмозговать. Отсюда из барака не убежишь. Двери на ночь запираются — раз, конвой — два. Стало быть надо бежать днем, с работы... Надзору днем особого не бывает, а спрятаться есть где... Просидим где-нибудь в яме или в окопе какомнибудь, а там, как стемнеет, соберемся — и ходу.

Обсудив во всех деталях предложенный Акимычем план, друзья решили на следующий день устроиться так, чтобы попасть в разные десятки — в этом случае исчезновение четырех человек могло остаться незамеченным до самого вечера. Уговорились также, что вечером, когда стемнеет и работающие вернутся в бараки, Акимыч свистнет и этим даст сигнал для сбора.

Перед рассветом все четверо стали готовиться — запасное белье одели на себя, мелочи рассовали по карманам... В строй беглецы стали в разные места и на работе оказались в различных группах.

Работали, как было условлено, почти до заката солнца, все время не теряя друг друга из виду. Наконец Менделе заметил, что Габрелев остановился, снял фуражку и вытер пот со лба. Это был знак: пора. Менделе взглянул в сторону Акимыча — тот тоже снял фуражку и сделал вид, будто вытирает лоб.

— Прощайте, товарищи, — сказал Менделе пленным, с которыми он работал в одной группе, и стал толкать нагруженную тележку прочь от разрытой могилы.

Незаметно он свернул в сторону. Все поле было разрыто — бугры земли, могильные холмы, старые снарядные воронки, остатки обвалившихся и частью засыпанных окопов делали его очень удобным для бегства.

Выбрав удобное место, Менделе сбросил тележку в яму, лег на землю и пополз на животе, как черепаха.

Товарищи по работе, чтобы отвлечь внимание конвоиров, во весь голос запели:

Соловей, соловей, пташечка...

Но конвоиры и без того не видели Менделе. Они обычно собирались вместе, разговаривали и старались

не смотреть на работу, делать которую они были не обязаны: очевидно, и им было нелегко видеть развороченные могилы и обезображенные трупы своих же братьев.

Стараясь прятаться за каждым бугорком, за каждой неровностью почвы или кустиком бурьяна, и время от времени отсиживаясь в каком-нибудь углублении, Менделе благополучно достиг окопа, перед которым еще сохранились остатки проволочных заграждений. Он забился в самую глубину и стал ждать ночи.

Солнце уже опускалось. В небе пламенели легкие вечерние облака, жара свалила... Вскоре пленные стали собираться в группы и строиться.

Конвойные обнаружили исчезновение одного из русских, но все в один голос принялись убеждать их, что Менделе заболел и ушел в барак.

— Швейнерай, — сердито пробормотал старший конвоир и скомандовал: — Форвертс!

Пленные нестройной толпой двинулись к баракам.

Менделе с радостной улыбкой смотрел им вслед... Уже совсем спокойный, он терпеливо дождался условленного свиста и двинулся навстречу товарищам.

Всем четверым благополучно удалось скрыться.

— Ну и трудно же на брюхе ползать, — улыбаясь говорил Акимыч. — Пылища! А тут еще борода, так и метет... Горсти две из нее земли вытряс.

Каждый, возбужденный удачей и свободой, торопился рассказать о своем побеге — как полз, как прятался от конвойных, как сидел в ожидании темноты... Потом стали обсуждать план дальнейших действий.

— Перемышль лежит вправо, значит нужно повернуть налево, — сказал Акимыч.

Решили сначала добраться до лесочка, темневшего неподалеку.

— Скорей, скорей, — торопил Петя.

Он почти бегом устремился вперед. Остальные с трудом поспевали за ним.

— Стой, кто-то идет, — шепнул Габрелев.

Беглецы приникли к земле, и как раз во-время: на фоне звездного неба выросли силуэты трех всадников в драгунских касках.

Негромко переговариваясь между собою, драгуны проехали мимо.

Дождавшись, пока утих последний отзвук копыт, беглецы поднялись. Через несколько минут они были уже в редком грабовом лесочке и шагали, как они думали, по направлению ко Львову.

Шли, не останавливаясь, несколько часов подряд и так устали, что решили отдохнуть — расстелили среди кустов шинели, легли, и Менделе тотчас же задремал.

Ему приснилось, будто мертвец, которого он везет на тележке, встал и отказался итти в могилу. Но это ничуть не было страшно а даже весело.

— «Не хочешь, и не нужно!» — сказал Менделе мертвецу. Тот стал рассказывать что-то веселое, — но дослушать его рассказ Менделе не удалось, над ним стоял Акимыч и будил:

— Вставай, светло уже...

Круглое красное солнце выкатывалось из-за туч.

Менделе сел и стал осматриваться. Сквозь редкую молодую поросль, совсем недалеко, зеленело поле. За ним виднелись крыши села, над которым возвышалась высокая белая колокольня.

— Глядите, ребята, вон там халупа, — сказал Габрелев, — давайте зайдем, попросим молока.

Действительно, на опушке леса белели стены маленькой мазанки под новой желтой соломенной крышей. Друзья направились к ней — и в глазах у них

потемнело, когда в дверях вдруг показался высокий седоусый жандарм.

— Проше, проше! — язвительно проговорил он, делая рукой приглашающий жест.

Беглецам ничего больше не оставалось, как зайти в халупу. Это был жандармский пост. Шесть коек стояли в ряд, прикрытые одинаковыми казенными одеялами. Пять рослых жандармов сидели за столом, под портретом Франца-Иосифа, и пили кофе.

Шестой пропустил пленных в комнату и запер дверь.

— Откуда это, господа? — спросил он, издеваясь.

— Мы не господа, — ответил Менделе, — а русские солдаты, военнопленные, идем из Львова в Россию.

— В Россию?.. Скажите пожалуйста! Значит домой захотелось? Ладно, доставим вас домой.

Доставили беглецов в Перемышль.

— Ну и мастер ты дорогу угадывать, — сердито говорил Габрелев Акимычу, — вместо Львова опять в Перемышль попали.

— А какая разница? — ответил Акимыч. — Один чорт.

Ночь все четверо просидели в одной камере, а на следующее утро их вызвали на допрос.

Убедившись, что русские не намерены возвращаться на работу в «шлахт фельдерей абтейлунг», комендант велел их подвешивать, но они мужественно перенесли пытку. Еще два дня их продержали в карцере, а затем под строгим конвоем посадили в вагон и отправили неизвестно куда.

ШАМОРИЯ И ИОСЕФШТАТ

— Едем? А? — сказал Акимыч, потирая руки, на запястьях которых еще сохранились следы врезавшихся в тело веревок.

— Едем, — подтвердил Габрелев, — загонят нас опять куда-нибудь к чертям на кулички.

— Вот увидишь, нас везут в Венгрию, — сказал Менделе.

— Пусть везут куда угодно, лишь бы не иметь дела с мертвецами.

Вот это, брат, правильно!

Вагон качало. Маленькое купе было полно вонючего табачного дыма. Мимо окна неслись зеленые, кое-где уже желтеющие поля и деревни, — группы маленьких белых домиков под красными черепичными крышами.

Пленные были настроены весело — куда бы их ни везли, хуже чем под Перемышлем, среди развороченных могил и гниющих трупов, быть не могло. Один только Петя мрачно молчал, забившись в угол и закрыв глаза. Он чувствовал себя совсем плохо, тяжело дышал и изредка нервно вздрагивал.

— Конвоиры наши ни черта по-русски не понимают! — подмигнул Акимычу Менделе.

Действительно — на все вопросы пленных конвоиры отвечали:

— Немтудум.

Это были мадьяры, крепкие смуглые черноволосые парни, исполнявшие все приказания начальства с удивительной точностью. Один из них сидел у окна, другой у двери, а третий на скамье, среди русских.

Габрелев поглядел на их цыганские лица и недовольно проговорил:

— Попадем в Венгрию, не с кем будет и слова сказать.

— Да, это тебе не русины, — подтвердил Акимыч.

Вдруг все услышали легкий вскрик.

Петя, до сих пор сидевший неподвижно, зашевелился.

лился. Он испуганно раскрыл глаза, схватился обеими руками за грудь и вскочил на ноги.

— Спасите... плохо, — пробормотал он. Если бы Менделе не поддержал его, он повалился бы на пол.

Через несколько секунд его не стало.

Эта внезапная смерть ошеломила и испугала всех. Не зная, что делать, Габрелев и Акимыч топтались по купе, укладывали еще теплое тело товарища на скамью.

— Ах ты, батюшки, что же это такое, — глухо говорил Акимыч, без толку суетясь.

Менделе, уткнувшись лицом в обшивку вагона, истерически всхлипывал... Растерявшиеся конвойные жались к дверям, обмениваясь отрывистыми непонятными словами.

Акимыч прикрыл Петино тело шинелью. Вытянувшись, лежал Петя, неподвижный, уже остывающий. Он, больше всех страдавший от ужасной работы могильщика, бежал от мертвецов, точно чувствовал, что близок конец и его жизни. — и вот для него теперь были безразличны и мертвые, и живые...

В тупом молчании сидели, обнажив головы, Акимыч, Менделе и Габрелев у тела товарища. Никто из них, казалось, не заметил, как наступили сумерки и как прошла ночь...

Утром поезд прибыл в Будапешт. В вагон вошли санитары. Безразличные к горю русских, они небрежно взвалили тело Пети на носилки. В последний раз взглянул Менделе на бледное мертвое лицо — и дверь купе захлопнулась.

Через несколько часов пленных высадили на станции Шамория и доставили в карантинный барак большого густо населенного лагеря.

На следующий день Менделе не смог подняться с

нар. Он чувствовал себя совсем больным. Фельдшер небрежно осмотрел его и велел итти в околоток.

Шатаясь от слабости и жара, плохо различая, где он и что с ним, брел Менделе рядом с конвоиром-маджяром. Он увидел, что перед бараком, в который его ведут, несколько человек укладывают в ряд какие-то длинные ящики, сколоченные из свежего теса, и понял, что это гробы. Стало страшно. Но тут же полное безразличие к гробам, и к самому себе, вытеснило страх. «Все равно», — подумал Менделе, входя в какую-то длинную комнату, в которой громко и надоедно жужжали мухи.

Он очнулся ночью. Под потолком горела матовая электрическая лампа. Хотелось пить, в висках стучало... Он нащупал рядом, на столике, кружку с водой, отпил несколько глотков и опять впал в беспамятство.

Потянулись бесконечные длинные ночи и дни. Изредка Менделе приходил в себя и лежал неподвижно, безучастный к кашлю и стонам, раздававшимся со всех сторон. Его мучила жажда, но не всегда доставало сил протянуть руку к столику, где была приготовлена вода. Раза два или три он замечал склоненную над собою фигуру врача или фельдшера, но не понимал, что нужно от него этим людям, и не разбирал их слов... Он закрывал глаза. Снова начинался бред.

В первый раз очнулся Менделе по-настоящему ранним утром, на заре.

Он увидел дощатые стены и потолок, кровати, тянувшиеся рядами, и вспомнил, что болен, лежит в лагерном бараке. Он услышал за настежь раскрытым окном бойкое чирикание птиц. Легкий ветер, лившийся в окно, коснулся его лица... Ему стало безотчетно легко на душе, и радостные слезы потекли по его щекам.

— Пить... воды! — услышал он хриплый прерывистый голос.

Рядом, на соседней койке, лежал обросший короткой полуседой бородой скелет. Менделе дрожащей от слабости рукой протянул ему кружку. Он жадно припал к ней, расплескивая воду, повалился на подушку и прохрипел:

— Спасибо, братец.

Но Менделе уже спал.

Он проснулся через несколько часов, окрепший, бодрый, и с любопытством стал смотреть по сторонам. Большинство больных не спало, иные из них разговаривали друг с другом. Барак был большой, светлый, весь залитый ярким летним солнцем.

Вскоре в палату вошли санитары. Они разносили по койкам кружки с какао. Менделе тоже получил кружку — каждый глоток горячего, пахучего непостижимо-вкусного питья вливал в истощенное болезнью тело новые силы.

Вдруг Менделе заметил, что по бараку идут санитары с носилками. Они направились к соседней кровати, на которой лежал больной, недавно просивший у Менделе воды. Он был мертв и санитары пришли за ним.

Менделе быстро поправлялся. Вскоре его организм настолько окреп, что ему позволили выходить на прогулку.

Первым делом он отыскал Акимыча и Габрелева. Для этого ему пришлось обойти больше десятка бараков. Друзья, уже не чаявшие видеть Менделе в живых, радостно встретили его и с тех пор каждое утро приходили к околотку, чтобы встретить своего выздоравливающего товарища и вместе с ним побродить по лагерю.

Многое в жизни лагеря напоминало Вадовицу — та же грязь и теснота, та же разница между солдатскими и офицерскими бараками, тот же постоянный голод. Главное отличие от Вадовицы состояло в том, что кроме русских здесь были собраны пленные и других национальностей. На работу пленных почти не гоняли, и они группами бродили по баракам в поисках еды.

Однажды друзья увидели перед лагерной кухней нескольких человек, которые стояли у канавы, куда стекали кухонные помои, и собирали в свои котелки всякие отбросы. Среди них были русские, румыны и сербы.

— Что же это вы делаете, братцы? — стал укорять несчастных Акимыч. — Ведь эту дрянь и есть-то нельзя...

— Эй ты, толстомордый, чего людей травишь?— крикнул Габрелев стоявшему у окна краснорожему, потному повару в грязном, как солдатская портянка, колпаке.

— А тебе какое дело? — нагло ухмыляясь, ответил повар. — Пусть собирают, ведь мы для свиней выбрасываем.

Габрелев, не помня себя от бешенства, вырвал из рук ближайшего пленного-серба котелок, наполненный помоями и свекольной ботвой, и швырнул в лицо своему врагу.

Тот, размахивая скалкой и изрыгая ругательства, кинулся было из кухни, — но, очевидно, сообразил, что одному ему не справиться с пленными, и повернул обратно.

Акимыч едва уговорил разъяренного, рвавшегося в бой Габрелева уйти.

Друзья направились в свой барак.

Кроме русских в бараке содержалось несколько

итальянцев. Между ними шел горячий спор. Туринец и римлянин доказывали, что лучшие бойцы — римляне и неаполитанцы. Маленький худенький сицилианец возражал им и говорил, что сицилианцы самый революционный народ.

Румяный с черными усиками туринец Бартело по-немецки рассказал Габрелеву, о чем идет спор, и попросил рассудить их.

— Неаполитанцы, это все равно, что в России казаки, — ответил Габрелев, — отсталые малокультурные, они храбро дерутся на фронте, но не знают, за кого и за что проливают кровь.

Бартело, недовольный таким ответом, воскликнул:

— О! Вот идет сеньор капеллано, мы сейчас спросим у него.

К пленным подошел высокий бритый патер в черной сутане.

— Все вы дети одного бога, — заговорил он, выслушав туринца. — Нельзя ссориться, нужно молиться, чтобы война поскорее кончилась победой итальянского народа...

Никто не хотел выслушивать его проповедь, и все разошлись по бараку. Около капеллана остался один Бартело.

В другой раз Менделе был свидетелем спора солдат с каким-то штабс-капитаном, зашедшим в барак.

— Все равно Россия войну проиграет, — твердил старший по бараку Рабинович, работавший до призыва в армию на лодзинской текстильной фабрике.

Офицер сердито смотрел на него сквозь очки и отвечал:

— Оступление нашей армии временное...

— Хорошо временное!

— Конечно. И объясняется оно многими причинами.

Если бы снарядов у нас было достаточно, мы бы давно оккупировали всю Австрию.

— Мало ли что могло быть! — возражал Рабинович. — Главное, война всем надоела, солдаты не хотят воевать.

Пленные, обступившие спорщиков, одобрительно зашумели. Но офицер не слушал их и упорно продолжал, все больше и больше раздражаясь:

— Главная причина неудачи нашей армии в снабжении. Ну, конечно, и изменников, помогавших врагам, было тоже достаточно. Все жиды изменники...

— А когда жиды не были виноваты? — вмешался в спор Менделе. — Столыпина убили — жиды. Войну объявили — опять жиды... Может быть, жиды виноваты в том, что вы в плен попали?

— Ха-ха-ха! — заревел Акимыч. — Вот это здорово!

Красный от злобы и смущения офицер повернулся и медленными шагами пошел к выходу. Кто-то пронзительно свистнул ему вслед, другой насмешливо крикнул:

— Заходите, ваше благородие, почаще, гостем будете!

Австрийцы-конвойные равнодушно глазели на эту сцену — стычка солдат с офицером их не касалась.

Взволнованный спором Рабинович, вместе с Менделе и Габрелевым, вышел из барака.

— Да, здесь можно было бы поработать среди пленных как следует, — говорил он.

— Не только среди пленных, — возразил Менделе, — но и среди австрийцев.

— Конечно, конечно.

Вскоре Менделе выписали из лазарета, и он поселился в одном бараке с товарищами.

Здесь подобралась крепкая группа солдат, намеревавшихся повести в лагере систематическую агита-

ционную работу. Рабинович предложил связаться с другими лагерями и даже поговоривал о газете, которая могла бы обслуживать русских военнопленных в Австрии.

Но этим планам не суждено было осуществиться.

Всех пленных, небольшими группами прибывавших в лагерь за последнее время, в том числе Менделе, Габрелева и Акимыча, собрали в одну партию и перебросили из Шамории в Иосефштат.

Партию, в которой насчитывалось больше пятидесяти человек, поместили в пустой, считавшийся пересыльным барак № 7.

Едва успели пленные разобрать свои вещи и устроиться на нарах, как снаружи послышались дикие крики:

— Обед! Обед!

Изо всех бараков, с котелками в руках, выбегали солдаты и мчались к кухне с такой быстротой, точно позади них рвались снаряды. На обед выдавали черпак густой каши из картофеля, смешанного с кукурузной мукой.

Вечером снова раздались крики: — Ужин! Ужин! — и опять все ринулись бегом занимать очередь.

Еде вечно голодные пленные придавали, как и повсюду в лагерях, значение чрезвычайно важного события. О завтраке, обеде или ужине говорили охотно и с наслаждением; о еде мечтали и ждали ее с нетерпением.

Находились чудаки, которые чуть ли не с полуночи дежурили подле кухни, чтобы первыми получить завтрак.

Первый день вновь прибывших не беспокоили. Зато на следующее утро всех их погнали на самую грязь-

ную работу — с ассенизационным обозом, вывозить нечистоты из городских казарм, в которых стоял какой-то пехотный полк.

Менделе был рад даже этой работе, потому что благодаря ей имел возможность осмотреть город.

Городок был крошечный, и жителей в нем было меньше, чем пленных в лагере.

С завистью смотрел Менделе на свободных людей, проходивших по миниатюрным уличкам, площадям и скверам. Среди прохожих преобладали женщины, из мужчин были одни старики. Поражала чистота этих маленьких, точно игрушечных, уличек — после них грязь и теснота барака казалась еще более отвратительной.

Впрочем, особенно грязным был один только седьмой пересыльный барак. В остальных помещениях было много чище — на нарах лежали, заменявшие постели, соломенные маты, старшие по баракам следили за порядком, и с них строго взыскивалось за неподметенный пол или недостаточно аккуратно прибранные вещи.

Жилось «постоянным» пленным тоже легче. Многие из них имели работу в городе, где-нибудь в мастерской или на пивном заводе, и получали за это жалованье. Остальные под всякими предлогами оставались в бараках — читали евангелие, широко распространявшееся администрацией среди пленных, или сидели в одном белье и, чтобы не попасть на работу, делали вид, будто заняты починкой белья.

Несколько бараков были заняты больными и инвалидами, в большинстве уже в плену потерявшими здоровье и трудоспособность.

В бараке № 28 жили больные туберкулезом. В их помещение было страшно войти — живые скелеты не-

подвижно лежали на нарах, и только у немногих хватало сил, чтобы передвигаться самостоятельно.

Каждый день санитары выносили из этого барака трупы умерших.

Здоровые попадали сюда редко — главным образом спасаясь от конвоиров, выгоняющих очередную группу на работу.

Однажды вместе с другими пришлось прятаться у туберкулезников и Менделе.

— Я знаю, мне все равно уже не увидеть родины,— сквозь тяжкий хрип говорил ему один из больных.— А все это сделал плен. Если бы не работа в каменоломнях, я был бы здоров до сих пор...

Он закашлялся и долго не мог отдышаться.

— Все больные нашего барака, — продолжал он, утирая слезы, — это одна партия. Мы были в Албании, недалеко от Дураццо... А сколько наших товарищей погибло там!..

Следующий барак № 29, в котором Менделе тоже пришлось побывать, был населен инвалидами — тяжело ранеными, безрукими и безногими. Они тоже готовы были жаловаться каждому новому человеку, зашедшему к ним.

— Попали в плен здоровыми, а здесь стали калеками, — говорил один.

— Кто не был в Тироле, тот еще не знает, что такое плен, — прибавлял другой. — Здесь, в лагерях, живут припеваючи и еще жалуются... А вот попробовали бы поработали в Альпах.

— Сами себя калечили, только бы вырваться, — рассказывал третий. — Кому охота мучиться или гибнуть... Счету нет, сколько народу погибло под лавинами с голоду и холоду.

Кроме туберкулезных и инвалидных бараков, были еще бараки сплошь занятые слепыми, сумасшедши-

ми, нервно-больными, отравленными газами... Тяжелей всех приходилось отравленным — они рвали на себе гниющее, смердящее тело и молили убить их, чтобы смерть принесла избавление от нечеловеческих мук.

Кроме русских и итальянцев в Иосефштате содержались также французы, бельгийцы и англичане.

Все они жили отдельно от русских и совсем в других условиях. На работу их не посылали вовсе, обращение со стороны конвоиров было вежливое. Их часто водили на прогулку в город, иногда отпускали в театр. Обед им выдавался из двух блюд. Кроме того, многие регулярно получали продуктовые посылки.

Все это возбуждало у русских солдат зависть и ненависть к «союзникам», не меньшую, чем к офицерам.

— Что же это такое? — негодовали русские солдаты. — Живут как баре... Видно, с деньгами и в плену сладко.

Многие русские мыли полы в бараках французов, бельгийцев и англичан, стирали им белье и всячески старались услужить, получая в виде платы остатки обедов и затраков.

Несколько хуже, но все же неизмеримо лучше русских жили итальянцы, получавшие в посылках рис, сахар, галеты и т. п. Впрочем, среди них были и бедняки, тоже терпевшие всяческие лишения и соглашавшиеся на любую работу из-за лишнего куска хлеба. Особенно много было итальянцев-парикмахеров, они целыми днями в поисках заработка ходили по лагерю с ножницами и бритвами наготове.

Однажды вечером, выстроившись перед кухней за получением ужина, пленные с удивлением увидели, что вместо двух-трех картофелин, выдававшихся обычно

каждому, выдают суп, хлеб и, кроме того, еще по кусочку колбасы.

Никто не мог понять, в чем дело.

— А-а, это потому, что завтра воскресенье! — воскликнул Габрелев.

— Ну, и угадал! — рассмеялся Акимыч. — Что же, тебе каждую субботу колбасу выдают, что ли?

— Чудеса!

Неожиданная щедрость австрийцев так и осталась загадкой.

Но «чудеса» продолжались: когда пленные разошлись по баракам, их, несмотря на позднее время, заставили мыть полы и нары.

На утро, за завтраком, опять выдали хлеб и колбасу.

— Что же это значит? — ломали головы пленные.

К обеду горнист проиграл сигнал, и пленных выстроили в две шеренги во всю длину улицы.

Только тут все объяснилось: оказалось, в лагерь прибыл окруженный духовенством испанский консул и какая-то высокопоставленная чета русского происхождения.

Гости прошли вдоль рядов, с любопытством разглядывая грязных, оборванных, заросших бородами солдат. Изредка кто-нибудь спрашивал — часто ли бывает в бараках священник, молятся ли пленные богу или еще что-нибудь в этом роде.

Вскоре гости покинули лагерь, и все опять вошло в свою колею.

ПОБЕГ ИЗ ИОСЕФШТАТА

— Ребята, кто хочет уйти на волю?

Желающих нашлось немало — вокруг коренастого широкоплечего Алеши Курского, предложившего бежать, собралась группа человек в пятнадцать.

— Как же вы думаете выйти из лагеря?—спросил Менделе.

Алеша вполголоса ответил:

— Нужно сделать подкоп.

— Это долгая возня, — неодобрительно сказал Менделе.

— Если хотите бежать, надо придумать что-нибудь другое, — со своей стороны заметил Габрелев.

— Посмотрим!

Менделе и Габрелев вернулись к Акимычу, лежавшему на нарах.

— Чего это они там? — лениво спросил бородач.

Менделе рассказал. Акимыч только рукой махнул:

— Ладно, пускай стараются, наше дело маленькое...

Решившиеся на побег, между тем, уже принялись за работу. Алеша отодрал от нижних нар три доски, пролез под нары и подавал оттуда наполненные землею котелки. Остальные выносили землю и бросали в уборную.

Быстро смеркалось. День был пасмурный, а к ночи нагнало тяжелых дождевых туч, и скоро дождь уже забарабанил по крыше.

Все пленные, гулявшие перед сном по улицам лагеря, возвратились в бараки. Часовые, состоявшие из стариков-ландштурмистов, перекликались друг с другом со своих сторожевых вышек.

— Ну и льет! — говорил, отряхиваясь, Габрелев. — Прямо потоп!..

Действительно, дождь лил все сильнее — на улицу страшно было показаться. Но Алеша и его товарищи решили бежать во что бы то ни стало.

— Вот и хорошо, что дождь, — говорил Алеша, — его-то нам и надо... Теперь можно и без подкопа махнуть.

Он и еще двое пленных по очереди вышли из бара-

ка, двери которого не запирались на ночь. Никто из них уже не вернулся назад.

На утро о бегстве трех пленных из седьмого барака стало известно всему лагерю. Австрийцы жестоко избили палками почти всех обитателей барака, и на этом дело окончилось.

— Что ж, пора собираться и нам, — сказал Менделе.

Погода была попрежнему пасмурная, тучи медленно ползли над самой землей, дождь то припускал, то переставал, — все благоприятствовало бегству. Акимыч задумался, долго сидел, почесывая бороду, и, наконец, решился:

— Попробуем.

Было решено всем вместе итти на работу в город и пытаться бежать оттуда.

— Вещи, какие можно, с собой захватывайте, ребята, — распоряжался Акимыч.

— Ладно, без тебя знаем.

После обеда партия в пятнадцать человек была отправлена на работу в город.

Пленным выдали со склада лопаты, тачки, тележки, и все они приступили к уборке городской площади и прилегающих к ней улиц.

Менделе внимательно присматривался к переулкам, к каждому домику и двору. Но все в городе было в образцовом порядке, и скрыться было негде, — если и попадешь на дворик, выход из него один, обратно на улицу: а улицы и переулки тщательно охранялись конвоирами, которые, после ночного побега, не спускали глаз с русских.

— Ничего у нас, ребята, не выйдет, — сказал Менделе товарищам, — городишко такой паршивый, что в нем и мышь не спрячется.

— Да, — мрачно согласился Акимыч, — с работы не уйти...

Улицы Иосефштата содержались в такой чистоте, что убирать их было, собственно, незачем. Пленные хмуро скребли лопатками и метлами мостовую, проклиная в душе это бесполезное занятие. Стал накрапывать мелкий холодный дождик. Все обрадовались, когда их повели в лагерь.

— Опять седьмой барак, чтоб тебя разорвало! — выругался Акимыч.

В бараке было темно, холодно. На верхних нарах лежали пленные и лениво пели какую-то хоровую песню.

— Эх, зря мы не пошли с Алешкой, — жалел Габрелев.

О побеге в ближайшие дни нечего было и думать. Однако, друзья крепко решили так или иначе распроститься с Иосефштатом и все время обдумывали новые планы. Они убедились, что бежать можно только из самого лагеря. Но как? Главным препятствием служил общелагерный караул — часовые стояли на специальных вышках, с которых им хорошо были видны все «улицы» и «переулки» лагеря. Второй преградой к свободе была изгородь из высоких столбов, сплошь опутанных колючей проволокой. Единственным верным средством, таким образом, был подкоп, достаточно длинный, чтобы беглецы могли выбраться за пределы лагеря.

Подкоп продолжался. Но друзья все же решили не дожидаться конца работ, которые могли затянуться надолго, так как землю приходилось выносить в уборную в котелках и карманах буквально горстями. Им не хотелось ждать. Они предпочитали попытать счастья — рискнуть пробраться через проволочные заграждения, рассчитывая на ночную темноту и старче-

скую невнимательность часовых. Ведь удался же побег Алешки.

Прошло несколько дней.

Наконец выдалась темная пасмурная ночь. Сразу же после ужина все было подготовлено — вещи собраны, товарищи предупреждены. Когда лагерь угомонился, друзья, один за другим, выбрались из барака и спрятались за углом.

Все было спокойно, только ветер шумел, яростно обрушиваясь на засыпающий лагерь, да раздавались голоса часовых, перекликавшихся со своих вышек друг с другом.

— Идем, — шепнул Габрелев.

Газовые фонари раскачивались под порывами ветра, бросая в ночь бледный неверный свет. Прячась в тень, друзья перебегали от барака к бараку. Иногда им казалось, что их заметили, и они ложились, затаив дыхание, прижимались к земле. Убедившись, что тревога напрасна, они двигались дальше — то бегом, то ползком... Они сами не верили своей удаче, когда достигли последнего барака.

Дальше, за изгородью, начинался широкий выгон, поля.

— Боязно... вдруг увидят? — вполголоса произнес Акимыч, прислушиваясь к голосам караульных.

— Все равно уж, — ответил Менделе, — валяй...

Акимыч лег на землю и пополз. Менделе и Габрелев с напряжением следили за ним... Вот он, едва заметный даже на таком близком расстоянии, уже у самой изгороди приподнялся на колени и возится с проволокой, стараясь раздвинуть ее... И вот он уже пролезает на другую сторону.

Вторым двинулся Менделе. Акимычу удалось отогнуть проволоку и проделать в густой сети ее небольшую лазейку. Острый шип оцарапал Менделе щеку,

другой зацепил за гимнастерку и порвал ее... Но еще одно усилие — и Менделе на свободе, вслед за Акимычем быстро бежит на четвереньках по грязной земле.

Через некоторое время появился запыхавшийся Габрелев. Ему не повезло — он так застрял в колючках, что, выдираясь, изорвал на себе всю одежду. Он тут же переоделся, спрятав лохмотья в вещевой мешок, и все трое не говоря ни слова, быстрым шагом двинулись через выгон.

Вскоре лагерь остался позади. Его огни едва заметно мерцали в темноте.

— Куда же мы теперь? — первым нарушил молчание Габрелев.

— Прямо, а там видно будет.

К рассвету друзья выбрались на широкое шоссе. Вокруг расстилались поля почти спелой пшеницы и клевера. Было попрежнему ветрено, но ветер разогнал тучи, и день предстоял ясный, солнечный.

Впереди виднелась деревня. Беглецы побоялись войти в нее и обошли стороной, узкими полевыми дорогами. Когда они снова вернулись на шоссе, их стали обгонять крестьянские подводы. Скрыться было некуда, и беглецы продолжали итти как ни в чем не бывало. Крестьяне, с вилами и граблями в руках, сидевшие на возах, снимали свои соломенные шляпы и приветливо кланялись. Им, очевидно, не было никакого дела ни до русских, ни до того, куда они идут.

Это придавало беглецам смелости, и они остановили одну из подвод.

— Как нам пройти на ближайшую станцию железной дороги? — по-чешски спросил Габрелев старика-подводчика.

Тот не только показал направление, но угостил друзей табаком и дал им хлеба и сала.

Распрощавшись с ним, друзья свернули с шоссе и, как советовал старик, пошли проселком.

Вечер застал их сидящими в кустах перед железнодорожной насыпью. Мимо быстро катил товарный состав.

— Вот, сесть бы на такой товарный поезд и ехать, — сказал Габрелев.

— За чем же дело стало? — ответил Менделе. — Нужно попробовать, может быть удастся.

Отдохнув, друзья пошли вдоль линии. Солнце село, быстро смеркалось. Когда совсем стемнело, впереди замелькали огни. Станция, должно быть, была большая — если судить по количеству огоньков. За ней начиналось богатое местечко или даже город.

Беглецы подошли поближе к станции и, прислушиваясь к гудкам маневрирующих паровозов, стали обсуждать положение. Решили, что Габрелев, лучше других изучивший в лагере чешский язык, отправится на разведку и попытается разузнать, когда пойдет поезд по направлению на восток, в Галицию.

Менделе прилег на землю и сам не заметил, как задремал.

Акимыч сидел рядом с ним, дожидаясь возвращения Габрелева, однако время шло, а его все не было.

Встревоженный Акимыч разбудил Менделе:

— Как быть?.. Видно, Габрелева задержали.

Но тут появился сам «задержанный».

— Ребята, знаете, куда мы попали? — первым делом сказал он. — Обратно в Иосефштат!.. Старик нам ничего не сказал, а шли мы другой дорогой и ничего не заметили.

Затем Габрелев сообщил, что через час должен отойти товарный поезд на Краков.

— До чего, все-таки, чехи хорошо к нам относятся, — рассказывал он; — Я говорил с одним железно-

дорожником, так он на все мне ответил — и когда поезд, и где остановится... А ведь он видел, что я военнопленный, и мог бы донести жандарму или просто задержать меня.

Вскоре послышался свисток и показались фонари подходящего поезда. Беглецы покинули канаву, служившую им убежищем, и прокрались почти к самому вокзалу.

На запасном пути стоял длинный товарный состав.

— Скажите, куда идет этот поезд? — по-чешски спросил Габрелев проходившего мимо с фонарем в руках железнодорожного служащего.

— До Кракова, — последовал вежливый ответ.

Друзья почти бегом пустились вдоль вагонов и, обнаружив среди них платформу, немедленно забрались на нее.

Платформа была загружена новенькими, прикрытыми огромным брезентом бричками, от которых еще пахло краской и лаком.

Беглецы забились под брезентом и улеглись между колесами экипажей, дожидаясь отхода поезда.

Ждать пришлось недолго — раздался протяжный гудок, лязгнули буфера, и колеса все быстрее застучали по рельсам.

— Поехали, — задумчиво сказал Габрелев, — а куда?.. В России делать нечего, все равно пошлют на фронт. А здесь, в Австрии, долго не проживешь, рано или поздно поймают.

— Так зачем же тебе нужно было бежать? — спросил Менделе. — Сидел бы себе в Иосефштате.

— Если и поймают, все равно приятно хоть день побыть на воле, — прибавил Акимыч.

Но Габрелев точно не слышал их слов.

— Который раз бегу из плена, — говорил он, —

а сам не знаю зачем... И когда этой проклятой войне конец придет?

— Это уже другой вопрос, — сказал Менделе. — Я, например, тоже чуть ли не в десятый раз бегу, — продолжал он, — а разве я не знаю, что австрийцы меня все равно изловят?... Ну и пусть ловят! Хуже не будет... А может быть и лучше — вспомни хотя бы Кшемене, разве нам там плохо было?

— Это верно, — согласился Габрелев.

— Ну вот... А если так, значит не нужно ныть, — закончил Менделе. — Спокойной ночи.

Через несколько минут все трое спали крепким сном.

Разбудили их громкие голоса разговаривающих по-немецки людей. Друзья проснулись и с ужасом убедились, что поезд стоит неподвижно и по их платформе, переговариваясь, ходят люди.

Менделе едва удержался от вскрика — на его руку наступил чей-то тяжелый сапог. Стиснув зубы, он молчал, хотя и понимал, что сейчас их все равно обнаружат — с платформы уже стаскивали большой брезент.

Человек, отдавивший руку Менделе, шагнул в сторону и наступил на голову Акимычу. Бородач взвыл, брезент тотчас же съехал в сторону, и беглецы увидели перед собой толстого австрийца, в черном драповом пальто.

Выпучив от удивления глаза, австриец смотрел на русских.

Наконец закрученные усы его зашевелились и он разразился хохотом.

— Хорошо тебе смеяться, — бормотал Акимыч, вылезая из-под брички и вытирая кровь, текущую из носа по усам и бороде, — всю харю исковеркал...

Публика, ожидавшая на перроне вокзала пассажирского поезда, с любопытством смотрела на русских

пленных, которых вели в комендантскую. Многие сочувственно улыбались.

Комендант тоже встретил беглецов улыбкой — приветливо поговорил с ними и велел накормить горячим завтраком.

Через час все трое возвращались в Иосефштат.

...Снова лагерь, снова седьмой барак, карцер в наказание за побег — старая, давно надоевшая песня...

В ДЕРЕВНЕ

Все же, в скором времени, друзья распрощались с иосефштатским лагерем. Им посчастливилось попасть в одну из групп, подбиравшихся для отравки на постоянную работу, и в числе других пятнадцати человек, они оказались в большой чешской деревне Дубицко.

Группа была отдана под начало и охрану Карла Линке, старого доброго солдата, напрасно старавшегося придать своему морщинистому лицу грозное, начальственное выражение — как ни хмурил он брови, как ни закручивал седые усы, никто из русских его не боялся. Для него сразу же придумали кличку «папаша».

Обливаясь потом и пыхтя, как паровой насос, он распределил пленных среди наиболее зажиточных хозяев, которые нуждались в работниках, сообщая каждому, что вечером, после работы, русские должны возвращаться в «штаб-квартиру» — большую, оборудованную нарами халупу посреди деревни.

— Дас ист мейне «экскорт компани», — шутил он, похлопывая по плечу то одного пленного, то другого.

Менделе попал в небольшую семью, состоявшую из стариков-родителей и взрослого неженатого сына, по болезни освобожденного от призыва в армию.

Дома была одна хозяйка. Она приветливо встретила Менделе, накормила его обедом, напоила молоком и уложила спать. В этом, на первых порах, заключалась вся «работа», и только вечером, когда вернулся с поля хозяин, Менделе пришлось задать корм лошадям.

После ужина младший член семьи Ян, согласно инструкции, отвел Менделе в «штаб-квартиру».

Все пленные были в сборе. Карл Линке сидел среди них на нарах и принимал участие в общей беседе, к которой присоединился и Менделе.

Пленные делились впечатлениями своего первого рабочего дня и трунили над коренастым краснощеким Антошкой Волковым, который попал в дом одинокой молодой вдовы Маришки.

— Чего уж, брат, сознавайся, в хозяева метишь...

— Погоди, муж ее вернется с фронта, он тебе намнет бока!

— Да ведь мужа-то у ней нет! — говорил Антоша.

Но пленные не унимались:

— Может, ты нас в гости к себе позовешь?

Антоша не отвечал и только улыбался, хитро щуря черные ярославские глаза.

Худой, бледный Лещинский рассказывал о лагере Рейхенберга, где он пробыл несколько месяцев. Жилось в этом лагере еще тяжелей, чем в Иосефштате — кормили плохо, заставляли много работать; офицеры, толмачи и старшие по баракам пользовались всяческими привилегиями... Но все это хорошо было знакомо каждому, и слушали Лещинского невнимательно.

Вскоре стали укладываться. Первым устроился «папаша». Он постелил большой ворох соломы на пол и лег поперек двери, чтобы никто не мог выйти из халупы, не разбудив его.

На следующее утро, чуть свет, пленные отправились к своим хозяевам.

Вся деревня работала в этот день на огромном заливном лугу, с которого снимали уже третий — последний — укос за лето.

Луг тянулся широкой полосой по обоим берегам реки Моравы, за которой зеленел сосновый лес, а еще дальше, на горизонте синели горы. Трава на лугу была уже скошена. Крестьяне и их работники-пленные сушили сено, сгребали его в валы и затем метали высокие стога.

Среди работающих было много молодых женщин и девушек. Вся молодежь деревни была призвана в армию, и поэтому они охотно знакомились с русскими, которые, пользуясь случаем, любезничали напропалую — видно было, что скоро каждый обзаведется милой. Веселый женский смех, шутки и песни не прекращались до самого вечера.

Пленные, не желая отставать от остальных, работали прилежно, и довольный своей «экскорт компани» Карл Линке решил, что ему нечего делать на сенокосе — вместе со старостой деревни, паном Жвачек, отправился в бир-галле, промочить горло кружкой-другой пильзенского пива, до которого он был большим охотником.

Пан Жвачек, высокий брюхатый и очень важный человек, имел большое хозяйство, но сам не работал — за него отделывались батраки. Поэтому он охотно отправился соревноваться с «папашей» в уничтожении пива: в его брюхе свободно могло вместиться целое ведро.

Постепенно русские все ближе знакомились с местным населением, с его горестями и нуждами.

Своей земли у крестьян было мало — почти все

угодья принадлежали помещикам, которые сдавали луга, пашни и фруктовые деревья в аренду целым обществам или отдельным хозяевам. Благодаря этому большинство крестьян не выходило из долгов.

Между чехами и австрийскими немцами чувствовалась острая национальная рознь, во многом разжигавшаяся искусственно, причем в угнетенном положении оказывались по преимуществу только чехи.

Чувствуя все бесправие и угнетенность, чешское население относилось к войне с полным безразличием а то и с неприкрытой враждебностью. Этим чехи резко отличались от патриотически настроенных австрийцев, напоминая скорей жителей прикарпатской Руси. Точно так же, как галичане и русины, они приветливо относились к русским пленным и были к ним гораздо более дружелюбны, чем к своим же соседям-австрийцам.

— Война нам не нужна, — говорил Менделе его хозяин Вацек. — Может быть, австрийцы что-нибудь и выиграют от нее, а мы только лишнюю нужду терпим... А сколько народу погибло, боже ты мой!... Вот сын у меня младший на фронте — не пишет неделю, так я спать не могу, все кажется — принесут письмо от него... А придет письмо — тоже не легче, ведь сколько времени оно идет, мало ли что может случиться...

Сблизившись с крестьянами деревни, пленные стали проявлять недовольство порядками, заведенными «папашей» Карлом.

Каждому хотелось во время отдыха побыть на свободе, погулять, побеседовать с новыми приятелями.

Не мало было таких, что стремились к девушкам и молодым солдаткам, которые охотно встречались с

русскими и не отказывали им в своей благосклонности.

— Это безобразие, товарищи, — говорил Габрелев, — нас заставляют работать, а на вечер запирают в этот хлев, точно мы лошади...

— Конечно, безобразие, — поддерживали остальные и шутили: — Вот Антоше, например, каково — от собственной молодой жены уходить ему приходится.

Впрочем, скоро пленные научились обманывать «папашу» и благополучно уходить из-под его надзора.

Помогло этому «папашино» пристрастие к пиву — борьба за первенство между ним и паном Жвачеком, очевидно, затягивалась, и оба каждый вечер отправлялись в пивнушку для очередной схватки.

— Ложитесь спать, я скоро вернусь, — говорил пленным Карл, уходя из «штаб-квартиры».

В первый же вечер после его ухода Менделе, Габрелев и Акимыч, державшиеся попрежнему вместе, устроили из своих шинелей подобие чучел, прикрыли их одеялами и ушли.

Они вдоволь нагулялись по деревне, поговорили с крестьянами, побывали на реке и вернулись в свою халупу поздней ночью. Однако, Карла все еще не было. Отсутствовали также двое пленных и среди них Антошка — вместо себя они, по примеру Менделе, Габрелева и Акимыча, оставили свернутые шинели.

Папаша явился сильно под хмельком.

— Ейн, цвей, дрей, — считал он пленных, не разбирая, где лежат живые люди, а где манекены.

Он отхлебнул из бутылки несколько глотков и стал укладываться бормоча:

— Алес ист ин орднунг...

В воскресенье пленные были свободны. Вместе с Карлом они отправились за реку, в лес. День был

жаркий — настоящее бабье лето — и после прогулки все решили выкупаться.

Карлу скоро надоело смотреть на барахтающихся в воде людей. Он самым строгим тоном, на какой только был способен, приказал им поскорее возвращаться в «штаб-квартиру», а сам отравился знакомым путем в бир-галле..

Само собой разумеется, никто и не подумал исполнить его приказание.

Пленные рассыпались по деревне. Менделе, Габрелев и Акимыч, к которым присоединился еще Лещинский, отправились к старому Вацеку. Перед домом, греясь на солнце, сидели сам хозяин и несколько человек крестьян — среди них учитель из соседней деревни.

Учитель агитировал против немцев и находил, что лучше всего будет, если Россия выиграет войну и оккупирует Австрию.

— Только тогда нам будет легче жить, — говорил он.

Менделе немедленно затеял спор, доказывая, что никому от победы России легче не станет, но трудно было убедить этого яростного русофила.

— Наши главные враги — немцы, — твердил он, — а русские такие же славяне, как мы.

Акимыч стал на сторону Менделе и стал говорить о помещиках, которые жмут в России крестьян не меньше, чем немцы-помещики чехов.

Лещинский привел в пример своего хозяина Жвачека:

— Ведь он чех, а чем он лучше любого богатого немца. Также отыгрывается на труде батраков, а сам только и делает, что пьет пиво.

Все сразу замолкли — никто не хотел говорить о всесильном старосте, тем более, что он показался

вдали, не очень твердо ступая по середине улицы, рядом с Карлом.

Последние теплые дни уходили. Желтые листья падали на землю, по-осеннему шуршали под ногами. В поле убирали последние яровые и начинали пахать.

Как-то, возвращаясь с пахоты, шагая вслед за двухлемешным плугом, в который была заложена пара лошадей, Менделе разговорился с Акимычем.

— Не надоело тебе еще здесь? — спросил бородач.

— Нет, ничего... Жить можно.

— А я, брат, что-то соскучился... Все тянет куда-то, не могу на месте усидеть. Домой бы, к себе, пахать. Баба моя, небось, совсем замучилась.

— Дома, пока война не кончится, делать нечего. Вернешся, а тебя опять в окопы.

— Это верно... А все-таки мне здесь не жить.

— Да чем же здесь плохо?

— Скучно, не сидится.

Менделе умолк и задумался. Ему тоже было знакомо это чувство непоседливости — в плену, после нескольких побегов и вечных переездов с места на место, он привык к постоянной перемене обстановки, как заправский бродяга.

— Что ж, я не прочь, — сказал он. — Только не сейчас. Начнется зима, итти трудно... Надо переждать до весны, до февраля.

— Ладно.

Габрелев, которому Менделе рассказал о своем разговоре с Акимычем, предложил постепенно готовиться к бегству — сушить сухари и запасать все необходимое в дороге. Остальные согласились с ним.

Между тем на вольности пленных обратила внима-

ние полевая жандармерия. Карлу дали нагоняй, и он опять стал строже относиться к своей «экскорт компани», запрещая по вечерам выходить из халупы. Никто не обращал внимания на его слова. Тогда к пленным стали применять штрафы, но и это не помогло, тем более, что крестьяне дружно становились на защиту пленных.

Особенно горячилась Маришка.

— Всех мужчин на войну забрали,—кричала она,— мужа убили, а теперь и Антона хотите забрать?

Антоша очень привязался к этой молодой красивой и смелой женщине. Он и не думал о побеге и больше всего боялся, что его оторвут от Маришки.

— Смотри, обратно в лагерь попадешь, — угрожал «папаша».

Но никто не боялся этого старого доброго человека и не верил его угрозам.

Наступила зима, бесснежная, дождливая, туманная и ничем, собственно, не отличающаяся от осени.

Пленные попрежнему работали у своих хозяев — молотили хлеб, рубили в лесу дрова, задавали корм скотине. Менделе с сыном хозяина Яном несколько дней возили свекловицу на сахарный завод. В свободное время многие занимались плетением колечек из конского волоса и продавали их местным красавицам.

Акимыч совсем заскучал. Он даже не принимал участия в излюбленном пленными хоровом пении, слушать которое, по вечерам, собиралась чуть ли не вся деревня. Все чаще и настойчивее напоминал он о побеге, говорил о России. Он ревниво следил за тем, чтобы товарищи запасали сухари, и сам, кроме сухарей, собирал сахар, кофе, спички и т. д.

Медленно текло время,— неделя за неделей, серые,

однообразные, как туман, которым окутаны были мокрые поля и луга.

И вот, наконец, пришла весна, а с нею — неожиданные вести о России.

РЕВОЛЮЦИЯ

Разлившаяся река Морава давно вошла в берега. Деревья оделись зеленью.

В поле сеяли поздние яровые. Стояли теплые апрельские дни, и земля оживала под жаркими солнечными лучами.

В воскресенье свободные от работы пленные сидели на улице перед своей «штаб-квартирой» и лениво переговаривались.

— Смотрите-ка, ребята, учитель идет, — сказал Антоша.

Учитель подошел и снял шляпу, приветствуя русских.

— Что это вас так давно не видно?—спросил Менделе.

— В Праге был. У меня там жена лежит в больнице.

— Ну, что нового?

Учитель изумленно поглядел на Менделе.

— Как что?.. Разве вы не знаете, что происходит у вас в России?

Все насторожились.

— Вас, — продолжал учитель, — должны скоро отправить на родину, по домам...

— Почему?

— В России революция. Царь отрекся от престола, теперь Керенский — президент республики.

Менделе несколько секунд ошалело молчал. В России республика!.. Это было так неожиданно, невероят-

но, что не умещалось в сознании. Не помня себя, Менделе накинулся на учителя, тормошил его и засыпал десятками вопросов сразу. Но тот и сам ничего не знал толком.

— Война продолжается, — говорил он, — австрийская и немецкая армия идет вперед, занимает город за городом... Но раз революция, значит скоро мир.

Менделе нигде не мог найти себе места.

— Что же это такое, — чуть не плача, жаловался он Габрелеву. — В России революция — ты понимаешь, революция! — а мы здесь сидим, даже не знаем ничего... Я больше не могу.

Полтора года пробыл он в плену и ни разу не подумал о бегстве в Россию — он знал, что от возвращения на родину ничего хорошего ждать нельзя. Но сейчас было совсем другое дело. Сердце останавливалось при одной мысли о том, что царское правительство свергнуто и на месте его какое-то другое, конечно же, революционное — ведь иначе не могло быть!

Политическое развитие Менделе было приостановлено мобилизацией. Его оторвали от товарищей и руководителей, а несколько недель работы в революционном кружке дали только самые элементарные познания. В плену приходилось действовать наощупь, руководствуясь не столько революционной подготовкой, сколько чутьем рабочего, на собственной шкуре испытавшего и нищету, и бесправие, и черту оседлости. Это порождало стремление к борьбе, инстинктивную ненависть ко всем правителям мира — к офицерам, чиновникам, помещикам. Но правильного понимания задач революции не было. Всякая революция казалась хороша, и Менделе, не задумываясь над тем, кто такой Керенский, о котором говорил учитель, и какое правительство пришло на смену царю, сразу и бесповоро-

ротно решил: его место в России, среди товарищей. Он должен был бежать — немедленно, сегодня же.

Обрадованный этим решением, Акимыч пошел упаковывать заготовленные на дорогу продукты, а Менделе отправился к своему хозяину Вацеку.

Он рассказал старику о перевороте в России и добавил:

— Я больше не могу здесь оставаться. Сегодня же ночью мы уходим... Смотри, только никому об этом не говори.

Старик с грустью посмотрел на Менделе, которого он искренне полюбил.

Слеза поползла по его небритому морщинистому лицу.

— Что ж, ступай, — сказал он. — Может быть, и вправду скоро мир, и тогда мой сын вернется домой.

Он дал Менделе на дорогу пятьдесят крон, старуха-хозяйка — хлеба и масла.

— Прощайте, не поминайте лихом!

Пожав старикам руки, Менделе пошел дальше. Посреди деревни он встретил Карла Линке и крикнул ему:

— Гер Карл, пойдемте, выпьем за российскую революцию!

Он отвел ничего не понимающего старика в пивную, в которой обычно собирались чехи-крестьяне, не признававшие жизни без пива и «парки» — горячих сосисок.

— Данке шейн! — благодарил Карл, допивая второй бокал.

К столу присел староста. Оставив приятелей за новыми кружками черного пива, Менделе побрел к землякам.

Навстречу ему попалась Маришка.

— В России революция, — объявил ей Менделе, — скоро Антоша уезжает домой.

— Ну нет, он не поедет, — смеясь, ответила женщина, — ему и здесь хорошо.

— Что ж, желаю вам счастья!

В «штаб-квартире» пленные оживленно толковали о революции, о мире, о возвращении на родину.

— Тебе письмо! — услышал Менделе голос Габрелева.

Оказалось, из Иосефштата прислали полученную для русских почту. В письмах тоже писали о революции, о новых порядках, о том, что с офицеров снимают погоны... Но, насколько можно было понять, близкого заключения мира никто не ждал — новое правительство стояло за войну до победного конца.

— Как же так? — недоумевал Менделе. — Разве народу нужен этот победный конец?

Но радость была слишком сильна, чтобы сомнения могли вытеснить ее. «Ничего, все как-нибудь устроится, ведь солдаты не захотят воевать, а заставить их никто сейчас не может», — подумал Менделе и в избытке чувств заорал:

— Да здравствует революция!

Вскоре явился Карл Линке. Он не понимал, почему веселятся пленные, и они с трудом растолковали ему, какие события произошли в России.

— Царя больше нет, понимаешь? — говорил Габрелев. — Нужно и здесь, в Австрии, сделать так же.

Карл испуганно замахал руками:

— Эс ист штренг ферботен... Разве можно говорить такие слова?

Его оставили в покое, и он, облокотившись на стол, задремал.

— Ну, как, Лещинский, пойдешь с нами? — спро-

сил Менделе, подходя к лежащему на нарах товарищу.

Тот печально улыбнулся:

— Не могу. Совсем расхворался... Берите мои запасы, вам они больше нужны, чем мне.

Акимыч присоединил сухари Лещинского к своим продуктам и вместе с Габрелевым принялся зашивать плотно набитые сумки.

Выходить беглецы решили поздней ночью и с вечера попробовали прилечь, чтобы отдохнуть перед дорогой. Но волнение было настолько велико, что никто из них не сомкнул глаз.

— Пора! — толкнул Менделе локтем Акимыча.

Осторожно, чтобы не разбудить «папашу», все трое подошли к Лещинскому проститься.

— До свидания, брат, — шопотом сказал Менделе, — когда-нибудь встретимся.

Друзья в последний раз обнялись. Лещинский не мог удержаться от слез—ему трудно было расстаться с товарищами, и если бы не слабость, мешавшая ему двигаться, он, пожалуй, попытался бы тоже бежать, пренебрегая болезнью...

Тихая, теплая ночь омывала землю. В небе переливались звезды. Деревня спала, только в пивной еще горели огни. Беглецы перебрались на другой берег реки и через полчаса уже шли лесом.

Из опыта прежних побегов было ясно, что пробраться незамеченными в поезде невозможно, а рисковать сейчас, когда впереди была определенная цель, никто не хотел. Поэтому было решено итти пешком, избегая населенных мест, благо продовольствия могло хватить надолго.

— Значит, держим путь на Перемышль, а там — до Владимира-Волынска, — сказал Менделе.

— Все равно, лишь бы поскорее дойти до границы, — ответил Акимыч.

Габрелев шел молча, сгорбившись под тяжестью поклажи.

Беглецы давно уже потеряли счет дням и ночам, которые они провели в пути. Все устали, похудели, обувь у всех поизносилась. Но никто не терял бодрости — упрямо и неуклонно друзья продолжали двигаться на восток, ориентируясь по звездам, по восходу и закату солнца.

Шли все время лесом, вброд перебираясь через ручьи и речки. Только изредка приходилось итти полями, чтобы через несколько часов снова углубиться в гущу буковых деревьев. Натыкаясь на участок, засаженный картофелем или кормовой свеклой, друзья старались пополнить свои иссякающие запасы. Бывало, что попадались по пути деревни и помещичьи усадьбы — беглецы старались поскорее обойти их стороной. Иногда они, чтобы не делать большого крюка, отваживались пройти через деревню, но это был немалый риск, и Менделе, как маниак, стремившийся все вперед и вперед, неизменно восставал против такого легкомыслия. Раза два или три издали доносился чуть слышный гудок поезда.

Из осторожности передвигались почти исключительно ночью, хотя это и доставляло тысячи лишних неудобств. Как только всходило солнце, и его лучи пробивались сквозь густую листву, друзья забивались в кусты, завтракали и ложились спать. Стояло теплое сухое лето, и в общем итти было нетрудно.

Как-то ночью, перед рассветом, лес стал редеть. Местность была гористая, друзья спускались в широкую долину.

— Мы, должно быть, давно уже вышли из пределов Чехии, — сказал Габрелев.

— А кто его знает, — отозвался Акимыч, — трудно сказать... Идем долго, может, и в самом деле скоро выберемся.

Менделе, шедший впереди, на ходу повернул голову к товарищам:

— Больно вы скорые!... Прошли мы не больше двухсот километров, и до России еще далеко, далеко...

Акимыч вздохнул и поправил лямки мешка, врезавшиеся в плечи.

— Не заблудиться бы только, — сказал он, — горы кругом, лес... Зайдешь так, что и не выберешься.

— Это верно, — поддержал его Габрелев. — Надо бы держаться поближе к железной дороге.

— Ничего, не заблудимся, — возразил Менделе, — а если будем итти вдоль линии, нас обязательно поймают.

Впереди, совсем недалеко послышался собачий лай.

— Деревня! — воскликнул Акимыч.

Друзья остановились, чтобы посоветоваться, как быть. Отступать назад и искать обхода не хотелось, до рассвета оставалось не менее часа, и можно было пройти деревню незаметно.

— По-моему, не нужно,—советовал Менделе,—давайте лучше повернем в сторону.

Но Габрелев уговорил его. Через минуту друзья выбрались на чистое место и узкой межой, прорезавшей колосящееся пшеничное поле, выбрались на дорогу и вошли в деревню.

Тотчас же на них напали собаки. Большие и маленькие псы выбегали чуть ли не из каждого двора и с лаем шли по пятам за путниками.

— Ну вот видите! — сердился Менделе. — Сейчас кто-нибудь выйдет на лай, а чорт их знает, какие

здесь люди живут, возьмут да и отправят нас на жандармский пост.

— Ничего, ничего! — хохотал бородач, замахиваясь на собак палкой, после чего лай их становился еще более злым и громким.

Он матерно ругал и собак, и всю Австрию до тех пор, пока последний домик деревни не остался позади.

Деревня была большая, и пока выбирались из нее, небо стало уже сереть, окрашиваясь на востоке в мутный розовый цвет.

С каждым шагом становилось все светлее. Дорога вилась полем, и только впереди темнели холмы, покрытые лесом.

Друзья прибавили шагу.

— Будем теперь сидеть среди поля, — ворчал Менделе.

Он шел впереди, и товарищи едва поспевали за ним.

— Вон, влево, видишь, скирда стоит, — сказал ему Габрелев. — Давай устроимся на ней.

Ничего другого не оставалось. Повернули налево и скоро достигли высокого, наполовину разобранного омета пожелтевшей от времени соломы. Очевидно, здесь, среди поля, молотили прошлой осенью хлеб.

Взобравшись на самый верх, друзья выкопали в соломе глубокие норы и устроились с таким комфортом, что Менделе даже совестно стало за свою недавнюю ворчливость.

Некоторое время друзья молча грызли сухари, которых оставалось уже совсем немного, и запивали их водой, из общей фляги. Вдруг недалеко послышался гудок.

— Что за чорт! — удивленно воскликнул Габрелев.

Все трое, как по команде, высунули головы из своих нор и увидели, что сейчас же за полем тянется на-

сыпь, и по ней быстро несется пассажирский поезд. Белый пар струйками выбивался из-под темного туловища паровоза, окна вагонов сверкали в лучах только что взошедшего солнца... Навстречу полз длинный товарный состав.

— Вот видишь, — торжествовал Менделе, — а ты, Габрелев, говорил, заблудимся...

Габрелев не ответил, делая вид, что засыпает.

Вскоре он действительно заснул, а за ним уснули и остальные.

После полуторамесячного путешествия путники решили сделать большой привал, дня на три. Нужно было как следует отдохнуть, выстирать и починить одежду, помыться самим.

Этот отдых среди леса, на берегу быстрой, чистой речушки восстановил упавшие силы, и друзья с новой бодростью двинулись дальше, попрежнему избегая населенных мест и выходя из лесу только для того, чтобы накопать на крестьянском поле картошки.

Несмотря на всю осторожность, беглецам нужно было все же так или иначе узнать, где они находятся. Поэтому они вышли утром из лесу на ближайшую дорогу, засели в кустах и стали дожидаться проезжих.

Ждать пришлось недолго. Вскоре загремели колеса, и из-за поворота показался шарабан, запряженный парой лошадей. В нем сидели молодая сероглазая девушка и седой старик в соломенной шляпе с большими полями.

— Чекай, пан! — крикнул Менделе.

Шарабан остановился. Друзья выбрались из кустов и приблизились к нему.

— Где мы находимся? — спросил Габрелев.

— Сто пятьдесят километров до Кракова, — ответил по-польски старик.

Девушка с удивлением и испугом рассматривала оборванных, обросших пленных. Акимыч улыбнулся ей и сказал:

— Может, у пана есть хлеб?

Старик развязал узелок, вынул небольшую краюху и протянул бородачу.

— Дзенкую! — радостно воскликнул тот, с наслаждением нюхая запах свежего пшеничного хлеба.

— А не слыхали чего, панови, о революции в России? — спросил Менделе. — Как война?

— Что-то слышали, да ничего вам не могу сказать... Война идет большая.

— Ну, прощайте, добрые люди!

Шарабан тронулся вперед, а беглецы повернули обратно в лес.

— Ишь, как ловко попали, — радовался Акимыч,— шли правильно...

— И без компаса! — сказал Габрелев.

Но Менделе был недоволен:

— Нам Краков не нужен, — сказал он, — нужно итти на Львов, оттуда скорее доберемся до границы.

Поднявшись вверх по склону холма, друзья стали искать подходящего места для дневки. Среди деревьев попадались вылезающие из земли острые скалы. Остановившись подле одной из них, Менделе стал снимать свой мешок. Акимыч и Габрелев последовали было его примеру, но услышали впереди чей-то голос и испуганно замерли.

Голос пел по-русски:

По диким степям Забайкалья...

— Наши! — воскликнул Акимыч и заорал: — Эй, ребя-а-та-а!

Песня сразу оборвалась.

— Где вы там, черти-и! — продолжал орать бородач.

Из лесу донесся ответ:

— Зде-есь!.. Давай сюда...

У небольшого костра сидела группа людей. Вокруг огня стояли котелки с каким-то варевом. Рядом, на траве, валялись скатанные шинели, сумки, фуражки.

Беглецы поздоровались друг с другом.

— Откуда идете? — спросил Менделе.

— Из Венгрии, из Мишкольца, — ответил чернявый паренек, с шрамом на лбу, сидевший в одном белье и усердно зашивавший неимоверно грязные солдатские штаны.

Другой, с толстыми, белокурыми усами, которые были гораздо светлей его загорелого обветренного лица, прибавил:

— Уж третий месяц тащимся... А вы?

— Тоже скоро два месяца, — за всех сказал Менделе. — Мы из Иосефштата идем.

Беседа быстро разгорелась — начались рассказы о лагере, о прежних побегах, о приключениях в дороге. Расспрашивали друг друга о революции, но все знали одинаково мало.

Люди в несчастьи скоро сходятся между собою. Не прошло и часа, как все передружились и решили итти дальше одной компанией. Всех, вместе с Менделе, Габрелевым и Акимычем, было восемь человек.

Пообедав, легли спать и проспали до темноты.

— Вставай, ребята! — крикнул Акимыч, проснувшийся раньше других.

В несколько минут вещи были собраны, мешки закинуты за плечи. Вытянувшись гуськом, двинулись вниз по склону. Внизу сквозь деревья блеснул огонь. Андрюша — так звали чернявого паренька со шрамом — вызвался пойти посмотреть, в чем дело.

Вскоре послышался его голос:

— Идите сюда!

В кустах, позвякивая колокольцами, паслись лошади. Подле костра сидели два подростка; один из них удерживал за ошейник большого серого пса, ворчавшего и скалившего зубы на ночных гостей.

— Это что за местность? — спросил Габрелев.

Паренек постарше исподлобья взглянул на него и ответил:

— Сейчас придет отец, он вам все расскажет.

Действительно, к костру подошел бородатый очень бедно одетый крестьянин.

— Это все принадлежит вельможному пану Юзефу, — сообщил он, — а я у него старший пастух.

— Про Россию ничего не слышал? — спросил пленный с белокурыми усами, которого звали Степаном.

— Нет.

— И про революцию ничего не слыхал? — вмешался в разговор Менделе.

— Нет, не слышал.

— Так вот, расскажи всем, в России революция. Царя нет. У помещиков забирают землю и отдают беднякам.

Пастух молчал и с изумлением смотрел то на Менделе, то на остальных.

— А как нам до Львова добраться? — спросил Акимыч.

— О-о!.. Это еще очень далеко, я хорошо не знаю, никогда там не был. Итти нужно вот так.

Он показал рукой на восток.

Попрощавшись с ним и с подпасками, путники тронулись в путь.

Вместе итти было веселей, но и опасней.

К сожалению, беглецы слишком поздно поняли

это — недалеко от города Русская Рова их окружила жандармерия, и никому из них не удалось скрыться.

Менделе даже заплакал от горя и досады.

— В России революция, — бормотал он сквозь слезы, — скоро мир...

Но жандармы не удостоили его ответом. Ругаясь и подталкивая отстающих прикладами, они погнали всю партию в город.

С ужасом узнал Менделе двор комендатуры и сарай, в котором подвешивали его и Габрелева, когда они отказались итти на работу в панский фольварк.

— Помнишь, Габрелев? — шепнул он.

Бледный, испуганный Габрелев молча кивнул — ему уже мерещилось лицо этапного коменданта и солдаты с веревками в руках...

Но на этот раз все обошлось благополучно. Пленных заперли в общую камеру и через полторы недели отправили в иосефштатский лагерь.

ШТРАФНАЯ РОТА

Снова очутились друзья все в том же пересыльном бараке № 7.

— Хоть лето провели на воле, — примиренно говорил Акимыч, — и то ладно.

Менделе же скрежетал зубами в бессильной ярости. Думая о том, что он был так близко от революционной России и все же не сумел до нее добраться, он впадал в бешенство, близкое к безумию, и готов был с голыми руками бросаться на вооруженных австрийцев, державших его в неволе.

Постепенно это прошло, и Менделе несколько успокоился. Но все же он еще долгое время переживал какое-то угнетенное состояние, не отвечал на вопросы

товарищей и целыми днями молча лежал на нарах, уставившись широко раскрытыми глазами в потолок.

Акимыч пробовал утешать:

— Ничего, мы еще попытаем счастья...

Но, должно быть, он и сам не верил в возможность благополучного бегства, тем более, что приближалась зима — облетали листья на деревьях, и нудный мелкий дождик моросил целыми днями, превращая землю в липкую грязь.

На работу из седьмого барака никого не посылали, и благодаря этому пленные еще больше томились. С утра и до вечера не умолкали разговоры о возможностях мира, о возвращении домой, к родным и друзьям. Все питались слухами, идущими неизвестно откуда и от кого. Ничего определенного никто сказать не мог. Австрийцы же на все вопросы отделывались молчанием.

Так проходили дни и ночи — в скуке, безделье, в вечном бездумном ожидании, что вот-вот пленных вызовут из барака, посадят в вагоны и повезут на родину.

Действительно, в одно холодное осеннее утро австрийцы приказали обитателям седьмого барака выстроиться. «Неужели домой?» — на мгновение обрадовался Менделе. Но грубость конвойных, неподвижность и тишина в остальных бараках сразу же убедили его, что до отправки на родину еще далеко.

Фельдфебель со списком в руках отобрал сто двадцать человек. Появился вооруженный конвой, состоявший из босняков и мадьяр. Партию погнали через город, на вокзал, распределили по трем теплушкам. Акимыч, Габрелев и Менделе держались вместе и попали в один вагон.

Ночью поезд остановился на станции Прага.

Пленным выдали кофе, хлеб и по кусочку колбасы.

— Не везут ли нас в Тироль? — испуганно спросил один из пленных.

Но никто ничего не мог ему ответить.

Все молчали, вспоминая о тысячах русских пленных, погибших в Альпах, и с ужасом думая, что, быть может, такая же участь ждет и их. В вагоне царила мертвая тишина. Только изредка спросит кто-нибудь с затаенным отчаянием в голосе:

— Так, значит, все, что говорили о России, вранье?

И услышит злобный ответ:

— Конечно, вранье! Видишь, снова гонят куда-то...

Менделе молча сидел в углу теплушки, подавленный, угнетенный... Но всю безвыходность положения он понял позже, когда поезд остановился на крошечной станции Франдесфесте.

Пленных вызвали из вагонов получать кофе. Поезд стоял, зажатый с обеих сторон горами, — высокие, мрачные, громоздились они одна над другой. В узком просвете между горами висел в небе серебряный месяц.

— Да, нас гонят в Тироль, — убежденно сказал Габрелев.

— Отсюда ты уже не убежишь, бородач! — попробовал улыбнуться Менделе, но улыбка вышла у него кривая, жалкая.

Акимыч вздохнул и ничего не ответил.

После кофе пленные снова вернулись в вагоны, и поезд медленно пополз вперед, с трудом пробираясь между горами.

Только здесь они узнали, что их партия составляет 157-ю штрафную роту.

На рассвете пленных выпрузили в Триенте. Их повели к пересыльному лагерю. У ворот лагерного двора

обнесенного проволочной изгородью, стояли австрийцы, пропускали русских во двор и, отсчитывая их, ударяли палкой каждого по плечу или по спине.

В этом лагере пришлось прожить восемь суток — в разрушенных бараках, без крыш. Снег свободно валил на нары и даже не таял. Было так холодно, что по ночам никто не мог спать — люди плясали, боролись друг с другом и бегали по темному помещению, стараясь согреться. Конвоиры были здесь грубы, как никогда — ни одного обеда, ужина или завтрака не обходилось без того, чтобы кто-нибудь из пленных не оказался избитым австрийскими палками.

Часть бараков была занята французами и итальянцами, ожидавшими отправки в лагеря Райхенберга и Иосефштата. Они голодали так же, как и русские, и проводили дни, стоя у проволочных заграждений, за бесценок предлагая желающим теплое белье, ботинки и другие вещи. Но денег ни у кого не было, и этот базар обычно кончался ничем.

На девятый день русских разбили на небольшие партии и отправили в горы.

Группа, в которую попали Менделе и его товарищи, насчитывала шестнадцать человек. Шли горными дорогами с утра и до темноты. Впереди шагал мадьяр унтер-офицер, а сзади — вооруженный винтовкой конвоир. К вечеру прибыли в селение Пержино. Пленных загнали на чердак какого-то жилого дома, где они и переночевали.

Весь следующий день опять провели в пути. Заночевали в брошенном жителями городе Борго и здесь влились в другую большую партию пленных.

Город был разрушен, повсюду дымились пожарища, посреди улицы виднелись груды оставленного в спешке домашнего скарба. Уцелели только отдельные

строения, да и те были пусты, разграблены, через разбитые стекла окон в комнаты нанесло ветром толстые слои белой известковой пыли. Менделе проспал ночь на швейной машине.

Через город все утро беспрестанно шли войска, главным образом немецкие, баварские части. Это несколько задержало отправку пленных. Все же к полудню достигли селения Децо, в котором была назначена остановка.

У подножья высокой горы виднелся пустой оставленный итальянцами барак. В стороне от него, посреди дороги, в изобилии валялась обувь и разное обмундирование. Никакой охраны этого имущества не было, и пленные беспрепятственно выбрали себе по нескольку пар теплого белья и по две пары горных ботинок.

Тут же, недалеко от барака, пленные обнаружили убитую лошадь. Все накинулись на нее, и не прошло и десяти минут, как кожа была снята, мясо разрезано на части и распределено по котелкам.

Запылали костры. Пленные сами готовили себе обед. Кроме конины, раздобыли еще и других продуктов — их было много оставлено и жителями и воинскими частями. Селение было недавно занято австрийцами, поэтому в нем царил полный беспорядок. Комендант штрафной роты, молодой Фендрих, с маленьким птичьим личиком, был полным хозяином. Пленные выбрали из своей среды «ходатая», который по пятам преследовал его, выпрашивая для товарищей продукты и одежду.

Ночью мимо селения опять двигались войска — навстречу далекому пушечному грохоту. Солдаты шли с факелами в руках. За ними вереницей потянулись грузовики — их сильные фонари были видны издалека. Всю ночь в горах, и внизу, и наверху, мелькали эти движущиеся огни.

На следующий день пленных перебросили в занятую накануне местность Примолано. Орудийная пальба стала слышней. Очевидно, впереди совсем недалеко шли бои.

Вдоль железнодорожной линии были расположены пустые итальянские бараки. Пленные немедленно рассыпались по баракам, в которых обнаружились большие запасы кукурузной муки, консервов, галет, сладких рожков. Вдруг послышался взрыв. Оказалось, итальянцы оставили после себя не только продовольствие, но и ручные гранаты — стоило только притронуться к ним, как они взрывались.

От взрыва погибло пятнадцать человек. Комендант так перепугался, что немедленно издал приказ, строго запрещающий русским входить в бараки без особого разрешения. Менделе же и «ходатай» — пожилой солдат Вербицкий — воспользовались удобным случаем и от имени товарищей потребовали, чтобы всю партию отправили обратно в лагерь.

— Мы пришли сюда работать, господин Фендрих, — говорил Менделе, — а воевать и гибнуть мы не обязаны.

Фендрих раскричался и велел арестовать обоих. Но ему пришлось тут же выпустить арестованных, так как остальные пленные взбунтовались и отказались выйти на работу.

На ночь всех загнали в барак. Габрелев отыскал в одном из домов два мягких ковра и устроился вместе с друзьями очень удобно.

Перед рассветом пленных разбудил сильный толчок и грохот: половина барака была снесена залетевшим сюда тяжелым итальянским снарядом. Итальянцы обстреливали железную дорогу. Перепуганные полусонные люди, бросая вещи, кинулись бежать, многие спря-

тались в туннеле и сидели там до утра, хотя ни одного удачного попадания за всю ночь больше не было.

Днем собрали человек восемьдесят и погнали в помощь солдатам рыть окопы.

Работали только русины, чехи и босняки. Немецкое командование было хозяином положения и всегда держало их впереди, а свои, австрийские и мадьярские части, — сзади.

Кроме окопов, много труда требовало также сооружение дорог, для передвижения артиллерии и обозов. Работы эти были очень опасны, так как обстрел со стороны итальянцев не прекращался ни днем, ни ночью. Часто над расположением австрийцев появлялись итальянские, американские и французские аэропланы, сбрасывавшие бомбы. Это всегда вызывало панику — и русские пленные, и австрийцы-солдаты с одинаковой поспешностью старались укрыться в безопасное место, чаще всего в туннели, которых поблизости было не мало.

У итальянцев были прекрасные позиции — занятая ими гора Монто-Драпо господствовала над всем участком между Примолано и Децо, а это делало опасным не только передовые линии, но и тыл. Стоило только показаться по дороге из Децо какой-нибудь воинской части, как начинали рваться тяжелые 24-сантиметровые снаряды, пущенные из итальянских батарей.

Менделе снова повел среди пленных кампанию, настаивая на предъявлении коменданту требований об отправке штрафной роты в лагерь. Все понимали опасность своего положения, гибнуть на австро-итальянском фронте никому не хотелось. Вербицкому поручили передать коменданту, что никто из пленных на работу больше не выйдет.

Комендант не пожелал даже разговаривать с Вер-

бицким. Это возмутило всю роту — немедленно снявшись с места, русские самовольно отошли на шесть километров в тыл и остановились в деревне, до которой снаряды уже не долетали.

Появился комендант. Он долго уговаривал пленных подчиниться и отправиться обратно в Примолано, потом стал угрожать, но никто не слушал его.

— Можете стрелять, все равно не пойдем, — заявил Вербицкий.

Комендант понял, что угрозами ничего не сделаешь, и запросил командование, как быть. Пленных предоставили самим себе, и они кормились тем, что грабили вагоны с продовольствием, добывая оттуда колбасу, ром, яблоки и сухари.

На третий день комендант заявил, что рота отправляется в тыл, и приказал немедленно собираться.

С громкими песнями и криками ура пленные покинули деревню и двинулись по направлению к Триенту.

Начался подъем в горы.

Целый день пленные двигались узкой зигзагообразной дорогой. Шли гуськом, на расстоянии в десять шагов друг от друга. Отвесные утесы, крутые обрывы и пропасти пугали не привыкших к горам русских, но все же все с любопытством глядели на невиданную панораму горного ландшафта, раскрывающуюся перед ними все больше и больше, по мере того, как дорога взбиралась ввысь.

Через каждые двадцать — тридцать шагов виднелись прикрепленные к камню дощечки с надписями: «Не кашлять», «Не разговаривать громко». Каждый громкий звук, каждое сотрясение воздуха могло вызвать в этих местах катастрофу, снежную или каменную лавину.

К вечеру достигли горной деревни Ланцино. Снег здесь лежал в полтора метра глубиной.

Пленных поместили в двухэтажный дом, обнесенный проволочным заграждением. Напротив расположился конвой, дальше — комендатура.

Менделе, Акимыч и Габрелев заняли отдельную маленькую комнату. В соседнем помещении пленные Попов и Бойко открыли нечто вроде сапожной мастерской — чинили обувь. Рядом портняжили Шнейдер, Левин и Оливкер.

Через несколько дней Вербицкий, умевший ссориться с комендантом и потому попрежнему ведавший всеми хозяйственными делами, сообщил товарищам, что фельдфебель крадет часть продуктов, отпускаемых для пленных.

Наутро никто не вышел на работу; несмотря на ругань фельдфебеля, пленные продолжали лежать неподвижно.

Вызвали коменданта. Он явился в сопровождении нескольких солдат, грозно спросил:

— Почему не выполняете приказа?

Вербицкий, Менделе и Бойко ответили, что никто не двинется с места, пока не прекратится хищение продуктов.

После кратких переговоров комендант обещал урегулировать вопрос, и пленные вышли из своего дома строиться.

Менделе попал на постройку туннеля в Кассаре. Кроме того, строительные работы производились также в Монторовер и в Карбонаре. Начальником всех этих работ был военный инженер, обер-лейтенант Шмит. Он пользовался большой популярностью среди пленных и австрийских солдат — все любили его за веселый нрав, внимательность и вежливое обращение.

Вечером, вернувшись с работы, пленные узнали от Вербицкого, что требование их не удовлетворено — паек, точно в насмешку, даже меньше обычного.

— Не брать ужин! — предложил Менделе.

Все согласились с ним и разошлись по комнатам с пустыми котелками.

Молодого солдата Панова послали за комендантом, но вместо коменданта пришли фельдфебель, капрал Вайнер и два солдата.

Фельдфебель приказал пленным построиться. Никто не исполнил его приказа. Тогда солдаты, под предводительством капрала, схватили двух человек, первых попавшихся им в руки, и подвесили к воротам.

Крики несчастных заставили остальных выбежать из дому. Все озверели, с криками наступали на своих мучителей, и австрийцам пришлось бы худо, если бы они не открыли стрельбы в воздух.

Немедленно было решено объявить еще одну забастовку, и утром, все, как один, отказались даже разговаривать с фельдфебелем.

Взвод вооруженных солдат окружил дом. Напротив ворот поставили пулемет. Но это никого не испугало. Фельдфебелю пришлось посылать за комендантом.

Кроме коменданта роты, пришел также толстый коротконогий майор Грим, начальствовавший над всеми пленными района. Когда пленные выстроились, он через переводчика спросил, кто будет говорить.

Говорить поручили Вербицкому и Менделе.

— Почему вы не хотите итти на работу? — спросил майор.

Менделе ответил:

— От имени всей штрафной роты я заявляю протест против избиений и пыток и против кражи наших продуктов. На работу мы не пойдем. Можете стрелять, если имеете право.

— Я вас заставлю работать! — завопил комендант.

— Нет, не заставите! — крикнул из строя Панов.

— Расходитесь, ребята, — прибавил чей-то другой голос.

Строй смешался, и пленные толпой повалили в дом. Это окончательно взбесило австрийцев.

Майор приказал стрелять.

Раздался залп, никому не причинивший вреда, так как солдаты стреляли вверх. Пленные, точно ничего не произошло, продолжали расходиться — они были настолько измучены и так ко всему привыкли, что им, казалось, было бы безразлично, даже если бы солдаты стреляли не в воздух, а в них.

Фельдфебель схватил Менделе за рукав.

— Подождите, господин майор хочет еще говорить.

Некоторые из пленных повернули обратно — сбились в беспорядочную толпу и молча ждали.

— Для вас будет сделано все возможное, — сказал майор, — если вы немедленно выйдете на работу.

Пленные, так же молча, снова стали расходиться.

Комендант и майор удалились, приказав фельдфебелю увести солдат. Пленных в этот день больше не тревожили.

— Ребята, зачем нам ссориться с комендантом? — заговорил вечером, когда все собрались, чтобы обсудить положение, Бойко. — Пища все равно не улучшится. А между тем есть другой выход.

— Какой?

— Драт бан... Есть такие места, где вагонетки проходят над самой землей — можно свободно брать, что захочешь.

Пленные не верили.

— А ты попробуй! — насмешливо крикнул кто-то.

— Что ж, и попробую!

Наутро Бойко и Попов демонстрировали перед товарищами мешок белой муки и ящик с консервами. Это убедило самых завзятых скептиков, и пленные решили перейти на «самоснабжение», в порядке очереди посылая на промысел всех обитателей дома.

Вскоре наступила очередь итти Габрелеву, Акимычу и Менделе. Дождавшись ночи, они вышли из дому и направились в Карбонаре. Дул холодный горный ветер. Горы казались в темноте еще более громадными. Друзья напряженно всматривались в темноту, чтобы не сбиться с дороги, и вдруг заметили какую-то тень, мелькнувшую впереди.

— Хальт! — не своим голосом закричал Менделе.

Незнакомец, сбросив с плеч что-то тяжелое, пустился бежать — ночь сразу поглотила его, и только торопливый топот доносился еще некоторое время... Друзья бросились вперед и наткнулись на мешок, валявшийся посреди дороги.

— Ого! — воскликнул Акимыч, запуская в мешок руку. — Да здесь целый цейхгауз!

В мешке оказалось сало, сахар, банки с консервами, макароны.

— По-моему, дальше итти не стоит, — сказал Менделе, — хватит и этого.

Товарищи согласились с ним, и все трое благополучно вернулись в Ланцино.

Так пробавлялись пленные довольно долгое время. Котел начал улучшаться. Но в конце концов австрийцы раскрыли способ, при помощи которого штрафная рота добывала продукты, и к помещению роты приставили караул.

Вскоре голодный режим и издевательства фельдфебеля вызвали новые беспорядки. Комендант велел арестовать Вербицкого, Менделе, Габрелева и Бойко и

отправить их в карцер — в одинокую хижину на самом хребте горы, служившую арестным помещением для провинившихся австрийских солдат.

Вернувшись после недельного ареста в Ланцино, Габрелев решил бежать. К нему присоединились Попов, Бойко и Панов.

Менделе, заболевший от скверной пищи дизентерией, не мог двинуться с места и поневоле должен был примириться с предстоящей разлукой. Он не стал даже удерживать Габрелева и только с грустью смотрел на него, вспоминая, сколько мытарств было перенесено вместе с этим черноволосым, сутулым человеком, таким прекрасным товарищем и другом.

Когда вечером, накануне побега, Габрелев подошел проститься, Менделе, со слезами на глазах, расцеловался с ним и сказал:

— Прощай, друг!.. Не удалось нам бежать вместе, может быть, посчастливится тебе одному.

Взволнованный и растроганный Габрелев пробовал утешить его.

— Не горюй, Менделе, — говорил он, — скоро поправишься и тоже уберешься отсюда... Ведь с тобою остаются друзья — Акимыч, Шнейдер, Вербицкий...

Он еще раз пожал руку Менделе и вслед за Пановым и Бойко пробрался на улицу.

Побег удался — исчезновение четырех пленных обнаружили только на следующий день. Но Менделе был безутешен, — оставшись без Габрелева, он чувствовал себя совсем одиноким, покинутым, и даже шутки Акимыча не могли развеселить его.

Вскоре на его долю выпало еще одно испытание.

В костер, на котором варился ужин, по чьей-то оплошности попала пачка патронов. Они стали рваться один за другим и несколькими пулями и осколками по-

ранили Вербицкому руку. Его увезли в госпиталь. Менделе лишился еще одного друга.

В конце зимы в Ланцино прибыл какой-то важный начальник-генерал.

Пленных выстроили на улице перед комендатурой. Генерал, прихрамывая, подошел к ним. Это был высокий широкоплечий старик. Косматые брови нависали над его маленькими голубыми глазками, седые усы и борода были аккуратно подстрижены. Обойдя строй, он на ломаном русском языке спросил — нет ли каких-нибудь претензий.

Менделе немедленно рассказал о всех обидах, — о наказаниях и пытках, о воровстве продуктов, о том, что в баню пленных водят раз в два месяца. Одобрительные возгласы товарищей прерывали его рассказ. Генерал молча слушал, поглядывая на русских.

Когда Менделе кончил, он спросил:

— Кто персонально принимал участие в избиениях?

Менделе указал на фельдфебеля, капрала Вайнера и на нескольких солдат.

Генерал повернулся к коменданту:

— Отправить на фронт. В двадцать четыре часа.

— Слушаюсь, — пролепетал комендант, поднося дрожащую руку к козырьку и бледнея всем своим птичьим личиком.

— Всем пленным, — продолжал генерал, — немедленно выдать белье и сегодня же повести в баню.

— Слушаюсь.

Менделе, осмелевший при виде этих распоряжений, спросил:

— А вы не можете сказать, когда нас отправят в Россию?

— Вы пробудете здесь, пока в России не будет восстановлен порядок, — ответил генерал и, прихрамывая

направился к комендатуре, подле которой его ожидал автомобиль.

Через два дня комендант роты был отозван. На его место назначили обер-лейтенанта Шмидта.

Пленные вздохнули свободно — часовые обращались с ними вежливо, питание сразу улучшилось, в баню стали водить каждые две недели. Кроме праздников, время от времени всем пленным предоставлялся свободный день для стирки белья и других хозяйственных дел.

Обер-лейтенант Шмидт прикомандировал Менделе к себе, в качестве посыльного при комендатуре.

Менделе перебрался в Кассари и поселился в квартире обер-лейтенанта. Здесь он встретил к себе самое лучшее товарищеское отношение и много вечеров провел в беседах со своим начальником, который, как оказалось, был членом социалистической партии. Именно от него узнал Менделе подробности о России и революции, о том, что правительство Керенского давно, еще осенью, свергнуто, и у власти стоят большевики, организовавшие по всей стране советы рабочих и крестьянских депутатов.

Менделе до тех пор не знал толком различия между политическими партиями, и слово — «большевики» было ему неизвестно. Но когда он узнал, что большевики ведут за собою рабочих, что под их руководством окончательно подавлена буржуазия и что они стоят за немедленное прекращение войны — он сам сразу и безоговорочно признал себя большевиком.

Впоследствии обер-лейтенант Шмидт рассказал ему еще многое о политических партиях, об их роли и программах, о рабочем движении в России и других странах, и, хотя он считал, что в России «применяются неправильные методы» — Менделе еще больше окреп

в своих новых взглядах и старался привить их товарищам.

А встречаться с товарищами ему приходилось ежедневно, так как, несмотря на свои обязанности посыльного, он не был освобожден от работ и вместе с другими был прикреплен к участку Кассари, где строился туннель. Иногда он приходил также по вечерам в Ланцино, чтобы повидаться с Акимычем, который работал в другом месте.

После бегства Габрелева и несчастного случая с Вербицким, Менделе еще сильней полюбил этого веселого, доброго бородача. Но скоро он лишился и его, своего последнего друга. Однажды утром на работе к Менделе подошел Шнейдер и сказал:

— Акимыч сегодня ночью скончался.

Не помня себя от ужаса и горя, Менделе побежал в Ланцино.

На нарах, вытянувшись, лежал в своих жалких лохмотьях Акимыч, и некому было даже вытереть пену на его посиневших губах... Менделе припал к телу друга и зарыдал. Напрасно искал он среди его вещей хоть каких-нибудь писем, документов — ничего не было. Осталось одно только воспоминание — Акимыч, бородач, милый, добрый человек, столько выстрадавший рука об руку с Менделе, так неудержимо стремившийся домой, к жене, к сыновьям, к труду и погибший среди диких гор, оживших только потому, что на их склонах озверевшие люди бессмысленно убивали друг друга... И, переживая всю горесть утраты, всю бессмысленность этой смерти и тысячи тысячей других, таких же напрасных смертей, чувствовал Менделе, как растет и ширится в его груди ненависть ко всем, кто породил эту чудовищную войну...

— Ничего, друг, — глухо говорил Менделе, всматриваясь в обострившиеся мертвые черты, — ничего,

бородач, мы еще отомстим за тебя, мы еще доберемся до тех, кто тебя убил...

Вернувшись в Кассари, Менделе попросил обер-лейтенанта Шмидта отпустить пленных пораньше, чтобы все могли принять участие в похоронах.

Вечером тихо, в полном безмолвии, направилось похоронное шествие к Эльблле, где находились солдатское кладбище и где рядом с могилами австрийских братьев была приготовлена новая могила...

Не скоро справился Менделе после этой новой утраты. Он был близок к сумасшествию, и если бы не заботливость обер-лейтенанта, всячески старавшегося развлечь и успокоить его, он, возможно, не пережил бы смерти Акимыча.

Начиналась весна. На вершинах гор еще белел снег, но ниже по склонам и долинам уже зеленели луга и леса. Австрийцы готовились к наступлению. По новым дорогам, выстроенным руками пленных, пыхтящие тракторы волочили чудовищные 42-сантиметровые пушки. Беспрерывно двигались войска, среди которых было много русин, переброшенных с русского фронта. Чтобы сделать эти русинские и чешские части более надежными, австрийское командование на каждые десять человек назначало пять немцев или мадьяр.

В самый разгар этих передвижений обер-лейтенанта Шмидта заменили другим комендантом. С грустью сообщил он об этом пленным. Все одинаково жалели об его отъезде.

— Прощайте, Менделе, — говорил он, — желаю вам поскорее добраться до дому. Крепитесь, не падайте духом. Мне и самому не хочется уезжать отсюда, — да что поделаешь, приходится...

После его отъезда Менделе немедленно перевели обратно в Ланцино.

Новый комендант повел себя так, что многие пленные сразу стали подумывать о бегстве. Другие старались избавиться от Тироля иными средствами. Они сами увечили себя, чтобы попасть в больницу и затем в тыл. Иногда вместо избавления они заболевали заражением крови, но даже смерть не пугала отчаявшихся, измученных людей, и все больше свежих могильных холмов вырастало рядом с холмиком, под которым покоилось тело Акимыча.

ПОСЛЕДНИЙ ПОБЕГ

Менделе понимал, что если не удавались ему его прежние побеги, то бежать из Тироля еще трудней,— в горах можно передвигаться только хорошо зная дорогу; да и самое передвижение по крутым склонам гораздо тяжелей и впору только опытному, привычному человеку.

И все же Менделе решил еще раз попытать счастья. Вместе с ним готовились к побегу Соломон Генсировский и другой пленный Коршунов. К тому же подвернулся счастливый случай — австрийский солдат Загело взялся показать им дорогу и подробно объяснил, как нужно итти, чтобы добраться до Триента и дальше через Неймарк на Меран — в Швейцарию.

Выходить решили вечером. Когда стемнело, Генсировский переоделся в тужурку, перешитую Оливкером и ничем не отличавшуюся от формы австрийского фельдфебеля. Вещи все были собраны заранее. Менделе пошел посмотреть, кто стоит в карауле у проволочного заграждения.

У ворот стоял рослый солдат в феске.

— Пан, а пан, — обратился к нему Менделе, — вы

нас пропустите? Мы хотим за продуктами итти... и вам тоже дадим.

— Уходи! — крикнул босняк свирепо, но тут же смягчился и сказал: — Если денег принесешь, пущу.

Менделе вернулся к товарищам. Генсировский сидел на нарах, совсем готовый в путь, с штыком, прицепленным к поясу. Коршунов возился с мешком, прикрепляя его за плечами.

— Ну, что, пошли? — спросил он.

— Да вот часовой не хочет пускать, денег просит.

Генсировский встал и грозно нахмурился:

— Денег?... С меня, господина цугсфирера, денег?

И часовой, действительно, пропустил.

Генсировский пошел впереди. Увидев «фельдфебеля», босняк испуганно вздрогнул и вытянулся, уступая дорогу. Он без разговоров пропустил также и Менделе, шедшего с Коршуновым сзади.

Отойдя от деревни, беглецы свернули с дороги в лес и двинулись по направлению к горе Монторелло, через которую, как сказал Загело, лежал кратчайший путь на Триент.

— А что, господин цугсфирер, — сказал Менделе, приглядываясь к вагонеткам воздушной дороги, медленно плывшим в воздухе, — не плохо бы сесть в такую вагонетку?.. Она бы нас живо довезла до Триента.

К рассвету они, несмотря на трудности ходьбы по горным склонам, были уже далеко от Ланцино.

— Ну, уж нет! — воскликнул Генсировский. — Довезти-то она нас довезет, но прямо в руки к жандармам.

— Это верно, — согласился Менделе. — Но если нельзя самим сесть, то нужно воспользоваться хоть продуктами, которые путешествуют с такими удобствами.

— Это было бы не вредно!

Все трое стали присматриваться к местности, стараясь отыскать скалу, с которой можно было бы дотянуться рукой до вагонетки в то время, как она будет двигаться мимо.

Шагах в ста такая скала нашлась. Беглецы взобрались на нее, подождали, пока вагонетка не поровнялась с ними, дружно схватили руками за край ее — вагонетка перевернулась, и из нее выпал мешок.

Сдвинутый с проволоки ролик уже не действовал, вагонетка помчалась дальше, раскачиваясь над пропастью.

Но друзья уже не интересовались ею — их гораздо больше интересовала добыча.

В мешке оказались сухие и белые, как кость, галеты.

Беглецы перегрузили их в свои сумки и двинулись дальше.

Снова углубились в лес, еще по-весеннему нежно зеленеющий. Деревья окружили их, и снова ничего не было видно, кроме узкой тропинки, извивающейся в траве.

— Сколько туристов топтало, должно быть, эту тропинку, — сказал Менделе.

— А ты поменьше думай о туристах, — ответил Коршунов, — лучше думай о Триенте.

— Аб ахт! — прикнул «цугсфирер».

Друзья захохотали, ударяя друг друга по плечу... Так, смеясь, перебрасываясь шутками, они шли весь день.

К Триенту подходили перед вечером — солнце уже скрылось за снеговыми вершинами, обещая близкую ночь.

Друзья переждали некоторое время и, когда стем-

нело, спустились вниз, забирая влево, чтобы миновать сверкавший огнями город. Вскоре они вышли на широкую дорогу, пролегавшую в долине между горами. Со слов Загело они знали, что эта дорога ведет на Неймарк. Дальше начиналась Швейцария — и — свобода, Россия, революция...

Отойдя на несколько километров от Триента, друзья свернули с дороги, проспали несколько часов и тронулись дальше.

Взошло солнце. Снежные вершины гор порозовели. На дороге пробуждалось движение — проезжали на тележках крестьяне, с тяжелым грохотом двигались грузовики, окрашенные в белый цвет, чтобы быть незаметными на фоне снега. Генсировский придал своему лицу самое серьезное выражение и, когда кто-нибудь попадался навстречу, покрикивал на русских, как самый заправский служака.

— Куда вы идете, господин цугсфирер? — спросил Менделе.

— Веду эту сволочь на работу в Неймарк, — ответил Генсировский.

Довольные этой репетицией, приятели весело расхохотались. Однако скоро им было уже не до смеха — точно такая же сцена, какую они разыграли между собой, повторилась, но уже всерьез.

Началось с того, что навстречу показалось двое вооруженных жандармов. Они равнодушным взором скользнули по лицам пленных и их конвоира. Генсировский вежливо взял под козырек. Чтобы ответить на любезность любезностью, один из жандармов спросил:

— Куда направляетесь?

— На работу, — быстро ответил Генсировский, — они из Неймарка.

Жандармы удивленно переглянулись и остановились.

— Как так, мы сами из Неймарка, — сказал один, а второй, вдруг побагровев, спросил:

— Документы у вас в порядке?

— О, да.

— Предъявите.

Генсировский полез в карман, потом в другой, в третий, но, конечно, ничего не мог найти.

— Заворачивай-ка, приятель, обратно, — сказал первый жандарм.

Часа через три были уже в Триенте. На допросе сразу все выяснилось, что пленные бегут с работы, и на следующий день их через «дрант бан» водворили в штрафную роту.

В горах снова начались крупные воинские передвижения. Войска шли густыми колоннами, в сопровождении обозов и артиллерии.

Итальянские аэропланы пытались приостановить это грозное шествие противника, сбрасывая тяжелые бомбы, причинявшие вред не столько людям, сколько дорогам, с таким трудом проложенным над пропастями и обрывами.

Пленные были заняты почти исключительно ремонтом дорог, тоже часто попадая под обстрел неприятеля.

Через неделю после возвращения беглецов в роту Менделе назначили в одну из таких ремонтных групп. До полудня все шло благополучно, но часов в одиннадцать послышался какой-то отдаленный гул, и пленные увидели над горами быстро летящий итальянский аэроплан.

Навстречу ему вынырнул другой аэроплан с немецкими крестами на крыльях.

В воздухе разыгрался бой. Обе машины то поднимались, то опускались, виляя из стороны в сторону и

гоняясь друг за другом, как две стрекозы. На несколько секунд раздался едва слышный с земли треск пулемета — и стих... Постепенно противники передвигались в сторону и, наконец, скрылись за одной из гор.

Пленные, с напряжением следившие за этим воздушным поединком, пришли в себя и сразу услышали совсем близко рев мотора. Быстро снижаясь, наплывал второй итальянец. Пленные рассыпались во все стороны и легли.

Менделе тоже отбежал к скалам и припал к земле. Рев мотора все приближался. Неимоверно выворачивая шею, Менделе взглянул вверх и увидел над собой распластанное четырехкрылое чудовище. И тотчас же что-то прохнуло, посыпалось, и от страшного толчка Менделе потерял сознание.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Менделе, раненный в ногу и плечо и кроме того контуженный, два дня пролежал в Эльблле.

Затем его перевели в Калдонацо, а через неделю в Триент. Но и здесь ему не пришлось лежать долго— его погрузили в вагон санитарного поезда и доставили в госпиталь Инсбрука.

Все это время Менделе находился в бреду и не замечал, что с ним делают — не почувствовал даже боли, когда врач извлекал из его тела осколки. Но раны были не опасны, и в госпитальной обстановке он стал быстро поправляться. Каждый день его на носилках носили в операционную, на перевязки.

Через месяц он был зачислен в число выздоравливающих.

Вскоре его посадили в вагон и повезли через всю Австрию, мимо буковых лесов, желтых, спелых пше-

ничных полей и деревень, знакомых Менделе своими белыми стенами и высокими черепичными крышами.

Менделе, обессиленному ранением, было безразлично, куда его везут, и он даже не особенно огорчился, когда увидел себя среди знакомых бараков в «городе невольников», в Вадовице.

Никого из прежних товарищей в лагере уже не было. Но все бараки попрежнему были переполнены русскими пленными, среди которых не умолкали разговоры о России, о революции и о возвращении на родину.

Особенно много говорилось о том, что в первую очередь будут отправлять больных и калек. Это придало Менделе новые силы. Он начал ходить и, ковыляя на костылях из барака в барак, спорил с офицерами, доказывавшими, будто «большевики погубили Россию», и агитировал среди солдат.

И вот наступил, наконец, долгожданный день!

Администрация собрала целый эшелон инвалидов, больных и выздоравливающих и объявила, что их отправляют на родину.

— Нах хайм! — улыбаясь, говорили австрийцы-конвоиры, усаживая пленных в вагоны.

После непродолжительной остановки в Гродно весь эшелон был переброшен в Молодечно — последний пункт на оккупированной немцами территории. Здесь сосредоточилось множество пересыльных, собранных в отвратительно и наспех оборудованном лагере. Вместе с другими Менделе пришлось жить в грязной, кишевшей насекомыми землянке.

Но Менделе не обращал внимания на грязь и другие неудобства. Он весь был полон предстоящей свободой и ходил, как невменяемый, не в силах дождаться, когда, наконец, переступит границу и увидит тех самых большевиков, о которых он столько передумал, работая в горах Тироля и лежа на лазаретной койке.

Перед самым отъездом из Молодечно один из товарищей дал ему почитать «Правду».

С трепетом развернул Менделе газетный лист. Голова у него сладко кружилась, буквы прыгали в глазах, и он с трудом понимал смысл статей и заметок. Знакомое имя Ленина, о котором рассказывал оберлейтенант Шмидт и которого с такой ненавистью называли «немецким шпионом» офицеры, несколько отрезвило его. Он стал читать внимательней — о боях на Кубани, о наступлении чехо-словаков.

Это поразило его. Ведь чехи тоже пленные, им жилось в России, должно быть, не лучше, чем русским в Австрии. Но почему же они воюют против революции, против рабочей и крестьянской армии?.. С жадностью вчитывался Менделе в стертые строки, и они постепенно объясняли ему, почему восстали чехо-словацкие части, почему кипит новая война на Дону и Кубани. «Да, война еще не кончена, — думал Менделе, — должно быть, много еще трудностей предстоит» и снова вчитывался в газету, не замечая, что с ним, где он, не слыша криков, разносившихся по всему лагерю.

Наконец один из пленных растолкал его точно спящего:

— Разве не слышишь?.. Строиться с вещами.

Менделе схватил костыли и, даже не вспомнив о своих вещах, заковылял к товарищам, уже начавшим строиться.

Через час он сидел в вагоне советского санитарного поезда и смотрел через окно на свободную советскую землю, бегущую навстречу.

В вагон вошел комиссар поезда. Это был коренастый человек в солдатской гимнастерке, в ботинках и обмотках... Лицо у него было самое обыкновенное, скуластое, небритое, заросшее рыжеватой щетиной.

Он остановился посреди пленных и начал говорить речь.

— Товарищи пленные солдаты, — говорил он, — я поздравляю вас с прибытием на родину, в страну советов, в страну рабочих и крестьян. Вы, товарищи, еще не знаете...

Комиссар говорил, весело поглядывая на пленных. Менделе слушал и во все глаза смотрел на него.

А на следующий день Менделе уже сам выступал в Смоленском партийном клубе.

— Товарищи, мы тоже большевики, — хрипло кричал он, — мы тоже с сегодняшнего дня готовы итти на любую работу, чтобы своим трудом помочь советской республике...

Радостные слезы застилали ему глаза и мешали видеть внимательные лица слушателей.

ЧИТАТЕЛЬ

Сообщи свой отзыв об этой книге, указав возраст и профессию, по адресу: Москва, 9, Б. Гнедниковский пер, 10; Издательству „Московское товарищество писателей"

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие К. Радека	3
На фронт	7
Атака	12
Дезертиры	15
В плену	22
Зимне	25
Неудачный побег	30
Второй побег	35
Эшелон мертвых	45
Город невольников	52
Кшемене	65
Выборы ксендза	90
Забастовка	95
Новые мытарства	103
Обратно в Кшемене	113
«Шлахт фельдерей абтейлунг»	122
Шамория и Иосефштат	136
Побег из Иосефштата	148
В деревне	157
Революция	165
Штрафная рота	177
Последний побег	194
Возвращение на родину	199

МОСКОВСКОЕ
ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗД-ВО: Москва, 9, Б. Гнездниковский пер., 10

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН: улица Горького, 12

цена 2 р. 60 к., переплет 40 к.